

Во имя мира на земле!

РАЗГОВОР

ЗНАМЯ ТРУДА

БОЙЦЫ ВСПОМИНАЮТ,
БОЙЦОВ ВСПОМИНАЕМ

ДАЙДЖЕСТ СТАТЕЙ

ГОЛОС
НОВАТОРА

ЗНАМЯ

Очер 2022

ББК 91.9:63

Б77

Бойцы вспоминают, бойцов вспоминаем :
дайджест / Центральная библиотека Очерского
городского округа, отдел электронных ресурсов и
информационных технологий ; составитель Е. О.
Шадская. – Очер : [б. и.], 2022. – 163 с.

Оглавление

От составителя	3
1960.....	4
1961.....	12
1962.....	19
1963.....	22
1964.....	30
1965.....	35
1966.....	53
1967.....	62
1968.....	89
1969.....	126
1970.....	134
Именной указатель	159

От составителя

Войны и их участники – эта тема всегда была близка простому человеку. В нашей стране, наверное, не найдется семьи, в которой не вспоминали бы тех, кто ушел на фронт, не чтители их память.

В послевоенные годы на страницах газет Очерского района регулярно публиковались материалы об участниках Великой Отечественной войны и других боевых действий. Некоторые из них написаны от первого лица – бывшие солдаты были еще живы. Сейчас, когда с начала Великой Отечественной минуло уже более восьми десятков лет, конечно, ветеранов в живых уже не осталось, но со страниц старых газет они по-прежнему глядят на нас и рассказывают свои истории.

В настоящем издании собраны материалы об участниках войн, наших земляках, попавшие на страницы местных газет «Ленинское знамя», «Знамя труда» и «Голос новатора» в 1960–1970 гг. Тексты статей даны без сокращений, в авторской редакции и расположены в хронологическом порядке. Для удобства поиска информации дайджест снабжен оглавлением и именованным указателем (число рядом с фамилией соответствует порядковому номеру статьи).

При составлении пособия использованы оцифрованные подшивки газет из фонда электронных документов Центральной библиотеки Очерского городского округа. С полной коллекцией оцифрованных документов можно познакомиться на [официальном сайте](#).

1. Корелин, К. В боях за Пермь : (из воспоминаний участника гражданской войны) / К. Корелин // Ленинское знамя. – 1960. – № 24. – 21 февраля.

Суровый и славный путь прошла наша третья армия. С первых же дней ее создания в ней сложилась крепкая партийная организация, сплотившая в единую семью всех бойцов.

...Освобожден от белых Глазов. Колчаковцы, откатываясь, закрепились у дер. Афонята. Наша артиллерия повела огонь по проволочным заграждениям врага. Перед колючей проволокой было паровое поле. Снаряды, падая в сухую землю, подняли такую пыль, что вдоль окопов колчаковцев образовалась густая завеса. Скрытые этой пылью, мы пошли в атаку. Белые отступили.

После небольшой задержки на железной дороге между станциями Шабуничи и Григорьевская, где колчаковцы создали сильные укрепления, наша армия подошла к Каме. Здесь развернулись упорные, кровопролитные бои.

Немало красных бойцов пало на берегах Камы смертью храбрых. 28 июня командир нашего третьего взвода Кондаков – уроженец г. Перми – попал в плен. Белогвардейцы его раздели донага и нанесли ему штыками 18 ран. У деревни Панкратово из-за потери связи 25 наших бойцов также попали в плен. Все они были зарублены.

1 июля. Железнодорожный мост через реку взорван. Бронепоезд белых ведет сильный огонь по нашим позициям. К полудню наши орудия вывели бронепоезд из строя. Наш батальон первым начал переправу через Каму. Использовали лодки и всякие другие средства. Переправившись, повели наступление на станцию Пермь-II. К этому времени форсировали реку и другие полки 29 дивизии. Белогвардейцы отступили. И вот на Каме запылал громадный костер. Это колчаковцы спустили в реку и зажгли тысячи пудов нефти. Жирным горящим слоем плыла она по воде, захватывая на своем пути пароходы, баржи, людей. На берегах загорались склады с хлебом и военным имуществом, дома. Белые сожгли почти весь камский речной флот. На баржах погибло от огня больше тысячи пленных красноармейцев. Но, несмотря на большие потери и трудности, Красная Армия продолжала наступать.

И вот Пермь была полностью очищена от белой нечисти. Наша армия продолжала наступление на Сибирь.

2. Бывший матрос – конструктор // Ленинское знамя. – 1960. – № 24. – 21 февраля.

Шел бурный 1942 год. Советская Армия и Военно-Морской Флот вели кровопролитные бои с немецкими фашистами за каждый клочок

советской земли. В этот год защищать Родину ушел молодой паренек Николай Башкирцев.

Был он зачислен матросом в военно–морские силы и направлен на Черноморский флот. Пришел Николай на передовую еще не нюхавшим порохового дыма молодым матросом. Участвуя в боевых операциях против немецких захватчиков, он отдавал все свои знания и силы для разгрома врага. На третий год службы Николай уже зрелый, опытный воин. Он завершил войну старшим торпедистом.

Закончилась Великая Отечественная война. Н. Башкирцев по ранению был уволен в запас. Началась новая мирная жизнь.

До 1956 года работал он на различных предприятиях, а с 1956 года трудится на Очерском машзаводе конструктором.

3. Мельников, М. Это не легенда / М. Мельников, Л. Ющенко // Ленинское знамя. – 1960. – № 24. – 21 февраля.

Война оставила много легенд о бесстрашных героях.

Давно рассказывали, как в первых боях 1941 года один советский солдат разгромил целую колонну немецких танков. Поверить этому было трудно.

Однако легенда о герое упорно жила в народе. Рассказывали, будто сами немцы изумились отваге русского солдата и после боя похоронили его с воинскими почестями, под троекратный салют.

Называли даже место этого легендарного сражения: деревушка Сокольничи у города Кричева, в Белоруссии. Показывали и могилу героя: на ней лежала старая каска с красноармейской звездой, пробитая пулями.

И только одного никто не мог сказать – имени героя.

Подвиг или только легенда?

Сегодня, когда закончены многолетние розыски и найдены новые документы, можно с твердой уверенностью сказать: нет, это не легенда!

Вот как это было.

17 июля 1941 года немецкая танковая колонна двигалась по Московско–Варшавскому шоссе. Наши части уже оставили Кричев и отступили за реку Сож. 409–й полк 137–й стрелковой дивизии занял оборону у шоссе с задачей прикрыть отступающие войска.

Когда танки приблизились к деревне Сокольничи, к мосту через болотистую речушку Добрость, пехотинцы изготовились к бою. Но против танков были только гранаты.

И в этот решающий момент впереди, у моста через Добрость, вдруг ожило замаскированное в кустах артиллерийское орудие. Первыми выстрелами оно подожгло головной танк и замыкающую бронемашину. Колонна остановилась. Один танк пытался прорваться через мост и раздавить орудие, но был расстрелян в упор. Свернуть с шоссе машины не могли: вокруг тянулось болото. Не умолкая ни на минуту, пушка вела точный и частый огонь. Запылала длинная вереница танков и

бронетранспортеров. Сквозь черный дым, окутавший колонну, танки наугад стреляли по советскому оружию. Несколько машин сползли с шоссе и тут же увязли в трясине. Вторая танковая колонна, показавшаяся вдали, остановилась...

Пехотинцы 409 полка, наблюдавшие бой, ликовали: молодцы артиллеристы, не подвели! Бывший политрук роты Е. Шемякин – ныне московский инженер – недавно вспоминал, что в те минуты у бойцов и командиров 409-го полка сложилось впечатление, будто огонь по танкам ведет артиллерийская батарея полного состава. Только несколько дней спустя до полка дошел слух, что вражескую колонну у деревни Сокольничи уничтожил один артиллерист.

Интересно свидетельство участника боев 1941 года в Белоруссии Героя Советского Союза полковника Е. Мандрыкина: «Под Кричевом мы отступали последними. Позади остался только молодой артиллерист, который обещал прикрыть наш отход. Фамилии его не помню».

Очевидцем легендарного поединка был и офицер гудериановской 4-й танковой дивизии обер-лейтенант Фридрих Хенфельд, убитый через год на полях России. В его дневнике нашли запись:

«17 июля 1941 года, Сокольничи близ Кричева. Вечером хоронили русского неизвестного солдата. Он один, стоя у пушки, долго (подчеркнуто Ф. Хенфельдом) расстреливал колонну танков и пехоты, так и погиб. Все удивлялись его храбрости». (Запись на днях сообщена нам военным журналистом Ф. Селивановым, читавшим дневник Ф. Хенфельда в 1942 году и сделавшим из него выписки. Интересно, что еще во время войны Ф. Селиванов пытался установить имя неизвестного героя).

Жители деревни Сокольничи Мария, Лидия и Екатерина Грабские, Ольга Борисовна Вержбицкая видели артиллериста. Перед боем он приходил в деревню. Это был молодой парень чуть выше среднего роста, с крепкой фигурой, темно-русыми волосами, открытым, типично русским лицом. Командир батареи сказал Грабским, что этот парень добровольно вызвался прикрыть отход своей части.

Жители Сокольничей слышали артиллерийскую стрельбу и видели горящие на шоссе танки. Потом по деревенской улице промчались немецкие мотоциклы-автоматчики: они окружали артиллериста, заходили ему в тыл. Пушка у шоссе вдруг смолкла, и сразу же оттуда донеслись автоматные очереди, взрывы гранат.

Артиллерист дрался до последнего патрона и был убит уже безоружным – выстрелом из парабеллума в упор – в лицо. Распластавшись, лежал он около своей пушки. Ее щит был изрешечен осколками, лафет залит кровью. Было ясно, что его ранило еще в начале боя, и он вел огонь, истекая кровью. Солдат выполнил воинский долг. У моста догорали танки и бронетранспортеры, валялись трупы. В санитарные машины грузили раненых. В соседнем березовом лесочке немцы рыли 57 могил для убитых в этом поединке с русским артиллеристом. Казалось, что над танковой

колонной пронеслась эскадрилья советских штурмовиков. А все это сделал один боец!

Около разбитой пушки толпились немцы: каждому хотелось взглянуть в лицо этому необыкновенному человеку. Даже ветераны гудериановской дивизии, воевавшие в Польше и Франции, не помнили такого солдатского героизма. Немцы только начинали войну с Россией и еще не знали, что такое советский боец. Немецкий полковник выстроил свою часть и по его приказу четверо офицеров опустили в свежевырытую могилу тело героя. Полковник произнес речь и призвал своих солдат учиться воинской доблести у этого неизвестного русского артиллериста. Над могилой прозвучал троекратный залп. Обер-лейтенант Ф. Хенфельд записал в дневнике: «Полковник перед могилой говорил, что, если бы все солдаты фюрера дрались так, как этот русский, мы завоевали бы весь мир. Три раза стреляли залпами из винтовок. Все-таки он русский, нужно ли такое преклонение?...»

Конечно, этим актом, совершенным на глазах у местного населения, немцы преследовали в первую очередь пропагандистскую цель. Шли первые дни войны— самые тяжелые для нашей страны. Заигрывая с населением оккупированных районов, фашистская пропаганда трубила, что-де в отступлении Красной Армии виноват не русский народ, а советское верховное командование, что сам по себе русский солдат умеет драться не хуже немецкого.

Так под городом Кричевом в июльский вечер 1941 года появился овеванный легендой одинокий могильный холмик.

Кто же он, этот герой из героев?

После боя в его гимнастерке нашли бумажку с фамилией и адресом. Немцы зачитали ее вслух, а жительница деревни О. Вержбицкая перевела текст односельчанам, которые были согнаны на похороны. Давно истлела бумажка, но и через много лет О. Вержбицкая и Мария Грабская припомнили имя юноши. С этого начались поиски. Почти десять лет над этой загадкой работали сотрудники музеев и архивов, журналисты, военные историки. Им активно помогали сотни патриотов, заинтересовавшихся судьбой неизвестного героя,— колхозники Белоруссии, местные партийные и советские работники, офицеры.

Отрывочные сведения о легендарном подвиге у Сокольничей появились и в печати. Кое-где правда обросла вымыслом. Кое-кто, наоборот, усомнился, что один человек смог остановить целую танковую колонну.

Но чем больше открывается история Великой Отечественной войны, тем безграничнее веришь в доблесть советского солдата и в подлинность подвигов, которые не назовешь иначе, как легендарными.

Имя героя – Сиротинин Николай Владимирович. Красноармеец 13-й армии, уроженец города Орла, сын паровозного машиниста, рабочий завода «Текмаш».

Юноша был призван в Красную Армию в 1940 году, служил в Полоцке в 55-м стрелковом полку. Под Полоцком начал войну, был ранен, попал в окружение, в плен, бежал, лежал в госпитале и оттуда—уже обстрелянным и закаленным бойцом—снова вернулся на передний край, на 476-й километр Московско–Варшавского шоссе, где и произошел его легендарный поединок с танками Гудериана.

Три недели, достойные целой жизни, хотя оборвалась она в девятнадцать юношеских лет...

Даже враги салютовали над телом героя, а соотечественники сложили о нем прекрасную легенду–быль. Чем дальше от нас 1941 год, тем рельефнее выступают черты героя под искусным резцом времени. И чем больше узнаешь о жизни и смерти Николая Сиротина, тем крепче уверенность: это подлинный народный герой, и он по праву достоин Золотой Звезды Героя.

Пусть же Золотая Звезда наконец осветит это легендарное имя!

4. Бубенникова, М. Мы не забыли ужасов войны : из воспоминаний участников Великой Отечественной войны / М. Бубенникова // Ленинское знамя. – 1960. – № 59. – 8 мая.

19 лет прошло после тяжелого, но памятного 1941 года.

Жизнь в нашем городе шла тихо и мирно. Весна вошла в свои права. Расцветали цветы, сирень, акации. И вдруг, среди этой красоты утром: 22 июня, гитлеровские бандиты нарушили мирную жизнь советских людей. Кончилось мирное время. Город перестроился на военный лад. Началась мобилизация людей на фронт. На защиту Родины уходили все новые и новые бойцы.

С 22 по 27-е июня я работала в райвоенкомате, 28 июня уехала на фронт. По приезде на место службы меня назначили хирургом в отдельную медицинскую роту. Формировались в Свердловске.

...На Великие Луки наш поезд мчался, как экспресс. Уже по дороге над нами летали немецкие стервятники, и на остановках мы прятались от их бомб кто куда. Вспоминаются тяжелые годы войны. Темные морозные ночи. Операции раненым под минометным обстрелом врага, под залпы зениток, отбивающих ночные налеты, под гул артиллерийских снарядов. Особенно трудны были первые годы войны в период временного отступления нашей армии.

Большими потерями начался 1942 год. Помню, 22 января во время работы я вдруг слышу команду: «Собирайтесь!» Спрашиваю: «Куда?» «Свертывайтесь. Немцы наступают».

У меня на столе раненый. Так, не окончив операцию, наложили повязку и эвакуировались. Куда ехать? Ночь. Мороз. Дороги нет. Пять километров пробирались до утра. Доехали до деревни Овсяники под Ржевом и снова продолжали работать. Не хватало новокаина. Операции

делали под внутривенным наркозом. Под действием наркоза раненые кричали, командовали...

Приходят на память и другие тяжелые случаи. Но всего не расскажешь. За годы Отечественной войны моими руками прооперированы сотни раненых со смертельными ранами на груди, животе, голове. И я не слышала ни одного слова ропота! Все мужественно переносили тяжелые ранения.

– Война, – по выражению Н. И. Пирогова, – это травматическая эпидемия. – И мы боролись с этой эпидемией. Надо сказать, что наши хирурги в этот период добивались блестящих успехов в области лечения травм, ускоряли сроки заживления ран. Уменьшались осложнения. Самое главное внимание было обращено на сохранение функций поврежденного органа. 70 процентов раненых бойцов вновь возвращалась в строй, чего не было ни в одной армии других государств. И нас, хирургов, всегда восхищали героическое мужество наших воинов, их патриотизм в защите своей Родины.

И вот 9 мая 1945 года. Наступил день нашей победы над гитлеровской Германией. Советский народ победил... По всей нашей необъятной Родине понеслось: слово: «Победа!» Плакали, смеялись, целовались! Ликованию не было конца.

Прошли боевые дни. Бывшие солдаты вновь вернулись в свои города и села. Миновало 15 лет мирного труда. Страна залечила военные раны. Мы не хотим войны и не вызываем ее. Но если империалисты навяжут нам войну, они получат должный отпор. Всем, кому дороги мир и спокойствие их семей, будущее детей, станут на борьбу за мир против войны. Весь ход истории подтверждает жизненность советской политики мира. А она основывается на стремлении большинства человечества к миру и прогрессу. Слава павшим бойцам за нашу любимую Родину!

5. Чудинов, В. В Пражской операции : из воспоминаний участников Великой Отечественной войны / В. Чудинов // Ленинское знамя. – 1960. – № 59. – 8 мая.

Пражская операция отличается от многих других, проведенных Пермской добровольческой танковой бригадой. Прежде всего, она началась неожиданно для личного состава, так как в это время бригада вела жестокие уличные бои в Берлине, сокрушая узлы сопротивления фашистских захватчиков.

Для выполнения основной задачи этой операции – освободить народы Чехословакии – нужно было совершить почти шестисоткилометровый марш по труднейшему для танковых и механизированных войск рельефу местности. Кроме того, у бригады не было времени для подготовки к выполнению данной операции. Вся подготовка велась на марше. Во время напряженных боев в Берлине ко мне подошел командир танка, начальник штаба гвардии лейтенант т. Михалкин

и сообщил, что по радио вот уже несколько раз к нам обращаются жители Праги, просят помощи. Мы с начальником разведслужбы бригады старшим лейтенантом т. Короткевич, подойдя к танку, услышали следующее: «Красная Армия, мы, восставшие жители Праги, просим оказать нам помощь. Фашистские войска бесчинствуют в городе, насилюют женщин, убивают детей и стариков». Это обращение повторялось диктором несколько раз на русском и английском языках. Необходимо отметить, что войска союзников в момент обращения находились уже в Чехословакии в 80 километрах от Праги. Просьбу чехословаков услышали и другие воины нашей танковой армии. Каждый хотел быть там и участвовать в разгроме врага.

Желание добровольцев сбылось. Этой же ночью, прибыв от командующего, командир бригады гвардии полковник т. Прошин поставил боевую задачу бригаде: «Совершить марш в Чехословакию с целью освободить ее и столицу Прагу от фашистских захватчиков». Бригада в авангарде корпуса должна была совершить ускоренный марш по маршруту: Берлин – Луккенвальде – Герлиц, перейти через Судетские горы близ города Шлукнов и далее по Чехословакии через Яблонец, Млада, Болеслав и до Праги.

Расстояние около шестисот километров нужно было пройти проселочными дорогами с целью добить отдельные группы противника, которые хозяйничали вдали от главных магистралей. На Прагу двинулись две танковых армии генералов товарищей Лелюшенко и Рыбалко. Рельеф местности и дороги неблагоприятствовали движению такой большой массы танковых и механизированных войск. При подходе к Судетским горам рельеф местности стал трудно проходимым. От механиков-водителей требовалось большое умение провести танк горными дорогами, по которым зачастую невозможно было обойти впереди идущий танк или машину. Малейшая оплошность водителя могла привести к гибели экипажа и десанта. Подъемы и спуски достигали 35–40 градусов.

На ротных партийных и комсомольских собраниях, проводимых на коротких остановках во время маршрута, воины коммунисты и комсомольцы клялись успешно выполнить эту боевую задачу. Многие товарищи были приняты кандидатами в члены КПСС, например, лейтенант тов. Костяев, механик-водитель тов. Кайда и другие. Молодые воины вступали в ряды Ленинского комсомола.

Главным отрядом бригады был танковый батальон под командованием гвардии капитана т. Щербань, талантливого командира и замечательного товарища, ставшего после Пражской операции Героем Советского Союза. Десантом головного отряда были замечательные саперы, действовавшие, как автоматчики и как саперы, ведущие бой и одновременно разбиравшие лесные завалы, очищавшие пути от мин.

В первый период марша по территории Германии бригада не встречала значительного сопротивления, разбивала отдельные заслоны на пути, подходила к границе Чехословакии.

Ночью на 8-е мая подошли к Судетским горам и вступили в бой за единственный путь через Судеты в этом районе. Захватчики закрепились крупными группами в наиболее трудно проходимых местах. Прикрываясь лесными завалами и минными полями, они оказывали серьезное сопротивление. Экипажи передовых танков и саперы проявляли умение, мужество и отвагу, подрывали и расстреливали из пушек танков лесные завалы, подавляя огневые точки, уничтожая и пленя врага, входили в горы.

С продвижением бригады вперед путь становился трудней, остановка одного передового танка могла задержать всю часть. Здесь по-настоящему были проявлены взаимная выручка и товарищество: мастера вождения танков проводили за собой менее опытных, саперы, не щадя своей жизни, расчищали проходы. На рассвете 8 мая бригада вошла в небольшое горное местечко (название которого не помню), где проживали судетские немцы. Дома их были гостеприимно раскрыты для советских воинов.

Танкисты прошли вершины гор. На спуске стали встречаться славянские хутора и местечки, население которых ждало с нетерпением советские войска. Трудно выразить ту радость, с какой встречали нас жители, благодарили за свое освобождение, со слезами радости подносили цветы воинам. К 11 часам утра бригада прошла Судетские горы, вышла на шоссе и на высоких скоростях устремилась на Прагу, разбивая на пути гарнизоны и отдельные группы фашистов.

9 мая в 4 часа утра бригада вышла на окраину Праги и сходу вступила в бой с оккупантами. Восставшие жители с криками приветствия, вооруженные ружьями всех систем и времен, бросились разбирать построенные ими баррикады из камней и мостовых плит, с целью расчистить путь, но наши танки под восторженные возгласы без затруднения проходили через препятствия. Развивая наступление, освобождая квартал за кварталом, бригада продвигалась к центру города – Вацлавской площади, где бои продолжались до вечера 9-го мая.

Оккупанты, испугавшись такого сильного натиска, целыми подразделениями сдавались в плен. Например, начальник штаба батальона гвардии старший лейтенант Шелеметов с писарем штаба и связистом разоружили и передали штабу бригады около двух рот оккупантов.

В боях за Прагу был проявлен массовый героизм наших добровольцев. Трудно выделить из общей массы отдельных героев. Чехословацкий народ своими глазами видел действия наших воинов, и его благодарность – лучшая награда.

В канун праздника – Дня победы над фашистской Германией, весь мир узнал о пиратских вылазках американских самолетов. Пусть за океанские реваншисты знают, что советский народ всегда и любому захватчику даст по зубам и защитит свое Отечество.

6. Власов, И. Без веры в победу нельзя победить / И. Власов // Ленинское знамя. – 1961. – № 74. – 21 июня.

22 июня, 1941-й год... Кто не помнит этот день! Может быть только те, кого еще не было на свете. Этот день положил начало суровым испытаниям нашему народу. С первых дней войны нам пришлось пережить горечь отступления, потери сёл, городов и близких боевых товарищей. Страшное бедствие обрушилось на нашу страну. И самый трудный период в истории Отечественной войны – оборона Москвы, когда каждый наш боец противостоял против десятков гитлеровских солдат, приходилось отражать по десять, пятнадцать яростных немецких атак в день. Под Москвой, как никогда, проявился героизм наших скромных советских людей.

Эта война никого не обошла, почти в каждой семье есть убитые, или без вести пропавшие. Горько оплакивали родные своих любимых отцов, братьев и мужей.

Хочется еще раз напомнить о нестигаемой крепости морального духа наших воинов в первые дни войны, о том, что пришлось испытать нашей армии в 1941 году, чтобы этого больше не повторилось, чтобы новое поколение не знало всех ужасов войны. Мы отступали, но верили в победу.

Не так давно я получил письмо от моего бывшего командира эскадрона, с кем мы прошли через суровые испытания первого года войны, с кого брали пример храбрости, кому многие из нас обязаны жизнью.

После моего ранения в начале 1942 года мы потеряли друг друга. Я делал несколько раз запросы в часть, на его родину, но все безрезультатно. И потеряв всякую надежду, я почти через двадцать лет написал о судьбе моего командира в облвоенкомат. И наконец, пришло радостное письмо, после которого нахлынули воспоминания о боевых и суровых днях войны.

Наш отдельный кавалерийский полк был сформирован в начале июля 1941 года из остатков разбитой одной кавалерийской дивизии и частей пограничных застав. Это была кадровая часть, большинство ее бойцов служили по 2–3 года, участвовали в освобождении Западной Белоруссии и Украины, и даже участники боев у озера Хасан. Организатором и командиром полка стал начальник штаба бывшей дивизии майор Иванов, наш земляк из Свердловска, энергичный, волевой и дальновидный офицер. Хотя наш полк был кавалерийский, но нас использовали как пехоту.

Имея большую маневренность, полк перебрасывался с одного участка фронта на другой в образовавшиеся прорывы обороны нашей армии. И часто приходилось совершать марши по 50—80 км в день и с ходу вступать в бой. Позднее нас стали посылать в глубокие рейды по тылам противника: громили штабы, доставали важные сведения.

...Стояла жаркая, знойная погода. Целый день полк совершал трудный переход на другой участок фронта. Два раза мы за путь

следования подвергались налету вражеской авиации. И только к вечеру полк прибыл в назначенный район. Наш эскадрон занял участок обороны перед опушкой молодой рощи. Впереди проходила овальной формы неглубокая долина. Место для обороны было очень удобное. Командир эскадрона вместе с командирами изводов осмотрели всю местность, наметили, где поставить пулеметы и противотанковые ружья, обозначили будущие окопы, коноводы с лошадьми укрылись в роще. Вскоре раздалась команда рыть окопы. Загудела земля под ударами маленьких острых лопаток, полетели груды глины и песка. Бойцы торопились, старались как можно глубже зарыться в землю. Целую ночь продолжалась эта тяжелая, но необходимая работа. Когда окопы были готовы, свежий слой земли был убран и тщательно замаскирован. Все было готово к бою. Наступила полная тишина. Каждый чувствовал, что с рассветом предстоит тяжелый бой, поэтому старался лучше использовать минуты затишья. Большинство бойцов, сидя в окопе, прислонившись спиной к прохладной стенке, задремали тяжелым, но чутким сном.

Ночи были короткие и скоро наступил рассвет. Солнце поднялось из-за горизонта и осветило далекие рощи и возвышенности, дорогу, змейкой выющуюся на Торопец. Никаких признаков приближения немцев не было. Медленно тянулись часы ожидания. Солнце уже поднялось высоко и от его палящих лучей не было спасения.

Вдруг, слева от дороги, на небольшой возвышенности раздался глухой взрыв, и тотчас послышался свист, который все усиливался, стал похожим на завывание и оборвался взрывом.

– Началось! – прошептали все сидящие в окопах. Эта первая мина разорвалась далеко впереди окопов и никакого вреда не причинила, но все понимали, что за этой первой последуют десятки, таких же нудно воющих мин. И вскоре воздух завыл, загудел от целого их потока. Разрывы медленно приближались к нашей обороне и уже стали рваться в окопах. Мы были вынуждены покинуть их и уйти на запасные ячейки и щели. Огневой вал немецких минометов продолжался ровно час и внезапно оборвался. Теперь надо было ждать пехоту и танки. Они вывалились целой группой из-за небольшого холма и по дороге стали спускаться в долину. Немцы подходили все ближе и ближе, не ожидая сопротивления.

Выполняя приказ командира – не открывать огонь, эскадрон замер. Наш план заключался в том, чтобы дать немцам полностью втянуться в долину и ударить им во фланг. Вот они, поднимая пыль по дороге, поравнялись с нами и уверенным шагом двинулись вперед. А команды открыть огонь все не было.

– Огонь! – раздалась резкая команда командира. И сразу оборона ожила. Застучали ручные пулеметы, их дополняли частые винтовочные выстрелы. Удар был неожиданный. Гитлеровцы падали как подкошенные, часть из них побежала назад по дороге, но тоже, падала, пораженная в спину. Бой длился всего пятнадцать минут. Долина покрылась трупами и стонами раненых. Немецкий взвод перестал существовать. Снова

наступило затишье, но повсюду в окопах слышались сдержанные шутки, смех, делились впечатлениями и радостями победы. Некоторые доставали кисеты и неторопливо, дрожащими руками крутили сигарки, другие вынимали из противогазных сумок хлеб, консервы и подкреплялись. Не прошло и часа, как послышалось глухое гуденье моторов. Приближались танки. Неожиданно на холм, слева от дороги, выскочили три танка и остановились. Видимо немецкие танкисты решили тщательно осмотреть местность и расположение нашей обороны. После этого они дали по залпу и на большой скорости ринулись на наши окопы. Сразу же за ними вывалила немецкая пехота, но сейчас она шла более осторожно, рассыпавшись широким фронтом.

Стремительно спустившись с холма, танки пересекли дорогу и подходили к нашим окопам.

Немецкая пехота не хотела отставать от танков, она делала быстрые перебежки, прячась за ними. Один танк шел впереди, а два – сзади. Когда оставалось метров сто до переднего танка, заговорило противотанковое ружье Сидоренко. Ведя беглый огонь, танки шли, и казалось, что противотанковое ружье не причиняет им вреда. Когда осталось 20–25 метров, теряя всякую надежду, Сидоренко выстрелил из ружья, и вдруг из моторной части переднего танка повалил густой дым... Но два продолжали движение. Один из них уже наехал на окоп сержанта Дубовицкого, развернулся на 180 градусов, потом снова сделал разворот в обратную сторону и пошел в тыл нашей обороны. Не прошло несколько секунд, как из утрамбованной танком земли показалась рука, потом голова и все обсыпанное землей туловище Дубовицкого. Медленным движением он выпрямился в окопе, подался вперед и взмахом из-за спины, низом бросил противотанковую гранату вслед уходящему танку. Мгновенно раздался оглушительный взрыв. Правая гусеница танка разорвалась и стала медленно сползать на землю. Танк забуксовав на месте, остановился. А третий прошел нашу оборону, устремился к роще и наделал целый переполох среди коноводов. Но участь его тоже была решена. Он попал под огонь противотанковых ружей 3-го, резервного эскадрона и подбит.

– Бей пехоту! – раздался голос командира эскадрона Самохвалова.

Заговорили ручные пулеметы отделения Калашникова. Немцы замедлили движение, некоторые из них, словно споткнувшись, падали на землю. Но другие продолжали движение, и только в метрах двадцати от наших окопов залегли. В ход пошли ручные гранаты. С нами в окопах еще находился комиссар полка Ефимов. Когда он появился, трудно сказать, но так было каждый раз, в самый опасный момент он всегда был с нами.

– За мной, в атаку! – громовым голосом крикнул командир. Он легким движением выскочил из окопа, выхватил из ножен клинок и устремился вперед. Ничего нет удивительного, что можно в пешем строю ходить в атаку с клинком в руках. Это был прославленный кавалерист, участник походов Буденного, мастер рубки, и в атаке не хотел признавать никакого оружия, кроме клинка. Все стремительным порывом выскочили

из окопов за своим командиром. Немцы быстро поднялись, мгновение постояли в нерешительности, и двинулись нам навстречу. Начался страшный рукопашный бой. Повсюду слышался лязг железа, стук прикладов, крики и стоны сраженных. Командир эскадрона врезался в самую гущу немцев и частые взмахи его клинка сверкали на солнце. Вот он ловким движением клинка вышиб автомат у немецкого солдата и сильным ударом развалил его туловище пополам. Под его неотразимым ударом уже пал второй, третий, четвертый... Атака закончилась полным разгромом немцев. Возбужденные, тяжело дыша, бойцы медленным шагом возвращались в окопы. Командир эскадрона нес в правой руке клинок, опущенный концом к земле, а левой прижимал рассеченный подбородок. Кровь медленными струйками текла по его руке. Комиссар Ефимов на ходу вкладывал пистолет в кобуру и никак не мог попасть в нее.

– Ну, кавалерия, – сказал командир эскадрона, – поздравляю с победой, похороните убитых и можете спокойно отдохнуть. На сегодня отбили у них охоту, больше не сунутся.

Но не прошло и несколько часов, как прискакал связной из штаба полка. Он привез приказ. Комиссар Ефимов взял его, прочитал, сложил пополам и задумчиво посмотрел на командира эскадрона.

– Что, снова отступаем? – тихим голосом сказал командир эскадрона.

– Да, отступаем, – ответил комиссар. А почему отступаем, ты мне можешь объяснить, комиссар? От самой границы идем, сотни километров прошли. Мы сегодня потеряли пять человек, а разгромили целую роту немцев, уничтожили три танка. А сколько мы их уничтожили с начала войны? Много! Так почему же мы отступаем?

Комиссар передал приказ командиру эскадрона и ответил не сразу:

– Ты не первый день на войне, сам видишь обстановку. Чтобы отступать, надо больше силы воли, нежели для того, чтобы пойти в атаку. Да, мы отступаем потому, что Гитлер захватил всю Европу, его армия уже три года ведет войну, на их стороне превосходство в танках и самолетах. Но настанет время, когда наши армии пойдут обратно на Запад. Да, мы сейчас отступаем, но только для того, чтобы вернуться с победой в свои родные места. Без веры в победу нельзя победить. Наша главная задача – изматывать силы врага и сохранить людей. Иди, отдавай приказ об отступлении. Мы в окружении. Немцы на 25 километров позади нас.

...Вот уже скоро месяц, как полк с тяжелыми, кровопролитными боями отступал на восток. Стояло знойное июльское лето. Всюду колыхались целые поля неубранной ржи и пшеницы. Мы шли походной колонной по проселочной дороге вблизи шоссе Невель-Великие Луки. Каждый из нас думал об одном: почему отступаем и когда сможем остановить немецкое наступление? Накануне, заняв высоты севернее Клястина, наш полк, еще не закончил рыть окопы, как был атакован немецкой мотопехотой. Немецкие мотоциклисты сходу вступили с нами в бой и с большим ожесточением повели наступление. Они хотели любой ценой захватить шоссе Поло-Невель. Вот уже отбита четвертая, пятая

атаки, а конца боя не видно. Два раза дело доходило до рукопашной схватки. И наконец, немцы, бросив все свои резервы, прорвали нашу оборону на правом фланге, на стыке -го и 3-го эскадронов. Создалась угроза поражения полка. И в этот критический момент комиссар полка Ефимов повел за собой пулеметный взвод и ударил в тыл наступающим немцам. 2-й и 3-й эскадроны поднялись в атаку и положение было восстановлено. Только с наступлением сумерек закончился этот тяжелый бой.

7. Чудинов, С. В гуще народных мстителей / С. Чудинов // Ленинское знамя. – 1961. – № 75. – 23 июня.

Я был комиссаром партизанского отряда «Тризна». Однажды был вызван в Москву. Через два месяца в начале марта 1943 года мы 44 человека вылетели в тыл врага на 4-х самолетах в район треугольника городов Белосток, Гродно, Барановичи.

Перед нами стояла задача организовать в этом районе партизанское движение, наносить удар фашистам в спину, давать разведданные, спасать наших людей от угона в фашистские лагеря, спасать наших военнопленных. Какая большая была радость, когда мы приземлились и утром обнаружили в лесах партизан. Они видели как мы прилетели и выбросились на парашютах. Теплые братские рукопожатия и объятия, сердечные поцелуи, привет с большой земли, от родной Москвы, вот что им было дороже всего. Недолго нам пришлось вести эти первые радостные разговоры. Из соседних деревень прибежали связные и сообщили что прибыли немцы и полицаи и ищут десантников. Часа через два мы с боями начали отходить в леса Налибокской пуши и там укрылись от их преследования. Весть о нашем десанте быстро разнеслась по лесам и селам. К нам приходили все новые и новые отряды, одиночки, группы, семьи, приходили жители целых деревень во главе с коммунистами, оставленными для организации партизанского движения. Отряд быстро рос и впоследствии в нем насчитывалось более 5 тысяч человек. Это была партизанская бригада.

Партизаны сожгли и взорвали много немецких складов, электростанций, заводов, мостов. Вот один пример.

По разведданным нам стало известно, что немцы в местечке Дятлово накапливают зимнюю обувь и обмундирование для отправки на фронт. Отряду «Звезда» было приказано произвести разведку и уничтожить данный склад. Трое девушек из этого отряда тт. Зверкунова, Ляхова и Мазенина взялись за выполнение задания. Они сходили несколько раз в м. Дятлово и произвели разведку. Девушки предложили зажигательными пашками зажечь склады, составили план поджога, который был утвержден и приведен в исполнение. Партизаны вели и рельсовую войну. В ночь на 26 июня 1943 года командирам отрядов было приказано разобрать железнодорожные рельсы между Белостоком и Волковыском на

протяжении 20–25 километров. Весь состав бригады выходил на задание, и железнодорожное полотно было взорвано. Это задержало на 2–3 суток движение по железной дороге.

Был у нас и подпольный антифашистский комитет. Им руководила девушка из Белостока Лиза Чанник, сейчас работающая в Казанском университете. Члены комитета передавали железнодорожникам заряженные, маскированные под уголь мины. В пути эти мины вместе с углем попадали в топки паровозов и получался взрыв.

Комитет проводил большую разъяснительную работу среди населения городов Белостока, Гродно, Волковыска. Он организовывал побег наших военнопленных из лагерей, снабжал нас медикаментами и даже достал план обороны города Белостока, который мы переправили командованию Красной Армии. Листовки, призывы к борьбе ночью расклеивались на заборах и видных местах в городе и утром читались с большим интересом населением.

По официальным данным в Белостоке насчитывалось до 850 членов антифашистского комитета, в том числе были и три директора текстильных фабрик по национальности немцы. Один приехал в лес с семьей, ходил на задания вместе с нами, а один из немцев перед уходом к нам вывел текстильную фабрику из строя.

Были конечно у нас и большие потери. Например, в конце декабря 1943 года комиссар партизанского отряда имени Комсомола Белоруссии лейтенант Костя Бандаровский, находясь на задании около города Гродно, с группой партизан был предан немцам. Немцы на 15-ти машинах подъехали к землянке, где спала группа, окружили спящих партизан и когда часовой заметил и открыл огонь, было уже поздно, землянка оказалась окруженной. В неравном бою вся группа погибла, но и немцы с этого боя увезли убитыми 2 офицеров и 26 солдат войск СС. Сейчас на шоссе Гродно-Берестовица Косте Бандаровскому и остальным товарищам поставлен хороший памятник с лавровым венком.

А какие чудовища устраивали немцы на захваченной территории: они сжигали целыми деревнями всех—стариков и детей, особенно во время облав на партизан. Я был свидетелем поджога многих деревень, угона в фашистскую каторгу тысячи девушек и юношей. Так дотла были спалены немцами целые районы Белоруссии вместе с населением.

В эти дни в связи с 20–летием с начала Отечественной войны 1941 — 1945 годов радио, газеты, товарищи—бывшие фронтовики напомнили мне о тяжелых днях. В памяти воскресли все ужасы виденного и с новой силой всколыхнулась боль утраты замечательных, отважных, смелых, горячо любящих жизнь, яростно боровшихся и погибших людей—моих дорогих товарищей.

То, что было — не должно повториться. Мы должны принять все меры, чтобы не было новой войны. И сегодня от всего сердца хочется благодарить нашего Н. С. Хрущева за энергию, старания, за неутомимую борьбу за мир и счастье для народов.

**8. Рязанов, Н. По страницам одной трудовой книжки / Н. Рязанов
// Ленинское знамя. – 1961. – № 108. – 8 сентября.**

Этой книжке за двадцать лет своего существования не пришлось кочевать по разным организациям. Лежит она в одной и той же серой папке, и лишь время от времени берет ее в руки инспектор отдела кадров, чтобы внести новую запись об очередном поощрении.

...Шел к концу первый год Великой Отечественной войны, когда Г. К. Носков, владелец данной книжки, поступил работать на завод в литейный цех учеником обрубщика.

Скупые строчки документа не могут сказать о том, как пятнадцатилетнему подростку кроме обрубки приходилось выполнять и другие нелегкие обязанности. Вдвоем с напарником Носков таскал на длинном шесте, спотыкаясь и прыгая через формы, небольшой разливочный ковш (кранов в цехе в ту пору не было). А в ковше клочкотал и стрелял огненными звездочками добела расплавленный металл.

Через год с небольшим в трудовой книжке появилась следующая лаконичная строка: «Переведен в ОКС рабочим». Всю осень Носков приводил в проезжее состояние дороги, лазая по колено в грязи, а зимой стал грузчиком отдела снабжения. Он грузил и разгружал автомашины, чем мог помогал шоферам: накачивал баллоны, заливал бензин, масло и воду. Позже начал подменять за рулем водителя, сначала в присутствии последнего, а потом вполне самостоятельно.

Шоферы работали сутками, засыпали на ходу, и такой смекалистый помощник оказался как нельзя более кстати.

Начальство увидело, что из юного грузчика может получиться добрый шофер и отправило его в ученики к автослесарям.

Около года прокопавшись во внутренностях автомобилей всяких марок, Носков в официальном порядке стал стажером и водил машину в дальние рейсы без шоферских прав. А в 1947 году он экстерном сдал экзамены на шофера.

С тех пор много тысяч километров дальних и трудных дорог осталось позади. И вехами пройденного пути красноречиво служат краткие записи в трудовой книжке: о награждении шестью Почетными грамотами райкома КПСС и райисполкома, пять благодарностей за честный и добросовестный труд и трехкратное занесение на Доску почета.

Шоферская жизнь Георгия Карповича Носкова проходит в постоянных командировках. Вернувшись ночью или утром из рейса, он сдает груз, запасается бензином, берет пустые баллоны из-под кислорода и вечером снова отправляется в путь.

Нынешней весной в завод пришли две новых машины ЗИЛ-164. Одну из них сейчас водит Георгий Носков.

9. Анурьев, С. К участникам обороны Киева в 1941 году / С. Анурьев // Ленинское знамя. – 1962. – № 16. – 7 февраля.

Много подвигов совершили воины нашей Армии и Флота в период Великой Отечественной войны. Одной из ярких страниц первого периода войны была героическая оборона Киева в июле-сентябре 1941 года. Отмечая эти героические дела защитников Киева, Президиум Верховного Совета СССР учредил медаль «За оборону Киева».

Медалью «За оборону Киева» награждаются все участники обороны Киева — военнослужащие Советской Армии, Флота и войск МВД, а также все трудящиеся, которые принимали участие в обороне Киева в рядах народного ополчения, на сооружении оборонительных укреплений, работавшие на фабриках и заводах, обслуживавших нужды фронта, участники киевского подполья и партизаны, сражавшиеся с врагом под Киевом.

Для оформления наградных документов всем участникам обороны Киева необходимо до 20 февраля 1962 года обратиться в райвоенкомат.

10. Белозерова, Е. Дело, которого нет дорожке / Е. Белозерова // Ленинское знамя. – 1962. – № 28. – 7 марта.

Еще на школьной скамье Аня решила жизнь свою посвятить медицине. Желание ее исполнилось: незадолго до войны она закончила Щегровский медицинский техникум.

Аня мечтала работать в белоснежных палатах больницы, лечить людей, помогать им преодолевать недуг. И особенно хотелось молоденькой сестре работать в детской клинике. Но получилось иначе.

Грозная туча войны повисла над страной. Прозвучало тревожное: «Родина в опасности!». Вместе с отцом и братом, вместе с первыми добровольцами-мужчинами отправилась медсестра Анна Соснина на защиту Родины.

...Лиски ...Бологое ...Великие Луки. Сколько тяжелых воспоминаний всплывает в памяти. Широко открытыми, полными ужаса, боли и гнева глазами, стоя у операционного стола эвакогоспиталя, Анна наблюдала страшнейшие последствия войны. Стиснув зубы, спрятав волнение, Анна делала все, что положено военной медсестре. Когда требовалось – сутками не выходила из операционной, перевязывала раненых, всегда оказывалась рядом, готовая помочь тяжело раненному, облегчить его страдания.

Разъяренный враг даже госпитали не оставлял в покое. Зачастую операции приходилось делать, когда от бомбежек и обстрелов сыпалась с потолка штукатурка, вылетали стекла из окон операционной. Стол с оперируемым и хирургами приходилось прикрывать простынями, операции проводить коченевшими от холода руками. Но как бы не было

опасно, хирурги, а с ними и молодая хирургическая сестра Анна Соснина не оставляли своего поста.

Не только общее горе, охватившее страну, несла на своих плечах Анна. Оно перемешивалось и с личным ее горем, не давало ни на одну минуту забыться, успокоиться. Редкие весточки из далекой, занятой немцами курской деревни – родины Ани – были тревожнее одна другой... Нет никаких вестей от отца и брата. Двух сестер Ани угнали в неметчину, сожгли родную деревню, а постаревшая от горя мать и маленькая сестренка Маруся остались без крова, без куска хлеба. Разметало по свету всю их большую и дружную семью.

Было невыносимо тяжело, но испытания не сломили Анну Васильевну. Спрятав горе, она честно несла свою нелегкую службу.

...Тяжелый 1943 год навсегда останется в памяти Анны Васильевны не только как период напряженной фронтовой жизни. В этом году ее приняли кандидатом в члены Коммунистической партии. В этом же году на ее выцветшую гимнастерку приколоты медаль «За боевые заслуги».

Никогда не забыть А. В. Сосниной и 1945 год – год великого торжества – победы над гитлеровской Германией. Но День победы над фашистами не означал конец службы в армии А. В. Сосниной. Ее, как и многих других работников госпиталя, перебросили на восточный фронт и только в 1947 году Анна Васильевна демобилизовалась из армии. Приехав после фронта на родину мужа в Очер, она поступила в районную больницу и занялась самым мирным делом.

С жаром взялась Анна Васильевна за новую работу. Дети—они удивительно тонко чувствуют их настоящих друзей: таким другом признали они и бывшую военную медсестру А. В. Соснину. Ребятишки потянулись к ней, путая ласковые руки Анны Васильевны с добрыми руками своей мамы.

Многим ребятишкам, попавшим на лечение в детскую больницу в первый год жизни, Анна Васильевна заменяла мать. Появление на свет близнецов Бори и Светы Неживых стоило жизни их матери. Ребятишки родились слабыми, болезненными. Сколько сил и энергии, сколько души вложила Анна Васильевна, что-бы выходить ребятишек, чтобы они хорошо развились, стали здоровыми, крепкими! Анна Васильевна сама составляла питательные смеси, кормила детей, ночами просиживала у их кроваток, когда они болели. И выходила. Боря и Света выросли крепкими, здоровыми. Их взяли на воспитание в семьи очерские жители.

Мама крошечной Наташи Свешниковой, подарив девочке жизнь, больную и слабенькую, нескольких дней от роду оставила на лечение в детской больнице и исчезла в неизвестном направлении.

– Не выжить малютке, уж больно слаба, вздыхали многие из обслуживающего персонала больницы.

– Выживет, – сказала Анна Васильевна. И снова пошли бессонные ночи и дни, полные тревоги и борьбы за жизнь маленького существа.

– В награду за ее труд, заботу и любовь маленькая Наташа подарила ей первую улыбку, сказала первое слово и, вытянув навстречу Анне Васильевне маленькие ручонки, подбадриваемая её ласковыми словами и взглядом, сделала свой первый шаг.

Как серебряный колокольчик звенел в больничных палатах смех ребенка, вызывая улыбку на лицах работников больницы.

Полтора года прожила Наташа в больнице. Все это время Анна Васильевна разыскивала по всем инстанциям мать. Нашла, когда Наташа была уже большая, но мать так и не приехала. Ребенка определили в детский дом.

А сколько им, таким, как Боря и Света, как Наташа Свешникова отдано душевной теплоты этой удивительной женщиной.

Работой ее довольны врачи детской больницы, назначения которых выполняются сестрой четко, аккуратно, умело. А родители благодарят ее за материнский уход за их больными детьми. В ее работе удивительно сочетается четкость и точность военной медицинской сестры с нежностью и лаской матери. Но работой в детском отделении районной больницы не ограничивается Анна Соснина. Она секретарь партийной организации райбольницы и ей до всего есть дело. Она добивается хорошей работы всего отделения, всей больницы и делает для этого все, что в ее силах.

Анна Васильевна уважаемый в коллективе человек. К ней идут за советом и помощью. Она – рядовой армии коммунистов воплощает в себе черты строителя коммунизма: человек человеку друг, брат и товарищ.

В День 8 Марта хочется пожелать этой неутомимой женщине больших успехов в работе, радости и доброго здоровья.

11. Шаров, Г. На земле и в небе / Г. Шаров // Знамя труда. – 1963. – № 27. – 7 мая.

Великая Отечественная война застала меня в частях Военно-Воздушных Сил. Служил я авиамехаником в истребительной авиации под Ленинградом. С первых дней войны летчики нашего полка вели упорные бои, совершали героические подвиги. Очень часто самолеты возвращались на аэродром сильно поврежденными, и нам, техническому персоналу, приходилось их ремонтировать, снова готовить в бой.

Интересен такой факт. Первые, даже не столь значительные повреждения, вызывали у нас сомнения в возможности устранить их своими силами. Дело доходило до того, что такие самолеты списывали. А потом мы брали эту же самую списанную технику и полностью восстанавливали. Самолет снова поднимался в воздух.

Работать доводилось сутками, без отдыха. Ремонтники уставали так, что засыпали на ходу или стоя у своего рабочего места. Уснувшего иногда невозможно было разбудить в течение нескольких часов.

Летом 1942 года наши истребители вылетели в район Сталинграда, а мы – следом за ними на самолете ЛИ-2. Но, прибыв на место назначения, летчиков там не застали – они отправились дальше. 20 дней мы их догоняли. Без технического персонала летчикам пришлось самим заправлять, заряжать и даже ремонтировать самолеты. И это для них было самое трудное время. Ведь после напряженного полета и воздушного боя отдыхать не удавалось, каждому обо всем надо было позаботиться, чтобы быть готовым к следующему боевому вылету. Один из летчиков нашего полка в этот период, совершив вынужденную посадку, сам разобрал истребитель, погрузил его на машину и привез на свой аэродром, хотя имел моральное право бросить самолет.

К лету сорок третьего года авиационные конструкторы и промышленность обеспечили Военно-Воздушные Силы отличной техникой в достаточном количестве. Это были уже далеко не те самолеты первого периода войны, уступавшие немецким в скорости и маневре. Советские летчики на новых истребителях добились господства в воздухе.

Но каждая победа по-прежнему давалась нелегко, с большим напряжением нервов. Летный состав совершал в день по 5–6 боевых вылетов, и каждый из них сопровождался воздушным сражением. Это значило столько же раз в день взглянуть смерти в лицо. К вечеру уставший до предела летчик, бывало, не мог сам выйти из кабины, хотя ранений не имел.

Однажды во время битвы на Орловско-Курской дуге наш однополчанин Вася Кашинцев прилетел с очередного задания.

На его истребителе мы насчитали 98 пробоин, а в парашюте нашли... неразорвавшийся снаряд от зенитной пушки «Эрликон». Этот самолет

«технари» привели в боевую готовность за одни сутки. Об отдыхе, конечно, никто и не заикался.

Вася воевал с сорок третьего года и до конца войны. Не был ранен ни разу, сбил немало вражеских самолетов, награжден тремя орденами Боевого Красного Знамени. А уколов очень боялся. При виде безобидного шприца Вася убегал от медиков без оглядки.

Вспоминается и такой случай с другим летчиком нашего полка – Колей Галкиным, уроженцем Пермской области. В 1944 году при штурме одного из горных перевалов в Румынии он стал упрашивать авиатехников не проверять мотор перед вылетом, горячо уверяя, что двигатель работает хорошо, зачем зря гонять! Но, как выяснилось, сердце самолета работало неважно, и пилот сам это прекрасно знал. А скрывал потому, что не хотел задерживаться с вылетом и отстать от товарищей.

Колю все-таки пришлось немного задержать, всего на несколько минут, необходимых для устранения этой неисправности. Он был очень огорчен, но вскоре догнал свое звено в воздухе.

Ратные подвиги крылатых воинов Страны Советов, повседневный кропотливый труд авиационных техников, механиков и других авиаторов приблизили день нашей победы, войдя яркой страницей в летопись войны, являясь живым примером для грядущих поколений.

12. Морозов, А. Незабываемый день / А. Морозов // Знамя труда – 1963. – № 28. – 9 мая.

Свой боевой путь в годы Великой Отечественной войны наш артиллерийский, а потом гвардейский полк «катюш» начал на Дону в июньские жаркие дни 1941 года. С тех пор я участвовал во многих жарких боях. В памяти сохранились многие боевые эпизоды. Но самым незабываемым был день 9 мая 1945 года – День Победы над гитлеровской Германией.

Мне довелось участвовать в штурме Берлина, в последнем тяжелом бою. Упорное сопротивление остатков фашистских войск не могло остановить стремительного натиска наших войск. 2 мая Берлин был взят, а 9 мая – праздник Победы мы отметили в фашистском логове. Трудно описать, какая радость нас всех охватила, мы обнимали друг друга, поздравляли с Победой, целовались и плакали.

13. Скорынина, Л. Пусть всегда будет солнце... / Л. Скорынина // Знамя труда. – 1963. – № 27. – 7 мая.

В суровый 1941 год, когда фронт подходил к Москве, в числе молодых девушек я участвовала в строительстве оборонительных сооружений под городом. Под пронизывающим ветром и бомбежкой девичьи руки валили лес, рыли траншеи, строили противотанковые заграждения...

Затем – добровольный уход на фронт связисткой. Боевой путь нашей части начался с Северо-Кавказского фронта. Ярро помню горы, степи. Плавни, бездорожье. Во время одной бомбежки – контузия. Госпиталь, затем снова – фронт, уже Волховское направление. Под артиллерийским и пулеметным огнем исправляла прерванную связь. Тяжелое ранение.... Первая награда – медаль «За отвагу».

После снова фронт – в составе прежней части. Снова бои. Ленинградский, Прибалтийские фронта, Латвия, Литва... Первый Белорусский. Освобождение Варшавы, форсирование рек Вислы, Одера. Наша часть участвовала и во взятии фашистского логова — Берлина.

Получила я много наград: медали «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией» и особенно дорогой мне орден Красной звезды за образцовое выполнение боевого задания во время наступательных боев.

Я видела разрушенные города и села, начисто сожженные деревни, замученных советских людей. Испытала весь ужас войны. И, как мать, как участница великих боев за Отчизну, говорю: не хочу, чтобы ужасная, разрушительная война повторилась. Вместе с миллионами матерей и отцов я хочу, чтобы всегда был мир, цвели сады, росли здоровые, веселые дети.

Чтобы советские люди могли строить коммунизм!

14. Рязанов, Н. Ефрейтор Люся / Н. Рязанов // Знамя труда. – 1963. – № 27. – 7 мая.

В том жарком памятном бою телефонная связь артиллерийских разведчиков с командным пунктом и огневой позицией батареи прерывалась множество раз.

Наши войска наступали под Псковом по ровной открытой местности. Единственным укрытием была невысокая железнодорожная насыпь. Враг, отступая, использовал каждый удобный рубеж. И на этот раз, закрепившись на выгодной, покрытой лесом высотке, он тоже не жалел снарядов и мин. На поле боя бушевал сплошной огненный смерч. Поддерживать в такой обстановке бесперебойную связь — это подвиг.

Устраняя повреждения на линии, погиб один, другой, третий... Пришел такой момент, когда на командном пункте осталось трое связистов. И снова обрыв. Командир взвода связи зло швырнул безмолвную трубку, поколебался несколько секунд, глядя на крошечный ад вокруг, и приказал:

– Чураков, Жарова! Восстановить!

Прижимаясь к земле, не поднимая головы, поползли. Недалеко от командного пункта нашли порванный провод, связали, подключились своим аппаратом — тишина по линии. Стали искать дальше, снова обнаружили порыв, потом еще и еще... Устранили, а связи по-прежнему нет. Четвертое повреждение нашли при новом артоналете противника. На связистов дождем посыпались комья земли, но оба, словно не замечая

опасности, исправили и вздохнули облегченно: трубка заговорила и сразу же усилился огонь наших батарей.

Чураков и Жарова по-пластунски ползут обратно, время от времени подключаясь к линии. Они слышат команды артиллеристов, поправки корректировщиков и немного успокаиваются. Значит, все пока идет нормально. Только надолго ли?

Еще далеко было до командного пункта, а трубка вновь замолкла. Где порвался провод? И сколько их опять, этих порывов? Не сговариваясь, связисты направились в разные стороны – так вернее и надежнее.

Люся Жарова осторожно ползет вдоль тонкой нити кабеля, мимо свежих, еще дымящихся воронок. Ага, вот он, оборванный конец. А где же второй? Взрывом его отбросило, видимо, далеко. Но куда? Надо искать, надо обязательно найти... Связь должна работать, чего бы это ни стоило. Единственной уважительной причиной невыполнения приказа может быть только смерть. Но в 19 лет мысли о ней как-то не задерживаются в голове. И Люся продолжала поиски.

Нашла. Стала стягивать концы. В этот момент совсем рядом грохнул оглушительный взрыв. Что-то горячее полоснуло в спину, бок, живот. Девушка потеряла сознание.

Очнулась от нестерпимой боли. Почувствовала: кто-то поворачивает ее на спину. Успела заметить, что продолжает держать в руках концы провода. Значит, ток идет через нее и связь все-таки работает. И снова провалилась в темноту. В себя пришла в госпитале.

Раненую долго «штопали» врачи, и она, находясь на самом краешке небытия, подводила уже итог своей короткой жизни. Что успела сделать? Ей казалось, очень мало, почти ничего.

Люсе исполнилось семнадцать лет, когда началась война. К этому времени она, дочь московского скульптора, окончив девять классов, училась в школе иностранных языков. Прервав учебу, вместе с тысячами таких же девчат и парней пошла на оборонительные работы. Строили заграждения и баррикады в Москве и на подступах к столице. До кровавых мозолей на руках копали противотанковые рвы под Каширой. Там же лютой зимой сорок первого года валили лес, оставляя высокие пни и спиленные деревья в таком положении, чтобы не прошли танки. Вместе со всеми работающими Люся пережила не одну страшную бомбежку.

После разгрома немецко-фашистских войск под Москвой девушка не раз ходила в военкомат с просьбой отправить ее на фронт, но ей отказывали. Весной сорок второго Люся добилась своего и стала воином 15-го отдельного полка связи 58-й армии Северо-Кавказского фронта. Участвовала в освобождении городов: Грозный, Моздок, Ставрополь, Майкоп, Краснодар, Армавир, станция Тихорецкая... На Тамани была контужена, два месяца лечилась в госпитале в Баку, получила месяц отпуска на поправку, который провела дома, в Москве.

Затем Людмилу направили на Волховский фронт. В 1943 году ее приняли в ряды коммунистов. В кандидатах она ходила лишь несколько

месяцев, ибо время измерялось фронтовой меркой, а о человеке судили по делам его.

Таков вкратце был боевой путь Людмилы Жаровой до того момента, как она во второй раз попала в госпиталь и сводила счета с жизнью. Молодой организм выдержал не одну сложную операцию. Дело пошло на поправку.

И вот девушка снова в своей родной «лесной» дивизии. Так ее в шутку бойцы называли потому, что волею военной судьбы этому соединению не один год довелось вести бои преимущественно в лесистой местности. А официально часть называлась 311-й Двинской ордена Красного Знамени и ордена Суворова стрелковой дивизией.

По случаю возвращения из госпиталя ефрейтора Жаровой, всеобщей любимицы 855-го артиллерийского ордена Александра Невского полка, члена полкового партбюро, комсорга управления полка, редактора боевого листка, в части устроили праздник. И первая награда ее ждала — медаль «За отвагу».

С артполком Люся прошла от Волхова и Ленинграда до Берлина и Эльбы. Очищались от врага Волхов и Новгород, Псков и Остров, Белоруссия, Прибалтика, польские города Быдгощ, Сохачев, Ловач, Лодзь и другие. В январе сорок пятого дивизия подошла к Висле, преодолев на подступах к реке заболоченную, обсаженную тополями и ивами местность.

Ночью наши войска сосредоточились на восточном берегу. Наблюдательные пункты расположились на высоких земляных дамбах. Артполк вышел на прямую наводку. До рассвета нервы у всех были напряжены до предела. А враг зло бил из орудий и минометов, бомбила авиация, кроша лед, чтобы помешать нашему наступлению.

В шесть утра получен приказ начать артподготовку. Лавина стали и огня обрушилась на фашистов, укрывшихся за сонной Вислой. Под прикрытием артиллерии передовые подразделения двинулись через ледовую гладь. Связисты, в том числе и Люся, нагрузились катушками, взяли телефонные аппараты, проверили гранаты и автоматы и тоже поползли, на ходу разматывая провод, чтобы сразу же связать один берег с другим.

Ухали вражеские снаряды и мины, свистели пули. Многим не суждено было добраться до суши, а кто дошел, последние метры преодолевал по пояс в ледяной воде.

– Зуб на зуб не попадал, – вспоминает тот день Людмила Алексеевна.

Связисты взобрались на западный берег, подключились к линии, доложили о выполнении задания и передали телефоны пехотинцам и разведчикам-корректировщикам. Артполк стал вести прицельный огонь по очагам сопротивления противника, поддерживая дальнейшее наступление пехоты. Метр за метром теснила врага «царица полей». Впереди Варшава.

В начале марта, продолжая наступление, дивизия прорвала сильно укрепленную оборону немцев и вышла на правый берег Одера, близ

Штеттина. Враг цеплялся за каждый дом, но воины «лесной» дивизии к этому времени в совершенстве овладели искусством уличных боев на чужой земле. Бывало, первый этаж занимался нашими бойцами, а на втором, огрызаясь яростным огнем, сидели гитлеровцы; и в такие дома связистам тоже приходилось тянуть связь.

– 23 апреля, – рассказывает Людмила Алексеевна, – наш арtpолк вступил в предместья Берлина. А войну мы закончили на Эльбе, встречались с английскими и американскими войсками.

В годы Великой Отечественной войны Людмила Жарова трижды лечилась в госпиталях от тяжелых ранений и контузии. За успехи по службе она, кроме боевых наград, получила 17 благодарностей от Верховного Главнокомандующего.

В 46-м бывшая связистка вышла замуж за 28-летнего уральского парня К. А. Скорынина и приехала в Очер. Людмила Алексеевна – художник кинотеатра «Восток».

15. Кожевников, И. На командном посту / И. Кожевников // Знамя труда. – 1963. – № 27. – 7 мая.

Весеннее солнце и ветер сушат землю. Упусти момент, и тонны влаги из почвы улетучатся в воздух. Земля настолько засохнет, что ее не «возьмут» никакие культиваторы. Вот это и беспокоит сейчас заведующего отделением Кузьму Васильевича Дылгина. Он ездит по полям бригад и смотрит, чтобы механизаторы в первую очередь закрывали влагу. Нарушителей этого указания не милует, что испытал на себе уже бригадир тракторной бригады А. П. Бояршинов.

...Кузьма Васильевич приехал на поля, где работали механизаторы из бригады А. П. Бояршинова. Трактористы вели пахоту. Неподалеку же находился участок, вспаханный осенью. Над ним струился пар: влага покидала землю.

– Почему пашете, а не бороните? – спросил заведующий у бригадира.

– Так ведь надо готовить почву для сева, – ответил тот.

– А разве ты забыл прошлогодний урок? Забыл, как «чехвостил» нас главный агроном Кребс?..

Нет, бригадир не забыл этого. Просто он не учел прошлогодней ошибки и повторил ее снова. А ошибка была вот в чем. В прошлом году механизаторы тоже поторопились, и на одном участке, выделенном под кукурузу, влагу не закрыли. Почва пересохла.

Двойная культивация не дала никаких результатов. Поле пришлось перепахать. В результате, пожалев две смены для подборонки, потом на обработку участка затратили в семь раз больше времени.

Напоминание о прошлогодней ошибке больно кольнуло бригадира. «В самом деле, – подумал он, – как это я не учел».

Кузьма Васильевич укоризненно покачал головой:

– Эх, вы, а еще земледельцами себя зовете...

Заведующий отделением особое ударение сделал на слове «земледельцами». Хотел подчеркнуть, что так нельзя относиться к земле. Сам же он недавно полюбил землю и нелегкий труд хлебороба. Ни отец его, ни мать не были земледельцами. Они жили в рабочем поселке Павловский. Здесь же и прошло детство Кузьмы. После школы его призвали в армию. Вместе с войсками Калининского, Западного и 3-го Белорусского фронтов Кузьма Васильевич прошел по выжженным войной полям. Тут впервые и присмотрелся к земле, понял, что приложи к ней руки и старание, и воздаст сторицей матушка-земля.

В звании капитана К. В. Дылгин уволился из Советской Армии в запас. На офицерском кителе у него сияли орден Красной звезды, медали «За взятие Кенигсберга», «За взятие Берлина», «За освобождение Праги» и «За победу над Германией».

Поработав преподавателем физкультуры в Павловской средней школе, К. В. Дылгин перешел на завод. Здесь его, токаря, комсомольцы избрали вожаком, а затем, после районной комсомольской конференции, он стал секретарем райкома. Всю свою энергию в этот момент Кузьма Васильевич направляет на укрепление сельских комсомольских организаций. По-настоящему вникнуть в дела колхозов и понять причины отставания сельского хозяйства ему удалось во время работы секретарем парторганизации Очерской МТС. В марте 1959 года капитан запаса К. В. Дылгин возглавил руководство Верецагинским отделением колхоза «Дружба».

...За три прошедших года отделение, руководимое Кузьмой Васильевичем, увеличило поголовье и продуктивность скота. И сейчас оно идет по севу впереди других в колхозе. Позавчера в отделении появилось переходящее Красное знамя правления и парткома сельхозартели.

...Кузьма Васильевич с утра до вечера в эти дни находится на полях. Бывший офицер Советской Армии успешно справляется с делом и на гражданском командном посту.

16. Николаев, Р. По дорогам фронтовым / Р. Николаев // Ленинское знамя. – 1962. – № 23. – 23 февраля.

Для танкиста Георгия Александровича Бояршинова война началась в полночь на 22 июня. Именно в это время прозвучал сигнал боевой тревоги в районе Пинска, где служил Бояршинов.

В военном деле он не был новичком. За его плечами уже числилось четыре года армейской службы, из них – год в танковом училище.

После такой закалки кадровый механик-водитель смог выдержать всю тяжесть испытаний и горечь неудач, выпавших на его долю в первые месяцы войны.

Нелегко было вести постоянные оборонительные бои. Часто они продолжались по несколько суток подряд без сна, отдыха, пищи. Еще труднее было отступать, оставляя врагу наши города и села.

В одном из жарких боев в начале августа 1941 года вражеский снаряд прошел насквозь танк, ведомый Бояршиновым. Командира убило, а Бояршинов, будучи ранен, смог вывести машину на свои исходные рубежи.

Подлечившись в госпитале, Г. А. Бояршинов прошел новое формирование в Горьком, снова сел за рычаги танка, двинув его в бой под Смоленском и, получив контузию, опять оказался на госпитальной койке.

Дальше он продолжал войну шофером, сначала в зенитной артиллерии, а чуть позже – в полку гвардейских минометов.

С прославленными «катюшами» Бояршинов прошел остальной путь до победы. Реактивные снаряды с его установки громили оккупантов под Курском, и Белгородом, под Харьковом и Киевом и на вражеской земле.

29 апреля 1945 года часть, где служил Бояршинов, погрузилась в эшелоны и двинулась на восток, чтобы покончить с другим агрессором и восстановить полный мир на земле.

7 мая эшелон проходил через Верещагино. Ветеран войны Бояршинов, получив разрешение, завернул на трое суток в Очер. Здесь его и застал долгожданный день Победы.

Но для Георгия Александровича война еще не кончилась. Впереди ждали новые бои. Вскоре с «катюшами» пришлось познакомиться и японским милитаристам.

Два ордена, пять медалей и 11 благодарностей Верховного Главнокомандующего за участие в крупных операциях — вот итог пройденных Бояршиновым трудных фронтовых дорог.

И только в 1947 году, отдав ровно десять лучших лет своей жизни военной службе, вернулся Г. А. Бояршинов в мирному труду. Он по-прежнему шофер, только сейчас возит не пушки и снаряды, а баллоны с кислородом для цехов завода, литье и прокат из других городов, удобрения на поля подшефного колхоза и строительные материалы.

Пройдя сквозь горнило войны, Георгий Александрович не утратил свой жизнерадостный характер. В гараже это один из тех, кто не скупится на шутку и веселое словцо. В самой мрачной и дорожной (а вернее бездорожной) ситуации он обязательно отыщет смешную сторону.

На районном совещании водителей, проходившем на днях, имя Георгия Александровича Бояршинова было названо в числе лучших. Он награжден Почетной грамотой райкома КПСС и райисполкома и денежной премией.

17. Каргаполов, А. В боях за Родину / А. Каргаполов // Знамя труда. – 1964. – № 54. – 9 мая.

Давно прогремело эхо войны. Но в памяти еще живы суровые дни сражений с гитлеровской Германией. Я, как и многие советские люди, участвовал в боях за освобождение нашей Родины от врага. Сегодня, в День победы, мне хотелось бы поделиться с читателями своими воспоминаниями.

Помню 1943 год. Я был тогда в составе гвардии Краснознаменного Полтавского танкового полка. В ожесточенных боях под Полтавой мы прокладывали путь к Днепру и затем форсировали эту полноводную реку. Развернув бои на правом берегу, мы расширили плацдарм для дальнейшего наступления. Здесь, в сложных условиях, имея небольшой запас горючего и боеприпасов, подразделение сражалось героически. В жестоких боях мы освободили город Александрию Кировоградской области и овладели крупным железнодорожным узлом Знаменка.

В этих сражениях погибло много хороших боевых товарищей. Погиб механик-водитель моего танка старший лейтенант Марченко, сгорел и сам танк.

Под покровом ночи мне удалось выбраться с передовой линии противника. Я получил новый «Т-34» и снова — в бой. За погибших товарищей мы отомстили гитлеровцам. Я, в частности, уничтожил два танка, несколько артиллерийских установок и десятки гитлеровских солдат и офицеров. Родина отметила наши боевые заслуги. Я был награжден орденом Отечественной войны первой степени.

Затем я участвовал в боях за освобождение Кировограда, прибалтийских республик и дошел до логова фашистского зверя — Берлина.

Закончилась война. Многие боевые товарищи-танкисты трудятся на колхозных полях. Сегодня они вышли на передний рубеж борьбы за урожай.

18. Фадеев, И. За власть Советов : к 45-й годовщине освобождения Западного Урала от Колчака / И. Фадеев // Знамя труда. – 1964. – № 79. – 20 июня.

Зимой и весной 1919 года на Пермском участке Восточного фронта шли тяжелые бои Красной Армии с войсками Колчака. Русская белогвардейщина, иностранный капитал отводили адмиралу главную роль в походе против молодой Советской власти.

С осени 1918 года белогвардейцы начали усиленную подготовку к наступлению на Пермь. Их план состоял в том, чтобы захватить город, разгромить нашу III армию и двигаться на Вятку (теперь г. Киров), соединиться в районе Вятка—Котлас с наступающими с севера белогвардейскими войсками, а затем общими силами двигаться на Москву.

К началу декабря белые сосредоточили большие силы, хорошо вооруженные и обмундированные англо-американскими империалистами, и развернули по всему фронту наступление против наших плохо вооруженных и плохо одетых частей.

Под напором превосходящих сил 24 декабря 1918 года Красная Армия оставила Пермь. Тяжело переживали эту потерю советские люди.

Остатки героических полков 29-й стрелковой дивизии, защищавшие город, отошли за Каму.

Центральный Комитет партии по предложению В. И. Ленина создал специальную комиссию для расследования причин сдачи Перми и оказанию помощи в укреплении частей III армии и ее тыла. В результате принятых мер армия была укреплена и сумела задержать продвижение белых к Вятке. Уже в январе 1919 года на ряде участков Восточного фронта наши части начали успешные наступательные операции. В боях в районе станций Шабуничи – Чайковская, под Нытвой, у села Дворец они нанесли белогвардейцам сильные удары, лучшие батальоны и полки белых были разбиты и местами отступили.

В этих сражениях, как всегда, впереди наступающих бойцов шли коммунисты. Январские и февральские бои показали, что III армия стала грозной силой для колчаковцев. В ее ряды влились тысячи добровольцев – рабочих и крестьян. Из центра России прибыло несколько новых полков.

К весне 1919 года англо-американские интервенты помогли Колчаку вновь вооружить и одеть многотысячную армию. 4 марта белые начали второе наступление. Первое время Красная Армия вынуждена была отходить. Сибирская армия генерала Гайды имела около 50 тысяч солдат, тогда как в III армии число бойцов едва достигло 30 тысяч.

7 марта белогвардейцы захватили г. Оханск, 10 марта – Очер, а три дня спустя – станцию Верещагино. Они стремились проскочить к станции Бородулино, чтобы перерезать путь к отступлению 29 дивизии. Это соединение боролось героически, и только 3 июня белым удалось взять г. Глазов, но дальше продвинуться они уже не смогли.

В начале июня III Красная Армия переходит в наступление и 13 числа освобождает Глазов. Колчаковцы быстро покатались назад, но обороняясь на выгодных позициях. Кровавопролитные бои проходили у ст. Чепца, села Полом и других населенных пунктов.

20 июня пехотинцы 21 Мусульманского полка и эскадроны Путиловского полка освободили село Вознесенское и станцию Верещагино. Тогда стало известно о том, как белые глумились над трупами красноармейцев, оставленных при отступлении Красной Армии, об арестах членов семей коммунистов, массовых расстрелах пленных бойцов и сочувствовавших Советской власти.

Несколько дней белые упорно держались на подступах к Перми у железнодорожных станций Чайковская и Шабуничи. 28 июня наши части прорвали проволочные заграждения и через два дня вышли к Каме в районе Перми. Железнодорожный мост через реку был взорван, но уже

вечером 30 июня передовые части Красной Армии вели бои на улицах Перми.

После освобождения Перми отступление белых стало паническим. 400 километров до Екатеринбурга (теперешний Свердловск) наши части прошли за 14 дней. Так Западный Урал был освобожден от Колчака и навеки стал советским.

19. Вотинцев, М. Дружба, скрепленная кровью / М. Вотинцев // Знамя труда. – 1964. – № 118. – 29 августа.

Сегодня исполняется 20-я годовщина национального восстания в Словакии. Оно имело громадное значение в освободительной борьбе чехословацкого народа против гитлеровских захватчиков за свободу и национальную независимость своей родины.

Восстание началось в ночь с 29 на 30 августа. Партизанские соединения вместе с солдатами словацкой армии после упорных боев освободили города Градок, Попрад, Брезно, Зволен, Банска-Быстрица и ряд других крупных населенных пунктов. 30 августа голос «Свободной словацкой радиостанции» из Банска-Быстрицы призвал весь словацкий народ к вооруженной борьбе против гитлеровцев и продажного тиссовского фашистского правительства.

Тысячи людей уходили в партизанские отряды. Восстание расстроило многие планы врага. Немцам пришлось снять с фронта авиацию, некоторые части, в том числе четыре дивизии эсэсовцев с танками «тигр» и бросить их против восставших.

Гитлеровцы бахвалились, что им быстро удастся подавить вооруженное выступление словацкого народа. В Берлине было заявлено, что «беспорядки в Словакии будут ликвидированы в 24 часа». Но только после двухмесячных упорных и кровопролитных боев повстанцы отошли в горы и начали оттуда широкую партизанскую войну, которая велась вплоть до прихода Советской Армии.

Силы были очень неравные. У фашистов — танки, авиация, артиллерия. У повстанцев порой не хватало стрелкового оружия. Помощь пришла с Востока. Советский Союз снабдил партизан всем необходимым.

Помимо этого наши войска осуществили так называемую Дукельскую операцию в Карпатах. Она вынудила немцев перебросить сюда все свои свободные части даже из Румынии и Венгрии. Большую помощь словакам оказал Украинский штаб партизанского движения и лично Никита Сергеевич Хрущев.

В отрядах словацких партизан сражались тысячи советских людей. Это были военнопленные, бежавшие из гитлеровских концлагерей.

Организующей и ведущей силой Словацкого национального восстания явилась Коммунистическая партия Словакии. Под ее руководством возник Национальный фронт рабочих, крестьян и интеллигенции, объединивший всех честных антифашистов.

В конце 1944 года Советская Армия нанесла немецким захватчикам сильный удар между реками Тисса и Дунай в Венгрии. Это заставило гитлеровцев искать для своего отступления коммуникации в Словакии. Однако партизаны делали все, чтобы помешать врагу безнаказанным уйти из страны. Под откос летели военные эшелоны, взлетали на воздух мосты.

Навсегда останутся в памяти легендарные бои за Врутки, Тельгарт, гору Острую, Турнец. В них принимали участие не только словаки и чехи, но и русские, югославы, болгары, поляки, венгры, французы.

В тяжелой борьбе завоевал себе словацкий народ свободу и независимость. Захватчики дотла сожгли здесь 60 сел, расстреляли тысячи ни в чем не повинных людей. За счастье словацкого народа отдали свою жизнь сотни советских людей. Дружба двух народов, скрепленная кровью в общей борьбе, всегда будет вечной и нерушимой.

Мне тоже довелось быть участником Словацкого восстания в качестве командира одного из партизанских отрядов. Я до сих пор помню многих словаков, товарищей по оружию, доживших до славной победы. Сегодня мне хочется пожелать им больших успехов в социалистическом строительстве.

20. Бояршинова, М. Встреча с земляком-героем / М. Бояршинова // Знамя труда. – 1964. – № 124. – 12 сентября.

Неделю гостил на родине у родителей в Б.-Соснове наш знатный земляк, Герой Советского Союза, генерал-майор, бывший командир партизанского соединения на Брянщине в Великую Отечественную войну М. И. Наумов. Перед отъездом в Киев, где он сейчас проживает, Михаил Иванович побывал в редакции газеты «Знамя труда». Здесь состоялась встреча с коллективом журналистов.

Несколько лет М. И. Наумов занимается литературным трудом. Его первой книгой были «Хинельские походы». Она посвящена первому рейду партизан-наумовцев по тылам врага в районе Хинельского леса, расположенного в Курской области, и вышла в семи изданиях. Второму рейду партизан по Киевщине и Житомирщине посвящается книга «Степной рейд», выпущенная в прошлом году украинским издательством «Советский писатель», и в сокращенном варианте – издательством ЦК ЛКСМУ «Молодь».

Писатель-воин поделился с редакционным коллективом дальнейшими творческими планами. Сейчас он продолжает работать над книгой «В горах Словакии», которая включает в себя воспоминания автора об участии советских бойцов и его лично в вооруженном Словацком восстании, двадцатилетие которого только что отмечалось. М. И. Наумов недавно вернулся из Словакии, где встретился со многими участниками восстания, братьями по оружию против гитлеровских оккупантов.

21. Данилов, Н. Где же вы теперь, друзья-однополчане? / Н. Данилов // Знамя труда. – 1964. - № 136. – 10 октября.

В редакцию пришло письмо из Куйбышевской области. Автор его – бывший участник Великой Отечественной войны, кавалер ордена Славы – Нил Иванович Данилов описывает свои воспоминания о боевом друге Л. А. Билан. Мы связались с райвоенкоматом. Оттуда нам сообщили, что коммунист Лаврентий Андреевич Билан сейчас проживает в д. Фоминске Ново-Вознесенского сельсовета. Получает пенсию Министерства обороны СССР.

* * *

Грозные годы последней войны никогда не сотрутся в памяти всех людей. Невозможно забыть ту стойкость и отвагу советских воинов, с какой они громили врага.

При обороне Ленинграда исключительным боевым мастерством отличался стрелковый взвод, которым командовал младший лейтенант Лаврентий Андреевич Билан.

У меня свеж в памяти один из многих случаев борьбы с гитлеровцами. Однажды темной ночью немецкие головорезы решили испытать нашу силу. Командир взвода Билан приказал дать отпор. Завязался бон из всех видов оружия (пулеметов, минометов, артиллерийских орудий и т. д.). Сам Билан «потчевал гостинцами» врага в этом бою из пулемета «Максим». Вскоре гитлеровцы поняли, что не на тех нарвались. Поняли и в панике покатались назад.

Смелую позицию занимал в этом бою солдат Хусаинов: подпускал фашистов поближе и укладывал их наповал свинцом из пулемета. За эту операцию Хусаинова наградили медалью «За боевые заслуги».

В неравной схватке с врагом Билан лишился ноги. Из госпиталя его тепло проводили в родные края. Через районную газету своему боевому другу – многодетному отцу Лаврентию Андреевичу – передаю горячий привет и самые добрые пожелания.

22. Шардаков, Г. Такое не забывается : воспоминания красногвардейца / Г. Шардаков // Знамя труда. – 1965. – № 22. – 23 февраля.

Как не вспомнить сегодня молодость свою, далекую и беспокойную.

...В начале 1918 года в Очере сформировался отряд Красной гвардии под командованием Якова Николаевича Бурдина. Эта мера оказалась очень своевременной, т. к. в Оханском уезде стали назревать кулацко-эсеровские мятежи.

Первое сообщение об этой опасности пришло в штаб, как мне помнится, 22 февраля 1918 г. Нас извещали, что в Острожке появился офицер царской армии и он-де что-то замышляет против Советской власти. На следующий день 24 человека из нашего отряда выехали туда. Встреча с офицером состоялась, мы отобрали у него личное оружие. Прямых улик для ареста не было, и командир отряда разрешил ему жить дома.

Поехали обратно. Подъезжаем к Дуброве, видим: на улицах полно народа. У людей в руках оружие, палки. Потом нам рассказали: пока красногвардейцы находились в Острожке, дубровские кулаки набатным звоном собрали людей.

– Большевики грабить Острожку поехали и до наших сундуков доберутся. Не дадим себя в обиду! – разжигали страсти их агитаторы. На кулацкую провокацию попало много простых людей.

Толпа остановила отряд, и пришлось объяснять причины, побудившие выехать в Острожку. Отряду разрешили ехать дальше. Но едва он втянулся в толпу, началось избиение красногвардейцев. Во время схватки отряд потерял одного бойца Федора Лаврюкова, многие были серьезно ранены. Через три дня Дубровское восстание подавил Пермский красногвардейский отряд тов. Соловьева.

Очерцы принимали участие в разгроме мятежных чехословаков, банды атамана Дутова. Отряд из Очера во главе с командиром П. В. Ватолиным громил восставшее кулачье в селе Сепыч (ныне Верещагинский район).

Осенью того же года очерский отряд в сто человек – командиры т. Аринсон и П. А. Колчанов – ушел на подавление Ижевского эсеровского восстания. В начале 1919 года появилась необходимость пополнить части III Красной Армии, стоявшей на Восточном фронте.

Больше половины очерских красногвардейцев влилось в состав запасного батальона 30 стрелковой дивизии. Многие из них прошли славный боевой путь в этом прославленном соединении, но не всем довелось дожить до наших дней. В Очере сейчас живы 16 красногвардейцев: П. А. Колчанов, Н. М. Широких, Н. Г. Зубарев, Г. Ф. Стариков, М. Л. Чазов, А. В. Невзоров, К. Д. Вшивков, Г. Ф. Шардаков, Т. П. Козоногов, П. А. Мишланов, К. П. Чазов, А. Ф. Чазов, П. С. Бессонов, А. Я. Рудометов, А. И. Стариков и М. К. Урванцев.

Зима 1919 г. осталась для меня особенно памятной. Под натиском превосходящих сил Колчака Красная Армия оставила Пермь и все левобережье Камы.

Я тогда был бойцом Богоявленского полка 30 стрелковой дивизии, которым командовал В. К. Блюхер. Стояли мы в обороне недалеко от Нытвы. В первой половине января белогвардейцам удалось взять Нытву. Мы отошли к деревне Чекмени, затем по направлению к селу Дворец. Через несколько дней красноармейские части вновь освободили город.

Восьмая рота, где я служил, участвовала после этого во многих боевых операциях в районе Нытвы. В ночь на восьмое марта белые прорвали у Оханска наш фронт и устремились вперед. Над нами нависла угроза окружения, и мы в спешном порядке начали уход к Очеру.

Добравшись до д. Спехово, узнали, что колчаковцы уже в Павловском. Утром девятого марта очерцы услышали стрельбу. Но только к вечеру богоявленцы заняли оборонительные рубежи на восточной окраине города. 10 утром нас снимают с позиций, и мы по замерзшему пруду почти бегом покидаем Очер. Оказывается, в ту ночь белые, смяв оборону соседнего Белорецкого полка, взяли в нашем тылу Уваровку и Спешково. Вот почему пришлось спешно оставить родной город. Полк долго еще кружил среди своих и белых, пока не занял прочные позиции возле деревни Большие Турята, недалеко от села Кленовки. Едва успели занять оборону – беляки идут. Думали напугать нас психической атакой.

Но мы и дали им «прикурить». Все поле было усеяно трупами колчаковцев. Наутро атака снова повторилась, и снова красные бойцы разгромили врага. Под Кленовкой наша оборона оказалась крепким орешком для беляков. Мы разгромили здесь первый Николаевский, второй Барабинский, потом третий Барнаульский сибирские полки.

Был я участником сильных боев у деревни Усть-Медла, недалеко от удмуртского села Дебессы, у деревни БелоусовоСайдашур, возле села Игра.

К июню 1919 г. в полк пришло новое пополнение, и летом началось решительное наступление Красной Армии на Колчака, закончившееся его разгромом. Через неделю Богоявленский полк вошел в Очер. Здравствуй, родной город! Население с радостью встречало красных бойцов. Короткое свидание с родными – и снова в бой, до полной победы.

23. Кобелев, С. П. Главное – дисциплина / С. П. Кобелев // Знамя труда. – 1965. – № 48. – 24 апреля.

С. П. Кобелев, нач. смены механического цеха Очерского машиностроительного завода, звание – гвардии лейтенант, имеет пять наград.

Я – артиллерист, командовал взводом противотанковых пушек. Жарких боев было много. И каждый раз мы выходили победителями, если строгойше соблюдали воинскую дисциплину.

Вот один из примеров. Это было под Львовом. Мы поддерживали Польшскую армию. Наша батарея занимала позиции на стыке двух дорог. Вокруг – целые горы разбитой военной техники, следы тяжелых боев. Ночью мы окопались, замаскировались. А утром немцы пошли в наступление. Слышим гул моторов. Дело ясное — идут танки. 12 штук, строем по четыре в ряд, двигаются прямо на нашу батарею. Мой взвод был впереди. Чтобы бить наверняка, мы подпускали вражеские танки довольно близко. И вот они тут, рядом – только бей. Но поступает команда: «Не стрелять! Пропустить первые четыре танка в тыл».

Пропускаем. Подходят другие. Тут нам разрешили бить. И сразу же раздался залп. Танки один за другим были уничтожены. Одновременно слышим, как сзади нас другой взвод расправляется с теми четырьмя, которые мы пропустили. Командир батареи так умело распорядился, что каждому взводу досталось по 4 танка. Кто успел быстрее уничтожить их, помогал товарищам. А если бы мы начали стрелять, когда подошли первые четыре танка, могли бы испортить все дело.

На всех 12 танках было по целому отделению фашистских автоматчиков-десантников. Их тоже истребили. Но пришлось очень трудно. Бой с десантниками шел около 4 часов, тогда как танки мы уничтожили минут за 30. Строжайшая дисциплина и выдержка помогли нам расправиться с врагом, уничтожить его технику и живую силу. А наши потери в этом бою были – один убитый и 8 раненых.

24. Малов, А. Г. Старшему поколению / А. Г. Малов // Знамя труда. – 1965. – № 48. – 24 апреля.

А. Г. Малов работает грузчиком железнодорожного цеха Очерского машиностроительного завода, звание —сержант, имеет пять правительственных наград.

Я служил в полку самоходной артиллерии на Прибалтийском фронте. Как-то после тяжелого боя наступило затишье, но нам приказали со своими пушками засесть в засаду. Сутки стоим – ничего, вторые... И вот слышим отдаленный гул моторов – танки!

Вскоре они вышли прямо на нас. 6 танков мы разбили. Остальные скрылись. 8 суток шел бой. И наши артиллеристы не уступали врагам ни пяди родной земли. После ранения и лечения в госпитале я снова вернулся на фронт, был водителем танка «Т-34». В одном из боев немцы подожгли мою машину. Я выскочил. И тут увидел, что прямо на наши позиции идет вражеская самоходка «фердинанд». Рядом увидел нашу 76-миллиметровую пушку. Расчет ее погиб. Я скорее к пушке – и стрелять по «фердинанду». С первых же выстрелов подбил.

Правда, тут и меня ранило, но враг не прошел. Мы, участники войны, призваны воспитывать нашу смену такой же мужественной и стойкой, какими партия воспитала нас.

25. Бурдин, Ф. П. Гордость уральцев / Ф. П. Бурдин // Знамя труда. – 1965. – № 48. –24 апреля.

Ф. П. Бурдин, помощник директора индустриального техникума по хозяйственной части. Сержант, имеет восемь правительственных наград.

Бессмертной славой покрыли себя добровольцы Уральского танкового корпуса. Одну из бригад формировали из добровольцев-пермяков, в числе которых был и я. Она потом называлась гвардейской ПермскоКелецкой Краснознаменной орденов Александра Суворова и Богдана Хмельницкого танковой бригадой.

Бригада целиком была вооружена и экипирована на средства трудящихся. Мы оправдали доверие уральцев. Я горжусь этим. Шести воинам нашей бригады присвоено звание Героев Советского Союза. Очень многие награждались орденами по несколько раз. Лично я имею восемь наград, в том числе ордена Красного Знамени, Отечественной войны I ст. и другие.

Корпус наш сражался в составе четвертой танковой армии, которой командовал Лелюшенко. Боевое крещение корпус получил на Орловско-Курской дуге. Враг тут сосредоточил огромные силы, массу техники. Бои шли жестокие.

Не прекращались ни днем, ни ночью. Я в них участвовал в качестве механика-водителя танка «Т-34». В одном из сражений при взятии Орла был ранен.

Танковый корпус уральцев участвовал во многих решающих схватках, наносил врагу сокрушительные удары. Мы брали Житомир, Ровно, Проскуров, Киев, Винницу, Тернополь и многие другие города, форсировали многие реки, продвигались глубоко в тылы врага, расширяли плацдармы. Под

Львовом наша бригада углубилась на вражескую территорию на 70 км, там окружила 4 танковых бригады немцев, полностью их разгромила и заняла гор. Львов.

Корпус участвовал во взятии Берлина. А 9 мая – День Победы в 1945 году – встретил в Праге, где немцы все еще сопротивлялись.

26. Скорынин, К. А. Только один эпизод / К. А. Скорынин // Знамя труда. – 1965. – № 48. –24 апреля.

К. А. Скорынин, работает преподавателем индустриального техникума, звание – майор, имеет семь правительственных наград.

Я был начальником штаба стрелкового батальона. В боевой обстановке приходилось заниматься и разведкой, и хозяйством, и многим другим. Но больше всего – руководить боями. Расскажу только об одном небольшом эпизоде. Тяжелые бои шли в районе Ревеля. Нашему батальону было приказано захватить один важный узел дорог.

Мы занимали невыгодные позиции, а вражеские войска держались на господствующей высоте. Высоту нужно было взять при любых условиях.

Три роты нашего батальона в течение суток вели за нее упорный бой, несли большие потери. Но бойцы и командиры понимали, что от успеха этой операции зависит судьба дальнейшего сражения. Не щадя жизни, они шли на штурм высоты. И, наконец, победу одержали, но в живых у нас осталось всего 6 человек. А немцы снова шли в контратаку.

Тогда мы собрали всех нестроевиков – связных, поваров, всех, кто был способен держать оружие, и пошли на подкрепление. Всего нас оказалось 16 человек. Мы увидели следы страшных боев. Бой продолжался. Отбили четыре контратаки немцев. Когда вышли патроны, отбивались гранатами. Немцы пускали дымовую завесу, забрасывали нас гранатами. Но наши бойцы держались насмерть. А когда стало рассветать, мы увидели, что на нас наступают с тыла. Но мы ошиблись: это шло подкрепление. К тому времени на высоте оставались живыми всего пять человек. Эта горсточка устояла под напором вражеских атак. И я был в числе пяти.

27. Жизнь – борьба // Знамя труда. – 1965. – № 65. – 29 апреля.

Наумов Михаил Иванович родился в 1908 году в селе Большая Соснова. Кадровый офицер пограничных войск, член КПСС, он с первых дней Великой Отечественной войны участвовал в боях с немецко-фашистскими захватчиками. При выходе из окружения создал партизанский отряд и впоследствии стал командиром кавалерийского партизанского соединения, действовавшего в глубоком тылу гитлеровских войск.

Ему присвоено воинское звание генерал-майора. После войны написал несколько книг, посвященных жизни народных мстителей. Первой была «Хинельские походы». Воевал автор на стыке Сумской, Курской и Брянской областей. М. И. Наумов – член Союза писателей Украинской ССР. Сейчас Михаил Иванович живет в Киеве и посвятил себя творческой работе. Звание Героя Советского Союза присвоено 7 марта 1943 года за мужество и заслуги в организации партизанского движения.

Вспоминается один эпизод, рассказанный Михаилом Ивановичем Наумовым.

...Просыпаюсь от сильного сотрясения, сыплются черепки цветочных горшков, вылетает рама, шатается весь хутор. Я выскакиваю через окно, и перед глазами – качающаяся роща... Бронзовый прошлогодний лист крутится надо мной вместе с ядовитым дымом.

Сбросив бомбы на рощу, самолеты начали обстреливать село из пулеметов. Расстреляв патроны, они ушли в сторону Первомайска, но над рощей появились новые. И опять взрывы и треск падающих деревьев.

Я пробираюсь задворками на КП конотоповцев – это погреб третьей хаты от рощи. Группа командиров склонилась над самодельной картой и схемой обороны. Мы окружены со всех сторон.

Рычат «юнкеры» над рощей. Я выхожу. Без бинокля видно, как, развернувшись, за танками и бронемашинами идут по чистому полю цепи гитлеровцев. Их силы во много раз превосходят наши.

Томительное ожидание... Шестьсот, пятьсот, четыреста метров... Молчание кажется невыносимым, кто-то нерешительно просит начать, кто-то возражает, говоря, что огонь автоматов еще не будет достаточно эффективным. И вдруг – а-а-х!

Две мины. Глухо застучали пулеметы. Пули засвистели в ветвях дубняка над нашими головами. Зудя, пронесся «костыль»-корректировщик.

Началось... Гитлеровцы хотят, чтоб мы отозвались, обнаружили себя. Но нет! Мы молчим... Немцы стреляют наугад. Густо сыплются мины. С поля доносится галдеж, гитлеровцы все приближаются. Упитанные, мордастые, в стальных шлемах. По цепи партизан летит команда: «Подпускай! Подпускай! Не стрелять!».

Сто пятьдесят метров. Сто метров... Застрочил пулемет Турова, за ним отозвались другие пулеметы и автоматы, деловито наговорили, застучали немецкие «универсалы», венгерские и русские «станкачи».

Подкосило под корень первую цепь эсесовцев; ползут по грязному полю раненые.

– За мной! Ура!

Партизаны бегут в атаку. Справа показываются броневики, партизаны залегли. И снова поднимаются в атаку. Строчат партизанские автоматы. Грохочет противотанковое ружье. Дымится броневик. Три другие машины повернули назад, спешат укрыться от бронебойщика.

Я перебегаю на КП Кочемазова. В роще все еще лежит снег; темнеют разметанные сани, убитые лошади, ярко освещены изломы старых дубов, а вся роща, залита ослепительным весенним солнцем. В селе непонятно что делается. Горят сараи, хаты. С тех сторон эсесовцы вклинились и захватили отдельные дворы.

Я поднимаю бинокль. Вижу мчащихся во весь опор Пузанова, Ляха, Василька, за ними летит пара моих серых, они без ездового, а вслед за ними скачет с больными и ранеными часть санитарного обоза...

«Костыль» снижается икладет выстрелами несколько лошадей – это спасает раненых. Но восемь или десять подвод унеслось в открытое поле, в западню, устроенную эсэсовцами... И нет никакой возможности ни остановить, ни вернуть их в этом дыму, грохоте разрывов и выстрелов.

Заухал шестиствольный миномет, загорелось сразу несколько хат. Взрывы мин, крики детей и женщин, прятавшихся в погребах, винтовочная и пулеметная стрельба, хлопки разрывных пуль – все слилось в невообразимый грохот, потонуло в клубах известковой пыли и кудрявого темного дыма...

Враг озверел и полез врукопашную. Сошлись вплотную... Подоспевает группа эсманцев. Разнеслось раскатистое русское «ура!». Ребята поют «Интернационал». Встали во весь рост и поют! На поле уже горят три танка. Эсэсовцы дрогнули. Бегут. Их бьют пулеметчики. Вырываются вперед конотопцы. Смеркается. За рощей взвились зеленые ракеты. Видно, у врага сбор. Редуют выстрелы. Немцы отступили. Атака захлебнулась в крови. Мы отходим к горящему селу. Короткая передышка. Бой кончен. А завтра?

А завтра – все то же... Бои... бои... бои... Встреча с населением. Слово правды. Привет от родной Москвы! От Советской Армии! И дальше – в дорогу... В тысячеверстный путь погорящей земле...

(Из сборника «Отчизны верные сыны»)

28. Кондаков, А. Смерть победивший / А. Кондаков // Знамя труда. – 1965. – № 54. – 8 мая.

1924 год. В очерском театре идет концерт. На сцене – невысокий красивый паренек с русыми волосами. Зал пленен его виртуозной игрой на балалайке. Через пару лет это был уже стройный высокий парень. И участвовал не только в струнном оркестре, но и в редколлегии «живой» сатирической газеты.

Старожилы наверняка помнят, как боялись пьяницы, хулиганы, прогульщики меткого языка «Живой газеты». Кто он?.. Это был – Паша Бурдин, будущий герой Великой Отечественной войны, человек, победивший смерть, чье имя упоминается в шеститомной «Истории Великой Отечественной войны 1941–45 гг.».

Павел Александрович Бурдин родился в 1911 году в семье потомственного рабочего Очерского завода. В школе пришлось учиться только 4 года, потом стать учеником слесаря у кустика Мощеникова. О заводе трудно было и мечтать: даже квалифицированные рабочие оставались за воротами.

Но времена менялись. И вот 18-летним юношей Павел стал слесарем на сборке молотилок – такую продукцию тогда готовил завод. С тех пор П. А. Бурдин работает на ОМЗ.

Правда, были два перерыва: первый – в связи со службой в Красной Армии, второй – в годы Великой Отечественной войны.

...Шел 1941-й.. Павел Александрович проходит подготовку в воздушно-десантной бригаде.

Грозный 1942-й... Знойным летом в приволжских и донских степях разгорелась одна из величайших битв в истории – битва на Волге. Неумолимые законы войны потребовали преформировать бригаду, в которой служил Бурдин, в стрелковый полк и бросить его в район Волги. Марш полка на фронт проходил в исключительно тяжелых условиях.

Безводные степи, палящие лучи южного солнца. На солдатах полная

боевая выкладка. С воздуха надоедали немецкие самолеты. И так – 2 суток. Павел Александрович мужественно переносил эти тяготы. Мысль была одна: «Не опоздать бы. Скорее встретиться с врагом и отомстить за все».

Наконец, к вечеру – приказ: «Занять оборону, стоять насмерть!» Несмотря на усталость, бойцы стали окапываться. Ну вот, можно и отдохнуть. Но отдых не состоялся.

– Тревога, – сообщили наблюдатели.

Солдаты быстро вернулись в окопы. Впереди – темно. Только слышны стрельба, взрывы. Вдруг в небо взвилась белая ракета. В метрах трехстах Бурдин увидел серые фигуры. Он открыл огонь. Это были его первые выстрелы...

Чуть забрезжил рассвет, когда к Павлу Александровичу подполз младший лейтенант В. Д. Кочетков.

– Ну как, испугался небось? – подбодрил командир взвода. Он тоже первый раз управлял боем. – Надо держаться. Оборону держит поканаш батальон. Остальные где-то на подходе. А бои вели с разведкой немецкой дивизии...

Его слова прервали гудение самолета, стрельба. Послышались взрывы авиабомб. Все вокруг потемнело. – В овраг, – крикнул по цепи Кочетков. И только там, опомнившись от взрывов, добавил:

– Быть готовым к отражению танков. Ручные гранаты связать пачками. В полдень около двух рот противника вновь атаковали высоту, которую занимал взвод Кочеткова. Фашисты шливо весь рост...

Заговорил станковый пулемет младшего сержанта Бурдова, все гвардейцы велиприцельную стрельбу из винтовок и автоматов. Противник не выдержал.

Пять раз в течение дня немцы пытались взять высоту, но бесполезно. Солнце клонилось к западу, спадала жара. На рассвете со стороны противника снова показались серые цепи. Впереди шли танки.

На горизонте показались немецкие самолеты. Они несли смертоносный груз на окопы гвардейцев.

Где-то вблизи раздался сильный взрыв. Павел Александрович потерял сознание... А бой продолжался. Под танки полетели связки гранат. Несколько танков остановилось. Остальные шли вперед. Редели ряды немцев, но и гвардейцы несли потери. И вот уже из 16 бойцов осталось четверо: Степаненко, Чирков, Шуктомов и тяжелораненый Кочетков.

Боеприпасы кончились. Стремясь во что бы то ни стало задержать немцев, герои со связками гранат бросились под танки... О подвиге своих товарищей успел рассказать умиравший от ран Кочетков, когда на помощь подошло подкрепление.

2 сентября 1942 года «Комсомольская правда» осветила героический подвиг 16 гвардейцев. Все они посмертно были награждены.

В сентябре 1942 же года жена Павла Александровича Антонина получила похоронную. В ней говорилось, что ее муж пал смертью храбрых под Сталинградом. Не зная, как унять горе она пошла на завод. Рабочие тяжело, но вместе переносили гибель товарищей. После работы состоялся митинг, на котором было решено встать на трудовую вахту, больше давать продукции для фронта.

Каковы же были радость и удивление Антонины, когда она получила письмо от мужа! Оказывается, ночью после боя Павел Александрович пришел в сознание. Его удивила тишина. Он пробовал подняться, но острая боль в левом плече и в левом бедре не давала даже пошевелиться. Крикнул, но не услышал своего голоса.

С большими мучениями Бурдин спустился в овраг, к речке. ...Жадно стал пить холодную воду. Тут и нашел его санитар. Более двух месяцев пролежал в госпитале Павел Александрович, получил заключение: «Негоден для службы».

— Нет, пока жив человек, он должен сражаться за Родину, — вспоминал слова поэта А. Навои Бурдин. И пошел в райвоенкомат, все-таки добился отправки в батальон автоматчиков.

В канун 28-й годовщины Октября он возвращается домой, снова идет на родной завод и работает там до сих пор. Сейчас Павел Александрович Бурдин, кавалер трех орденов и пяти медалей, трудится мастером-инструментальщиком.

Уважают фронтовика в коллективе. На этом можно было бы поставить точку, но нельзя умолчать о других волнующих событиях в последующей жизни героя-кочетковца.

...1953 год. Жену вызвали в военкомат для уточнения фамилии мужа. В части, где он служил, его считали погибшим в числе 16 героев.

Антонина Михайловна с радостью сообщила, что ее муж жив. В гости к П. А. Бурдину приехал научный сотрудник Волгоградского музея. А вскоре райвоенком вручил ему орден Красного знамени, которым Бурдин был награжден посмертно.

Павел Александрович держит тесную связь с музеем обороны Волгограда, а в 1963 году ездил туда по приглашению. Получил вызов и нынче на празднование Дня Победы. Он поддерживает переписку и с матерью Кочеткова.

29. Николаев, Р. Дорогами войны / Р. Николаев // Знамя труда. — 1965. — № 54. — 8 мая.

Бывший тракторист Очерской МТС Георгий Александрович Бояршинов начал армейскую службу на Дальнем Востоке задолго до войны. Служба подходила к концу.

Уже фанерный чемодан был подкрашен и подарки молодой жене приготовлены. Отпраздновали Первое мая, а вскоре пришел приказ, часть погрузилась в эшелоны и двинулась на Запад.

Проехали родной Урал, почти мимо дома прошел эшелон. «Завернуть бы на денек другой, ну, да ладно, скоро совсем приеду», – раздумывал молодой боец под стук колес.

Часть, в которой Георгий служил механиком-водителем танка, расположилась в восьми километрах от западной границы.

Прошел месяц, тревожный и непонятный. Немецкие самолеты, совсем обнаглев, летали над нашей территорией и даже садились на наши аэродромы, и летчики говорили, что заблудились. Приказано было им верить, панике не поддаваться, провокациям – тоже.

Но ранним утром 22 июня все стало на свои места: война! Под Житомиром – первое ранение. Вражеский снаряд болванка прошел танк насквозь. Командира убило осколками брони, Бояршинова ранило. После госпиталя – снова в бой на новеньком «Т-34». Под Смоленском танк подорвался на mine, и Бояршинов опять – на госпитальной койке.

В армию поступало новое вооружение. Георгий Бояршинов, шофер и танкист, изучил материальную часть реактивных минометов, тактику ведения огня, способы защиты.

Враг усиленно охотился за новинкой. Немцы называли ее адской пушкой. У нас она имела скромное название «РС». Потом, убедившись в несокрушимой мощи нового оружия, бойцы ласково прозвали ее «раисой», «катюшей», «гитарой» и даже «Марьей Ивановной».

...Август 1943 года... Курская дуга.

– Шестнадцатого числа мы вступили в эту великую битву, — вспоминает Бояршинов. – Четверо суток я, шофер установки «РС», только пил воду и курил табак. Спать и есть некогда было. Мы ставили автомашины задними колесами куда-нибудь повыше и били по немецким танкам прямой наводкой фугасными и термитными снарядами. В воздухе стонало, выло и гудело – это наша «Марья Ивановна на гитаре играла».

Приходил опыт войны. Правильно выбрать огневую позицию, тщательно замаскироваться, провести неожиданный для врага огневой налет и быстро исчезнуть – все это пришло со временем. Как говорится, научились культурно воевать. С одного взгляда или по звуку шоферы «катюш» научились безошибочно определять типы немецких самолетов. При бомбежке посмотрит иной водитель на положение самолета, от которого отделились черные точки бомб, и скажет:

– Это не наша. Дороги войны привели Бояршинова в Кенигсберг. Ветеран-фронтовик на земле врага получил третье ранение и очередную медаль. Его грудь уже украшали два ордена «Красной звезды», две медали «За боевые заслуги», медали «За отвагу» и «За оборону Москвы».

29 апреля 1945 года минометный полк почти прямо из боя погрузился в эшелон и двинулся на восток, к берегу Тихого океана. Все ближе к Уралу подходил эшелон... Тревожной радостью билось солдатское

сердце: восемь лет не был дома. Вот и соседняя с Верещагино станция... Запасной шофер украинец Манаенко, заметив состояние боевого друга, посоветовал:

– Отпросись. Потом догонишь. Командир полка разрешил заехать домой на трое суток. Лучшей награды не могло и быть. Это происходило 7 мая. День Победы бывалый сержант отпраздновал в Очере. А впереди его ждали новые бои в составе 1-го Дальневосточного фронта, еще одна контузия, еще одна медаль и одиннадцатая благодарность Верховного Главнокомандования.

* * *

В 1947 году Бояршинов демобилизовался. Много дорог исколесил и в мирное время. Он шофер – дальнерейсовик. Очерской стоянки десятой автобазы. Ежегодно, не отставая от молодых, Г. А. Бояршинов ездит на уборку урожая. Он побывал на Алтае, в Куйбышевской и Курганской областях.

На его совести нет ни одной аварии, неоднократно награждался премиями и ценными подарками. Нынче, накануне Первомая, ему вручили две Почетные грамоты – от Облсовпрофа и Облисполкома, а вторую – от дирекции АТБ-10.

...Дороги... Дороги... Дороги мира, но километры даются тоже нелегко. Такая уж шоферская судьба, такая профессия.

30. Вотинцев, М. Наказ генерала Карбышева / М. Вотинцев // Знамя труда. – 1965. - № 54. – 8 мая.

Перед самым началом войны я окончил офицерское училище. Но в свою часть, куда был назначен, уже не попал. Мы сразу же оказались в бою. 4 июля 1941 года я был ранен и контужен. Очнулся только за решеткой фашистского застенка. Началась тяжелая, неопишимо страшная жизнь. Люди гибли, как мухи.

Это я видел во всех девяти лагерях смерти, в которых побывал. В одном из лагерей – ВД Хамельбург – мне посчастливилось встретить попавшего в плен советского генерала Карбышева. Я болел малярией и лежал в медсанчасти.

Тут мы и встретились. Говорили о страшных пытках, которым нас подвергали. И, видимо, Карбышев уловил в моих мыслях нотки пессимизма. Он мне сказал:

– Ты должен жить и еще воевать. Ему тогда было 63 года, а мне 20.

– Знаю – мне не выжить, – говорил старый генерал, – но буду бороться до конца. А тебе нужно бежать. Бежать! Карбышева фашисты-людоеды замучили. А я действительно бежал. После первого побега меня схватили эсэсовцы.

Снова тюрьма. Вторично бежал. Попал на территорию Чехословакии. Мне удалось связаться с партизанами. Там в это время

вспыхнуло народное восстание. По поручению командования чехословацких партизан я создал интернациональный партизанский отряд. В нем было 240 бойцов 14 национальностей.

– Не пропустить на Восток ни одного немецкого эшелона! – такой была боевая задача отряда.

В течение двух месяцев мы парализовали движение. Немцы стали бросать на нас целые дивизии, и отряд ушел в горы. Оттуда делали вылазки, совершали диверсии. В конце войны я снова был в рядах Советской Армии, получил тяжелое ранение и оказался в госпитале опять же в Чехословакии. Там встретил первый День Победы.

Что только творилось! Ни описать, ни рассказать невозможно. Радости людей не было предела. В нашем корпусе было около 200 раненых, и среди них русский – один я, остальные чехи, словаки.

Каждый хотел обнять русского, потискать, расцеловать. Потом пришли мои бывшие партизаны и унесли меня на носилках (нога была в гипсе) на праздник, посвященный Дню Победы. Вынесли через окно, боясь запрета медиков.

Праздник проводили в корчме, которая находилась метров за 800 от госпиталя. Торжественно произносили тосты за Победу, Дружбу, Вечный Мир. Вспоминали погибших и живых... Я вспоминал генерала Карбышева.

Друзья танцевали. Я смотрел на сияющие от радости лица своих друзей и думал: «Как дорого досталась нам Победа! Здесь мог бы сидеть и танцевать любой из тысяч наших земляков и друзей, положивших свои головы в дни войны.

В первый же День Победы возникла мысль: «Не допустить ужасов новой войны, этого ада, который устроили фашисты для умерщвления людей». Я призываю: в наши дни Свободы и Мира не забывать того, что пережили мы, воспитывать молодое поколение в духе беззаветной преданности Родине, в духе ненависти к поработителям.

31. Бубенникова, М. Скальпель был нашим оружием / М. Бубенникова // Знамя труда. – 1965. – № 54. – 8 мая.

На восьмой день войны мне пришлось выехать в г. Свердловск в распоряжение одного из госпиталей. Здесь формировалась рота медицинского усиления. Я была назначена вторым хирургом.

Через две недели после формирования приняли мы боевую присягу и выехали на Калининский фронт. Когда ехали, эшелон подвергался обстрелу вражеских самолетов.

Основная работа началась в городе Торопец, в 569 госпитале. Мы принимали и обрабатывали раненых. Помню, привезли обгоревшего танкиста. Его кожа была коричневого цвета, глаза дико светились, он спрашивал:

«Русские вы или немцы?» Мы ответили, что русские, и он умер. 3 августа на Торопец был налет немецких самолетов. Нас вызвали в

госпиталь. Была ночь, багровое заревополюхало над нами. Мы собирали раненых, которых не успели эвакуировать вечером.

Вскоре немцы подошли к Торопцу. Наши хирургические группы выходили из окружения подкомандованием врачей Витковского и Яворского. Вскоре нашу хирургическую группу направили в район Холма.

До медсанбата добрались ночью через висячий проволочный мост. Оттуда нас перебросили в полковой пункт. Реки разлились, и мы на плотах переправлялись на другую сторону. Дойдя до полкового пункта, где была развернута операционная, снова начали оперировать раненых.

В 1943 году я вступила в члены КПСС, меня назначили ведущим хирургом хирургического госпиталя 43-й армии. Он находился в г. Демидове. Работы было много, раненые лежали в каждом доме, Доме культуры, в школе. Четверо суток медработники не выходили из перевязочной.

Армия шла вперед, и мы шли за нею. Много приняли раненых в Литве. Запомнился такой эпизод. Однажды сижу я в перевязочной, вдруг над моей головой просвистела пуля, ударившаяся в стену. Я не обратила внимания. А это был немецкий снайпер. На другой день он убил нашего шофера, смертельно ранив его в голову.

Затем мы перешли под Кенигсберг. Получили приказ в течение ночи подготовиться к приему раненых. Госпиталь развернули там, где у немцев были конюшни. Здание чистили, мыли и к утру приняли 200 раненых.

В начале 1945 года меня перевели в госпиталь легкораненых. Там я встретила долгожданный День Победы над фашистской Германией. Даже солнце светило в этот день ярче, всецвело и зеленело. Я награждена орденом Красной Звезды и медалью «За победу над Германией». И свои награды всегда ношу с гордостью.

32. Это дала победа : рассказ кузнеца колхоза «Дружба» Ф. Н. Печенкина / [Ф. Н. Печенкин] // Знамя труда. – 1965. – № 54. – 8 мая.

На другой же день после начала войны я был призван на защиту Отечества. С первой партией очерцев отправился в армию. Участвовал в боях с немецкими захватчиками под Вязьмой и Смоленском. Был контужен и четыре месяца находился в госпитале без сознания.

Жители родной деревни Верхняя Талица считали меня погибшим: жена получила извещение из части о том, что я пропал без вести. До войны я около десяти лет работал кузнецом. Снова хотел заняться за прежнюю работу, но колхозники избрали бригадиром. Пришлось выполнять их волю. Ох, и досталось мне тогда. В бригаде остались только женщины и дети. Приходилось на конях пахать, боронить и сеять. Большие площади хлеба убирали вручную, работали круглые сутки. Несмотря на трудности, со всеми заданиями справлялись.

В 1945 году, после Великой Победы, я сдал бригаду и перешел на другую работу, затем вернулся снова в кузницу. Оглядываясь на прожитое

время, я невольно делаю сравнение с нынешними днями. Как до войны, так в первые годы после нее, кузнецу приходилось ремонтировать весь конный инвентарь, подковывать лошадей. Помню, в отдельные дни «обувал» в железо до 20 лошадей.

Теперь совсем другое дело. Конный инвентарь почти вышел из употребления. Прицепные машины ремонтируют сами механизаторы и мне приходится только помогать им. Облегчение к колхозному кузнецу, как и ко всем жителям села, пришло благодаря Великой Победе в Отечественную войну. Я горжусь, что в этом деле есть крохотная частица и моих усилий.

32. Бояршинов, А. К 46-ой годовщине освобождения Урала от Колчака / А. Бояршинов // Знамя труда. – 1965. – № 69. – 6 июля.

Очерская телефонная станция, которой я руководил в начале 1919 года, была подчинена штабу 30 стрелковой дивизии для обслуживания воинских подразделений. Как сейчас, помню: в один из мартовских вечеров, кажется, это было восьмого числа, дежурил на станции, и вдруг слышу приглушенный крик телефонистки В.Д. Гусевой:

– Александр Васильевич, на проводе белые!

Хватаю трубку и слышу, как по линии Очер – Оханск открытым текстом передается приказ одной из колчаковских казачьих частей взять к утру 9 марта развилку дорог Очер-Павловский со стороны деревни Нижняя Талица. Записав приказ, я немедленно передал его содержание в штаб бригады, дислоцированной в Очере, и командованию дивизии, находившемуся в селе Большая Соснова.

Ко второй половине дня 9 марта обстановка дел наших войск в районе города резко ухудшилась. Белые были в Павловском, со стороны железной дороги захватили Спешково, Уварово, завязались бои у деревни Сосновка. Из штаба дивизии пришел приказ демонтировать телефонную станцию и выехать в расположение отдельного батальона связи. Мы быстро справились со своими делами, погрузили имущество на подводы и с темнотой выехали в деревню Березовая и дальше на Кленовку. Со мной ехали семь человек: М. Д. Балахонов, А. А. Бояршинов, телефонистки В. Д. Гусева, А. С. Чазова и два бойца охраны.

В деревне Бушуево сделали короткий отдых. Отсюда до Кленовки шли две дороги. Одна выходила на Казанский тракт, а другая, плохо накатанная, шла стороной. Я решил узнать у местных жителей, каким же путем ехать. Зашел в одну избу, там случайно оказался крестьянин, однажды дежуривший на почте с лошастью по наряду сельского Совета. Он узнал меня и тут же сообщил, что к тракту ехать опасно, там все время идет перестрелка.

– Езжайте по времянке, от греха подальше... Уже потом я узнал: едва успел наш обоз скрыться из виду деревни, как туда нагрянули казаки.

Преследовать нас по плохой дороге они не отважились. Мне тогда не удалось узнать фамилию предупредившего нас крестьянина, но если он жив, пусть примет от меня боевое спасибо за правильный совет.

Он помог нам избежать стычки с врагами и сохранить оборудование станции. Я бы хотел, чтобы пионеры-следопыты разыскали этого человека.

Не буду рассказывать о всех последующих событиях. Нам, связистам, приходилось много работать, часто подогнем противника. Военные люди знают, как важно иметь на фронте хорошую связь. И она была такой, способствуя наступательным операциям 30 дивизии против

33. Колчанов, П. Он заслужил почести / П. Колчанов, Г. Стариков, Г. Шардаков, А. Невзоров [и др.] // Знамя труда. – 1965. – № 1965. – № 79. – 6 июля.

Одиннадцатого июня в Очере состоялись похороны Николая Григорьевича Зубарева участника гражданской войны, который с оружием в руках боролся за становление Советской власти в Очере и на Урале.

Зубарев был в числе первых красногвардейцев нашего города. Он активно участвовал в подавлении Дубровско-Острожского кулацкого восстания в 1918 году, в боях с колчаковцами на Восточном фронте. От рядового бойца вырос до командира батальона семнадцатого Уральского полка.

В боях он получил несколько ранений, лишился глаза. После гражданской войны Зубарев жил в Очере, работал, принимал активное участие в общественной жизни. Но из-за потери военных документов получал пенсию как рабочий, на общих основаниях, хотя имел полное право по своим заслугам на персональную пенсию.

Похороны бывшего командира красногвардейца были очень скромными, о смерти его друзья и знакомые узнали поздно и не смогли принять в них участие. Такое положение нельзя считать нормальным. Каждому из нас понятно, что вот так постепенно и все уйдем из жизни. А в Очере из тех, кто был в первых рядах красногвардейцев, кто своей кровью отстоял завоевания Великого Октября, осталось немного.

Мы насчитали 15 человек.

Мы думаем, что военкомат, городской Совет и райком КПСС должны более внимательно относиться к этим людям, больше проявлять заботы о живых, а тем, кто умирает, следует отдавать должные почести. Это диктуется временем.

34. Рязанов, Н. По дорогам войны / Н. Рязанов // Знамя труда. – 1965. – № 108. – 11 сентября.

Месяц назад Алексей Егорович Каргаполов, работник Большесосновского нарсуда, получил два больших письма от своих друзей-однополчан. Послевоенная судьба разбросала трех танкистов далеко друг от друга. Один живет в Мурманской области, второй – в Хабаровском

крае, а третий – на Урале. Крепкую дружбу, закаленную огнем в боях и походах, не смогли нарушить ни давность лет, ни большие расстояния. Фронтовые товарищи, офицеры-танкисты пишут Каргаполову о давно минувших днях, делятся сегодняшними успехами в мирном труде и семейными радостями. Читая письма друзей-танкистов Алексей Егорович вспомнил и свою боевую юность.

... Первый бой под Харьковом летом 1943 года. Младший лейтенант Каргаполов только что закончил танковое училище и, неопытный, необстрелянный, принял подкоманду Т-34. Командовал, стрелял, какучили.

И вдруг – три прямые попадания вражеских снарядов. Двоих изэкипажа убило, танкзагорелся. ...Зима. Гололедица. Прорвав укрепленный район противника, танки углубились на 5 километров. Среди них и тридцатичетверка Каргаполова. Механикводитель Забейворота, кадровый танкист, участник боев у Халхин-Гола, яростно давил гусеницами врага и его технику. Снаряды, посылаемые командиром танка, накрывали огневые точки гитлеровцев. Увлечлись танкисты, оторвались от своей матушки-пехоты, а потомнаткнулись на сильный встречный огонь. Танки один за другим выходили из строя, превращаясь в горящие факелы. Загорелась и машина Каргаполова, тяжело ранило радиста. Уцелевшие из батальона пять танков сумели подобрать «безлошадников» – те экипажи, которые остались без машин.

...Жаркие бои за освобождение Кировограда, Орден Отечественной войны первой степени. И снова бои...

...Туманный рассвет в Прибалтике. Три танка и два бронетранспортера с ротой автоматчиков перешли реку. Задача – завязать бой, чтобы выявить расположение обороны противника, засечь его огневые точки, «идти к волку в зубы». Гитлеровцы молчали, пропустив танки. 200 метров... 400... Подозрительная тишина вокруг. Враг притаился, коварно выжидал. Еще на 200 метров продвинулись танкисты... И тут началось! Со всех сторон фашисты открыли огонь. Силы были неравные, но главная задача решена: система обороны противника прояснилась для нашего командования.

Оставив разбитые и горящие машины, танкисты отступили обратно через реку. Пригодилось Каргаполову его умение нырять, которое он приобрел в детстве на реке Сосновке. Набрал в легкие побольше воздуха, он плыл под водой, лишь изредка показываясь на поверхности, кипящей от пуль и осколков.

...Ошеломляющие рейды в Восточной Пруссии. Обстрелянные танкисты, прошедшие огонь, воду и чертвы зубы, громили врага на его земле, брали в тяжелых боях один город за другим и вышли к Балтийскому морю. Еще один орден, на этот раз Красной Звезды, появился на груди Каргаполова.

Около сотни боев, больших и малых, провел в танке Алексей Каргаполов, шесть раз выбирался из горящих машин в самом пекле боя,

терял боевых соратников, сам был тяжело ранен и контужен. Конец войны он встретил однако в строю.

Демобилизовавшись в 1946 году, Каргаполов вернулся в Большую Соснову, был начальником паспортного стола, мастером МСО, а сейчас работает судебным исполнителем. Он – коммунист, отец четверых детей.

35. Кобелев, С. У безымянной выюсты / С. Кобелев // Знамя труда. – 1965. – № 136. – 18 ноября.

Степан Петрович Кобелев после школы ФЗУ работал инструментальщиком и токарем на Павловском машиностроительном заводе. В 1936 году ушел в армию. Там он стал командиром орудия противотанковой артиллерии. С 1938 года С. П. Кобелев – на Очерском машиностроительном заводе.

Через месяц после начала Великой Отечественной войны ушел на фронт, защищал Ленинград. Там и был принят в члены партии. Потом закончил военное училище. Воевал командиром взвода на 1-м Украинском. Награжден тремя орденами и тремя медалями. Дважды ранен. Сейчас Степан Петрович работает начальником смены механического цеха Очерского машиностроительного завода.

Смеркалось... Наступала осенняя ночь 1944 года. Но нам было не до сна. Разведчики доложили, что в расположении второй армии Войска польского ожидается прорыв танков противника.

Наша батарея истребительной противотанковой гвардейской бригады Первого Украинского фронта находилась в резерве главного командования при центральной группе войск. Командиром батареи был капитан Ларин. Я тогда командовал огневым взводом.

С получением разведанных батарея в составе нашего полка в сумерках заняла огневые позиции в районе соседней с нами армии Войска польского, у безымянной выюсты, на стыке двух дорог. За ночь мы хорошо окопались, тщательно замаскировали орудия, в мелкомкустарнике расчистили широкий сектор обстрела.

Ждать пришлось недолго. Едва забрезжил рассвет, как вдали показались силуэты вражеских танков. С наблюдательного пункта командира батареи подана команда: – Танки! Батарея, к бою!

Двенадцать «тигров» на большой скорости, с десантом на броне, ворвались в боевые порядки польской армии. Изрыгая огонь, гремя гусеницами, танки устремились на наши огневые позиции.

Выдержать, не стрелять трудно, но капитан Ларин строго предупредил:

– Не стрелять! Пропустить первые четыре в расположение огневых!

А моему взводу приказ:

– Уничтожить их, когда ворвутся!

Приказ был выполнен. Потребовалось четыре точных выстрела, и все четыре «тигра» загорелись. Тогда орудийный огонь мой взвод перенес наследующие восемь танков в помощь первому огневому взводу.

Оба взвода обрушили на гитлеровские танки такой шквал огня, что все восемь вскоре превратились в неподвижные горящие факелы. Однако победу праздновать было рано. Танковый десант противника просочился в наше расположение. Бой длился шесть часов. Артиллеристы били прямой наводкой, пускали в дело гранаты, бились самоотверженно, неотступая ни на шаг. Вражеский десант уничтожили, много фашистов взяли в плен.

За этот бой весь личный состав нашей батареи представили к правительственным наградам, а меня наградили орденом Отечественной войны первой степени и медалью «За отвагу» от Войска польского. Двадцать один год прошел с того памятного осеннего дня, но он и сейчас вспоминается во всех подробностях. Наши артиллеристы истребители танков хорошо знали свое дело, действовали сообща с пехотой, помогали друг другу, а потому выходили победителями.

36. Рязанов, Н. Всегда с нами / Н. Рязанов // Знамя труда. – 1966. – № 24. – 24 февраля.

О нашем земляке-очерце Василии Михайловиче Усанине мало кто знает. Представленный командованием части к званию Героя Советского Союза на первом году войны, он не успел получить Золотую Звезду и погиб 19 июня 1942 года.

Сейчас в Очере живет брат отважного летчика Сергей Михайлович, сорок лет проработавший в сельских школах, инвалид войны, ныне пенсионер. В доме № 44 по переулку Белинского бережно хранится память о Василии: фотографии тридцать второго года, когда он работал механиком Очерской МТС, снимки периода армейской службы, которая началась для Василия Усанина в тридцать четвертом году в авиационном училище.

И письма, письма... Вернее, открытки из разных мест. Написанные четким убористым почерком, они раскрывают автора, как чуткого, внимательного к своим близким и преисполненного ненависти к врагу. Вот письмо от 10 октября 1941 года родителям Михаилу Поликарповичу и Устинье Федоровне:

«Дорогие мои, я жив и здоров. Был в Тавризе. О персидской жизни расскажу позднее. Сейчас снова началась боевая работа. Где Лида? Что она пишет? Не уверен, что она добралась до Очера, и это меня очень тревожит...»

Его жена Лидия Николаевна оставалась в городе Калинине. Ожидала ребенка. Связь с ней прервалась. И снова через двадцать дней летит письмо в Очер:

«...Беспокоюсь за судьбу Лиды. Ведь у нас на днях должен появиться на свет сын, а я, отец, не знаю, где моя семья».

Это письмо написано 31 октября. Ответом на него служит открытка от Лидии Николаевны в Очер со станции Кулицкая, Октябрьской железной дороги:

«Спешу порадовать внуком. Копия — отец. Родился 6 ноября в 8 часов 20 минут утра. Ничего не знаю о Васе, не имею возможности сообщить ему. Прошу написать и поздравить. Открытку шлю через военных...»

...Трагедия заключалась в том, что от Василия письма и деньги шли регулярно, а от родителей и жены он вестей не получал: слишком кочевой была жизнь летчика.

О себе Василий не писал почти ни слова: что по несколько раз в сутки водил эскадрилью тяжелых бомбардировщиков на боевые задания и отлично выполнял их, что награжден орденами Ленина и Красной Звезды, представлен к званию Героя Советского Союза. Только в апреле сорок второго года проскользнула пара строк о том, что работает с предельным напряжением сил.

...И вот в Очер пришло еще письмо. Почерк на конверте — Лиды, но вложенный листок написан незнакомой рукой.

«Здравствуйте, уважаемая Лидия Николаевна и Ваш сын Валерий! Я знаю о Ваших трудностях, одобряю Ваше мужество и настойчивость, но Вам придется пережить еще более трудную минуту. Поверьте, мне очень тяжело сообщить об этом. Вася был моим другом. Мы служили в одной эскадрилье, он — командиром, я — комиссаром. За героизм его представили к званию Героя. Этот отважный боец, славный летчик и командир вечно будет жить в сердцах своих боевых соратников».

...На аэродроме долго ждали возвращения экипажа: командира Усанина, штурмана Кучинского. стрелка-радиста Левченко... Каждый вглядывался в темноту неба до рези в глазах, вслушивался — не приближается ли рокот моторов? Потеряв надежду дождаться самолет (горючее по расчету кончалось), друзья-однополчане два дня еще надеялись, что вот подойдет машина, из нее выпрыгнут живые и невредимые герои.

В конце второго дня разведка с воздуха, обнаружила врезавшийся в землю самолет. В письме об этом написано так:

«Мы сразу вылетели туда. Усанин был мертв. Экипаж погиб в 1 час 30 минут 19 июня 1942 года. Похоронили Васю и его товарищей с воинскими почестями и дали клятву уничтожать фашистских зверей до последней капли крови... Дорого заплатит Гитлер за нашего героя Василия Усанина!»

Сейчас Лидия Николаевна Усанина с сыном по-прежнему живут в г. Калинин. Замуж больше она не вышла. Приезжала погостить в Очер.

Вот какую историю рассказали нам семь коротких писем, написанных в суровые дни войны. В них — человеческий подвиг.

37. Гурин, Н. Бывалые солдаты / Н. Гурин // Знамя труда. – 1966. – № 23. – 22 февраля.

Как и везде, в автотранспортном цехе Очерского машзавода успешно трудятся бывалые солдаты, младшие командиры и офицеры запаса — представители всех родов войск: моряки, пехотинцы, пограничники, артиллеристы, авиационные механики.

В 1930 году пришел на завод В. Я. Широких. Самостоятельно освоил профессию шофера и сдал экзамены. С тех пор он не расстается с баранкой. В армию был призван в 1937 году. Великую Отечественную войну начинал рядовым шофером, а окончил старшим лейтенантом автомобильного полка. Дважды ранен, награжден тремя орденами Красной Звезды и шестью медалями. Сейчас Василий Яковлевич — водитель мощного дизельного автокрана.

Столько же лет водит машины шофер первого класса В. Г. Путин, участник Отечественной войны. На фронте он стал помощником командира автобатальона по технической части. Сейчас капитан запаса

Путин снова в гараже завода. Он – водитель автобуса, и вместе с напарником содержит вверенную технику в безукоризненном состоянии.

Диспетчером с 1947 года в нашем цехе работает Г. К. Оробей. Его военная служба также началась задолго до войны. Лейтенантом–минометчиком воевал на Северо-Западном фронте. После тяжелого ранения в 1943 году перешел в военкомат, потом был военруком в школах.

В. Я. Вшивков сел за руль автомобиля после войны, а до этого сражался в осажденном Ленинграде, был снайпером, и под его меткими выстрелами нашли себе могилу многие оккупанты. Сейчас он — лейтенант запаса.

Один из старейших трактористов цеха – А. П. Бояршинов. Он водил первые «челябинцы», трактористом прошел по фронтовым дорогам и снова вернулся на завод. До пенсии ему осталось немного, но в работе молодым не уступит.

Гвардейцы фронтов Отечественной войны сейчас являются гвардейцами труда, ветеранами завода. От бывалых фронтовиков не отстают в труде вчерашние воины – трактористы И. Д. Бузорин, Г. И. Вдовин и другие, прошедшие военную школу после войны.

38. Гилева, О. Девичья рота / О. Гилева // Знамя труда. – 1966. – № 23. – 22 февраля.

Нас было четверо. Мы вместе окончили десятый класс в сорок первом и поступили в Пермский стоматологический институт. В студенческом общежитии нам досталась одна комната. Шла война. От ребят-одноклассников получали с фронтов редкие весточки.

В апреле сорок второго в нашей комнатухе неожиданно появился Славка Верещагин.

– Девочки! Да он уже – лейтенант! Качнем!

И взлетел Славка под самый потолок раз, другой. Потом спрашиваем:

– Куда? Откуда?

– Я-то на фронт, – солидно ответил он. – А вот вы почему отстаете? В Очере все девчата поголовно в армию записались.

– Девочки! – сказала Сима Бояршинова. – Завтра идем в райком. Кто против?

Против не было...

...Девушек-добровольцев оказалось много, провожали нас с большой торжественностью и добрыми напутствиями. Не скрывали и того, что на фронте все-таки постреливают и, следовательно, могут убить. Но трудно поверить в собственную смерть, если тебе восемнадцать. В Москве наша дружная четверка распалась. Сима Бояршинова и Катя Бессонова попали в прожекторную роту, меня направили в зенитный дивизион, а Лену Боронникову – во флот.

Огневая позиция зенитчиков была в г. Серпухове. Я стала связисткой у коммутатора на командном пункте: кодировала и расшифровывала позывные для наших самолетов.

Самим приходилось исправлять повреждения на линиях связи. Ох, и трудно же было. Спали 2-3 часа в сутки, обедали на ходу. Только съешь первое, как – тревога. Часто до каши лишь очередь доходила к вечеру. Но мы не хныкали.

Девчата добросовестно выполняли мужские обязанности, были прожектористами, электриками, шоферами, разведчицами, прибористами у орудий и звукоулавливателей.

Сима Бояршинова служила в дальней разведке: принимала по телефону сведения о вражеских самолетах и наносила их курс на карту. Там, где была Сима, находились последние позиции противовоздушной обороны столицы. И зенитчики дрались героически. Несмотря на бомбежки, ставили плотный заградительный огонь и вынуждали фашистские самолеты сворачивать в сторону от Москвы. Катя Бессонова также была телефонисткой-разведчицей, в одной роте с Симой.

Вспоминается 23 февраля 1943 года – День Советской Армии. Нам привезли полный вещевой мешок шоколада – подарок от работников кондитерской фабрики.

Ребята нашего класса по-прежнему переписывались с нами. В их письмах шли сначала «лейтенантские» приветы, потом «капитанские» и дело дошло до «майорских»: мальчишки росли, мужали в боях. Многие из них не дожили до Дня Победы. А Саша Арбузов погиб в Польше летом сорок пятого от рук националистов.

В августе 1945 года демобилизовали и нас.

Москва тепло провожала девушек-воинов. Эшелон был украшен макетом гвардейского значка, лозунгами, зелеными ветками. В нем ехало на Урал 2000 пермячек и свердловчанок, всю войну охранявших небо Москвы. В дороге удалось встретить многих знакомых девчат из Очеры.

Как сложилась судьба моих подруг? Сима Бояршинова была секретарем комитета комсомола Очерской промартели «Работник», зав. школьным отделом райкома ВЛКСМ. Потом она окончила одиннадцатый педагогический класс, заведовала Домом пионеров, сейчас работает воспитательницей в школьном интернате. В 1956 году ее приняли в ряды Коммунистической партии. Серафима Васильевна – член райкома КПСС.

Екатерина Михайловна Бессонова (ныне Томилова), окончив библиотечный техникум, сейчас работает в районной библиотеке.

Прошлым летом С. В. Бояршинова с учениками школы-интерната ездила на экскурсию в Москву. Там она встретилась со многими девчатами из прожекторной роты — коренными москвичками. Дружба фронтовых подруг за прошедшие двадцать лет не угасла.

39. Нецветаев, А. В. Бойцы вспоминают минувшие дни / А. В. Нецветаев // Знамя труда. – 1966. – № 23. – 22 февраля.

Связь работала нормально

П. Н. Лабутин, член КПСС с 1939 года, всю Отечественную войну был парторгом роты связи, исполнял обязанности командира взвода. Четыре раза ранен, дважды контужен. Награжден орденом Красной Звезды и медалями. Сейчас Петр Николаевич – бригадир Верещагинской бригады колхоза «Дружба». Вот что он рассказал о фронтовых годах:

– Небольшая возвышенность, открытая всем ветрам, находилась между командными пунктами армии и дивизии. Снаряды противника щедро сыпались на этот участок, телефонная связь то и дело прерывалась. На поиски и исправление повреждений один за другим уползали связисты, и не каждый возвращался из пекла.

Ясно, что постоянная связь армии с дивизией – главная задача нашего батальона, держать ее надо во что бы то ни стало, но нельзя ли избежать потерь?

Помозговал я, с людьми посоветовался... Напрямую через возвышенность — полтора километра. Телефонный провод уложен в две нитки, и обе рвутся чуть не каждый час. А что если провод протянуть в обход?

Прикинули: по подножию холма получается четыре километра. За перерасход кабеля тоже по головке не поглядят... А чтоб сделать еще надежней, потребуется четыре нитки. Итого 16 километров... Нелегко принять на себя такую ответственность, но люди дороже. На свой риск так и сделал. А для пущей надежности четыре нитки соединили перемычками. Даже если все четыре нитки перебьет осколками, связь не нарушится, ток найдет себе дорогу по перемычкам с одного провода на второй и т. д.

Не всем в роте понравилось наше нововведение. Командир соседнего взвода признал это излишеством. У нас с ним был крупный разговор, но командир роты меня поддержал, наши действия одобрил. Задача была решена, связь работала устойчиво. А исправление редких повреждений обходилось уже без жертв.

Многое можно рассказать о годах войны. Бои под Москвой на Волоколамском шоссе в октябре 1941 года... Мы были свидетелями массового героизма советских воинов, беззаветной храбрости сибиряков и уральцев на подступах к столице.

...Освобождали Харьков, Кривой Рог, Румынию, Болгарию. Там мы встретили радостную весть о Победе.

За «языком»

Н. С. Ломов начал свой боевой путь восемнадцатилетним юношей. Был автоматчиком, командиром минометного взвода, разведчиком полка. Трижды ранен. Награжден четырьмя орденами и медалью «За отвагу».

Сейчас Николай Семенович работает механиком по транспорту в нефтеразведке № 10. Вот его рассказ:

— Полковая разведка выполняла различные задания. Группой в 8–15 человек мы ходили километров за двадцать в глубь обороны противника, интересуясь главным образом огневыми точками. При поддержке своей артиллерии «под шумок», брали передовые вражеские окопы, уничтожали пулеметные гнезда, наводили панику среди фашистов.

Можно сказать, я пешком исходил Орловскую, Курскую, Полтавскую, Калининскую области. И вот мы дошли до Прибалтики.

Однажды в Латвии в 1944 году на нашем фронте выдалось затишье. А для разведчиков это время большой работы. Надо скрупулезно, всеми доступными средствами собрать данные о противнике. Они пригодятся при нашем наступлении.

С другим своим Абдуллой Адуалетбаевым получили задание сходить за контрольным пленным, т. е. за «языком». Надев маскировочные халаты, в три часа утра двинулись...

Дошли до нашего боевого охранения.

— Стой! Кто идет? — раздалось из окна.

— Свои, — с татарским акцентом тихо отвечает Абдулла.

— Документы! — требует наш боец.

А какие у разведчиков документы? Их с собой в поиск не берут. Акцент моего товарища показался подозрительным... В общем, сверхбдительный «страж» Абдуллу дальше не пустил.

Как я ни уговаривал, тот — ни в какую.

— Ты, — говорит он мне, — иди, а его не пущу!

Делать нечего — я пополз один.

До боевого охранения противника 200 метров. Миновал их благополучно. Смотрю: в окопе сидят двое гитлеровцев — один пожилой, другой — моих лет. Я за ними понаблюдал, кругом осмотрелся и решил брать.

Рывком поднявшись на ноги, прыгнул в окоп, отшвырнул их пулемет в одну сторону, винтовку — в другую...

— Хенде хох! — приказываю, направив автомат.

Застигнутые врасплох и обезоруженные, гитлеровцы подняли руки.

— Раус!

Оба прекрасно понимают, чего я от них требую, но вылезти из окопа боятся — вокруг нас стали рваться гранаты и мины: фашисты, почуяв неладное, открыли огонь по этому участку.

Пришлось повторить «приглашение».

Поползли они под обстрелом в наше расположение, а я — за ними. Когда добрались до Абдуллы и охранения, у фашистов силы иссякли. Идти они не смогли, и мы их повели под руки.

Разведчики-друзья оказали мне «королевский» прием: они не позволили идти пешком семь километров до штаба полка, а несли меня с почетом на руках, как я ни вырывался.

Конечно, не всегда так благополучно сходило. Часто были жаркие рукопашные схватки, многих товарищей пришлось похоронить. И даже после дня Победы, в лесах Прибалтики, еще некоторое время длились наши стычки с противником.

Встреча на Эльбе

М. И. Волегов с 1932 года работает на Очерском машзаводе, сейчас является начальником смены механического цеха. Он – участник финской и Великой Отечественной войн. В легендарной кавалерийской дивизии им. Пархоменко сражался за Сталинград, освобождал Ростов-на-Дону, Смоленск, Витебск и многие другие города. Кавалер шести правительственных наград. Михаил Иванович рассказывает:

– Наш конный гвардейский корпус, с танками и артиллерией, совершая глубокие рейды по тылам врага, одним из первых вышел к Эльбе. Здесь советские солдаты встретились с американцами. Это был апрель 1945 года.

Штаб, в котором я служил помощником начальника отделения, располагался в нескольких километрах от реки. Десятка полтора автомашин привезли группу наших бойцов и офицеров во главе с командиром корпуса на берег Эльбы.

Вскоре с той стороны пришли длинные узкие катера с представителями американского командования. Нас пригласили занять в них места.

Рядом со мной сел американский офицер и локтем толкнул в бок. Вижу, что хочется ему заговорить.

– Ты чего? – спрашиваю.

– Извиняюсь, – отвечает он на чистейшем русском языке, хитро улыбаясь.

– Откуда ты знаешь русский?

– Потому что сам русский, — говорит офицер и смеется.

– Если ты русский, то место тебе на этом берегу, – говорю я и киваю назад.

– Так получилось, и я тут ни при чем: отец задолго до революции эмигрировал в Америку.

– Ну, ладно, – говорю. – Хорошо, что родной язык не забыл.

А потом, не удержавшись, я пустил шпильку насчет второго фронта, его запоздалого открытия.

– Тоже не моя вина, – отвечает.

Он еще успел сказать, что служит лишь переводчиком у командующего, а больше поговорить не успели: катера причалили к тому берегу. Нас ждали.

Первые минуты официальной скованности... Потом теплые объятия... Маленький банкет... Выпивали и закусывали на английский манер – стоя. Было сказано много добрых слов в адрес советского народа и его армии.

Затем нам предоставили возможность ознакомиться с военной техникой союзников, но показывали ее очень «скромно», не снимая чехлов.

На следующий день представители американского командования нанесли ответный визит.

Подобная встреча была и с англичанами 8-го мая. Английский фельдмаршал Монтгомери на состоявшемся общем митинге почему-то не произнес ни слова. Командующий нашим фронтом маршал К. К. Рокоссовский выступил с десятиминутной речью.

Рядовые американцы и англичане заверяли нас, что и впредь будут нашими союзниками в борьбе за мир во всем мире, что никогда не скрестят оружие с русскими. Но правительства этих стран вскоре повернули политику на рельсы «холодной» войны. И сейчас слова их о мире расходятся с делом.

Подарок легендарного начдива

Протершиеся на сгибах, пожелтевшие и подклеенные документы... Один из них – послужной список младшего фейерверкера 3-го Сибирского горного артиллерийского дивизиона А. Я. Рудометова, начавшего военную службу в 1909 году, награжденного георгиевскими медалью и крестом в первую мировую войну. Второй документ от 30 марта 1921 года. Приведем его с некоторыми сокращениями:

«Удостоверение дано наблюдателю-корректировщику первого разряда, одному из преданнейших делу революции т. Рудометову Александру Яковлевичу в том, что он отличается невероятной способностью стрелять из артиллерии. Смелость, непоколебимость, точнейший глазомер были его всегдашними спутниками в боях.

В день второй годовщины со дня формирования 6-й батареи легкого артиллерийского дивизиона 51 дивизии 4 марта 1920 т. Рудометову преподнесли от ЦИК через посредство начдива 51-й т. Блюхера серебряный портсигар. Вручая его перед фронтом батареи, В. К. Блюхер сказал: «За храбрость и стойкость в боях, за освобождение Сибири из-под власти Колчака».

...Большой путь прошел Александр Яковлевич плечом к плечу с В. К. Блюхером. Стрелял из легких орудий под Нытвой, Очером, Кленовкой, Вяткой. На Каме меткими выстрелами потопил пароход белых.

Под Тобольском, находясь в окружении белых, Рудометов и еще один рядовой жили с Блюхером в одной избушке.

После разгрома Колчака дивизию бросили на Врангеля.

В записях А. Я. Рудометова об этом периоде есть такие строки: «Мы сделали налет на штаб кавалерийской бригады белых, прорвались в тыл противника на 70 километров. Захватили трех генералов.

Кавалерия и бронемашины белых бросились за нами. Наши артповозки отстали. Два броневика врангелевцев догоняли нас. Я сдернул

с передка одно орудие и открыл огонь. Подбил две бронемашины. Всадники тоже остановились.

В это время В. К. Блюхеру доложили, что я один воюю с врангелевцами. Он послал на помощь целый полк и сам приехал.

– Садись, стрелок, в мою машину, – сказал комдив.

**40. Бояршинова, Н. Встреча с земляком-героем / Н. Бояршинова
// Знамя труда. – 1964. – 12 сентября.**

Неделю гостил на родине у родителей в Б.-Соснове наш знатный земляк, Герой Советского Союза, генерал-майор, бывший командир партизанского соединения на Брянщине в Великую Отечественную войну М. И. Наумов. Перед отъездом в Киев, где он сейчас проживает, Михаил Иванович побывал в редакции газеты «Знамя труда». Здесь состоялась встреча с коллективом журналистов.

Несколько лет М. И. Наумов занимается литературным трудом. Его первой книгой были «Хинельские походы». Она посвящена первому рейду партизан-наумовцев по тылам врага в районе Хинельского леса, расположенного в Курской области, и вышла в семи изданиях. Второму рейду партизан по Киевщине и Житомирщине посвящается книга «Степной рейд», выпущенная в прошлом году украинским издательством «Советский писатель», и в сокращенном варианте — издательством ЦК ЛКСМУ «Молодь».

Писатель-воин поделился с редакционным коллективом дальнейшими творческими планами. Сейчас он продолжает работать над книгой «В горах Словакии», которая включает в себя воспоминания автора об участии советских бойцов и его лично в вооруженном Словацком восстании, двадцатилетие которого только что отмечалось. М. И. Наумов недавно вернулся из Словакии, где встретился со многими участниками восстания, братьями по оружию против гитлеровских оккупантов.

41. Косых, А. Доброволец Первого Уральского / А. Косых // Знамя труда. – 1967. – 26 января.

Шел 1918 год. Советская республика находилась в огненном кольце. В. И. Ленин писал: «Надо напрячь все силы, развернув революционную энергию, и Колчак будет быстро разбит. Волга, Урал, Сибирь могут и должны быть защищены и отвоеваны!»

Партия большевиков бросила клич:

– Все на Восточный фронт!

Белогвардейские полчища приближались к Перми. В Дворецкий волисполком пришло указание: «Немедленно эвакуироваться!»

В этот период Г. П. Мосягин был членом Дворецкого волисполкома. Со всем штатом сотрудников он эвакуировался в с. Черновское. Там он явился к военному комиссару В. С. Азанову с просьбой о зачислении его в ряды Красной Армии.

После комиссии его в числе других направили в Чистопереволочный пункт набора.

Короткая военная подготовка... В с. Баклуши выдали оружие и обмундирование, затем – марш в Таборы, где всех разбили на батальоны, взводы и роты и зачислили в Первый Уральский полк 30-й дивизии.

Из Табор полк двинулся на передовую линию фронта, которая была расположена между Нытвой и Таборами. Фронт держали по Каме, сидели в окопах полтора месяца. Изредка проходила перестрелка белой и красной разведок.

Белые начали наступление и, прорвав фронт около Оханска, стали быстро продвигаться на Б. Соснову и станцию Бородулино.

Весь Первый Уральский полк оказался в полуокружении. Поступил приказ: начать отступление по всей линии фронта.

Красные бойцы направились через В. Талицу, Скакуны и Очер. Вторая рота, где служил Г. Мосягин, при отступлении рассыпалась под горой в лесу, около д. Скакуны, и когда белые подошли, открыла стрельбу. Схватка была жаркой. Из роты осталось в живых трое. На помощь подошли бойцы 269-го Богоявленского полка. Путь на Очер уже был отрезан, красные части вынуждены были отступать через село Путино, держа направление на 29 разъезд и станцию Кузьма. Оба полка, отступая с боями, достигли дд. Ераничи и Фомичи, где держали оборону около двух месяцев.

В первых числах мая 1919 года эти полки соединились с частями Восточного фронта Красной Армии и перешли в наступление по Казанскому тракту. Через полтора месяца, в середине июня, бойцы Первого Уральского полка снова шли по родным местам: Уварово, Лужково, Морозово, Дворец, Шерья и достигли берега Камы. Переправившись на другой берег, двинулись через Юг-Казенный и Кунгур на Свердловск и Шадринск.

Бойцы Первого Уральского полка между Курганом и Тюменью подошли к реке Тобол и вплавь добрались до другого берега. В этот момент части белой армии прорвали линию фронта около Кургана, держа цель: отрезать и окружить весь полк. За трое суток Первый Уральский полк вынужден был отступить обратно на 150 километров.

В ночь с 13 на 14 октября 1919 года Третья и Пятая Красные Армии возобновили наступление. Противник, застигнутый врасплох, был отброшен далеко от реки. Неделью шли упорные бои, некоторые населенные пункты несколько раз переходили из рук в руки. Колчаковская армия начала ослабевать и снова покатилась на восток.

В конце октября 1919 года Первый Уральский полк подошел к Иртышу. Река замерзла, но лед был тонкий. Кавалерия белых и обозы, в панике отступая, с орудиями и лошадьми проваливались и шли под лед.

Неподалеку у белых находились два вагона золотого запаса (в слитках) на сумму свыше 600 миллионов рублей. Бойцы Первого Уральского полка спешили перерезать железную дорогу за Омском и не выпустить Колчака с золотом, но не успели: за час до прихода красных частей Колчак со своей свитой успел выехать на Иркутск.

По железной дороге тащились поезда с белогвардейцами, чиновниками, промышленными тузами, военным имуществом. В середине этого скопища составов шел поезд, в котором сидел Колчак.

По обеим сторонам железной дороги и Сибирского тракта простиралась глухая тайга. Снежные бураны, сильные морозы затрудняли движение красных полков. Двигаясь на Красноярск и Иркутск, полк уральцев встретил отряд красных партизан, который действовал в тылу у Колчака, а теперь влился в Первый Уральский полк.

В Иркутске Первый Уральский пробыл две недели. На станции Байкал бойцы несли охрану в 26 тоннелях.

Восточный фронт был ликвидирован, но еще остались два фронта — Западный и Южный. В середине сентября 1920 года Третья армия была переброшена против Врангеля.

Г. П. Мосягин в это время был избран председателем контрольно-хозяйственного совета полка. Хозяйственная часть вместе с комиссаром Зубовым в количестве 35 человек решила за несколько часов до отправки бойцов выехать и подготовить на новом месте встречу полка. На станции Лозовая хозяйственная часть стала выгружаться, а комиссар с командиром полка и рядовым бойцом поехали вперед — в село Михайловку для уточнения линии обороны фронта. Проехали несколько улиц, и тут на них напала банда Махно.

Белый офицер спросил командира полка: «Кто вы такой?» Тот ответил: «Я комендант полка». Белая банда тут же на месте убила его. А комиссара полка приняли за рядового и вместе с бойцом отпустили, раздев обоих донага.

Хозяйственная часть тем временем двигалась в Михайловку, но банда Махно окружила ее около села. Всех повели под охраной в лес, где

их раздели до белья, а после отпустили по дороге, сказав, куда им нужно идти.

Пройдя три-четыре километра, все разбежались кто куда. Но махновцы следили за ними, и вскоре все были снова схвачены и посажены в глубокую яму. Ночью раз десять выводили, выстраивали и издевались, потом штыками и прикладами сталкивали обратно в яму. Бойцы с часу на час ждали расправы. На второй день утром опять отпустили. Голодные, раздетые бойцы трое суток бродили, не зная местности, а махновцы продолжали следить за ними. Бандиты рассчитывали, что пленные покажут, где красные части.

Но вот к Михайловке прибыли бойцы Первого Уральского полка и наткнулись на группу полураздетых бойцов. Их повели в штаб, одели, дали вооружение, а через несколько дней они двинулись вместе со всеми на Сиваш и Перекоп.

Сильно укрепленный врагом, Перекопский перешеек считался неприступным. Он весь был опутан густой сетью проволочных заграждений и до предела насыщен огневыми средствами; неприступным считался и Сивашский залив.

Красные войска бесстрашно пошли на штурм вражеских укреплений. Военное командование решило вывести через Сиваш в тыл врага главные силы Пятой Красной Армии, а Третья и Тринадцатая армии должны были атаковать Турецкий вал с линии фронта. Это боевое задание требовало большого напряжения физических и моральных сил. Шла тщательная подготовка, изучалось расположение сил противника.

Седьмого ноября 1920 года началась переправа через Сиваш, а вскоре Турецкий вал был взят.

С рассветом следующего дня части Красной Армии, сжимая кольцо, пошли на окружение врангелевцев. Белогвардейцы вынуждены были в беспорядке отступать, оставляя на поле боя пушки, автомашины. Сотни солдат и офицеров были захвачены в плен. Шестнадцатого ноября 1920 года завершилась битва на Крымском полуострове.

В Симферополе Г. П. Мосягин заболел тифом. После болезни побывал дома, а потом был назначен в Пермский 510 полк в конную разведку. В 1921 г. был отправлен на военную переподготовку в Вятку. В 1922 году демобилизовался и вернулся в родное село Дворец, где продолжал работать заместителем председателя волисполкома.

Он участвовал также и в боях во время Великой Отечественной войны. С 1941 по 1942 год был политруком. Под Ленинградом ранен и по ранению прибыл домой. Имеет три медали.

Г. П. Мосягин, коммунист с 1918 года, за свою боевую жизнь прошагал много трудных километров. Сейчас он по-прежнему бодр, принимает активное участие в общественной жизни.

42. Шаров, Г. На земле и в небе / Г. Шаров // Знамя труда. – 1967. – № 8. – 19 января.

Великая Отечественная война застала меня в частях Военно-Воздушных Сил. Служил я авиамехаником в истребительной авиации под Ленинградом.

С первых дней войны летчики нашего полка вели упорные бои, совершали героические подвиги. Очень часто самолеты возвращались на аэродром сильно поврежденными, и нам, техническому персоналу, приходилось их ремонтировать, снова готовить в бой.

Интересен такой факт. Первые, даже не столь значительные повреждения, вызывали у нас сомнения в возможности устранить их своими силами. Дело доходило до того, что такие самолеты списывали. А потом мы брали эту же самую списанную технику и полностью восстанавливали. Самолет снова поднимался в воздух.

Работать доводилось сутками, без отдыха. Ремонтники уставали так, что засыпали на ходу или стоя у своего рабочего места. Уснувшего иногда невозможно было разбудить в течение нескольких часов.

Летом 1942 года наши истребители вылетели в район Сталинграда, а мы – следом за ними на самолете ЛИ-2. Но, прибыв на место назначения, летчиков там не застали – они отправились дальше. 20 дней мы их догоняли.

Без технического персонала летчикам пришлось самим заправлять, заряжать и даже ремонтировать самолеты. И это для них было самое трудное время. Ведь после напряженного полета и воздушного боя отдыхать не удавалось, каждому обо всем надо было позаботиться, чтобы быть готовым к следующему боевому вылету.

Один из летчиков нашего полка в этот период, совершив вынужденную посадку, сам разобрал истребитель, погрузил его на машину и привез на свой аэродром, хотя имел моральное право бросить самолет.

К лету сорок третьего года авиационные конструкторы и промышленность обеспечили Военно-Воздушные Силы отличной техникой в достаточном количестве. Это были уже далеко не те самолеты первого периода войны, уступавшие немецким в скорости и маневре. Советские летчики на новых истребителях добились господства в воздухе.

Но каждая победа по-прежнему давалась нелегко, с большим напряжением нервов. Летный состав совершал в день по 5–6 боевых вылетов, и каждый из них сопровождался воздушным сражением. Это значило столько же раз в день взглянуть смерти в лицо. К вечеру уставший до предела летчик, бывало, не мог сам выйти из кабины, хотя ранений не имел.

Однажды во время битвы на Орловско-Курской дуге наш однополчанин Вася Кашинцев прилетел с очередного задания.

На его истребителе мы насчитали 98 пробоин, а в парашюте нашли... неразорвавшийся снаряд от зенитной пушки «Эрликон». Этот самолет

«технари» привели в боевую готовность за одни сутки. Об отдыхе, конечно, никто и не заикался.

Вася воевал с сорок третьего года и до конца войны. Не был ранен ни разу, сбил немало вражеских самолетов, награжден тремя орденами Боевого Красного Знамени. А уколов очень боялся. При виде безобидного шприца Вася убегал от медиков без оглядки.

Вспоминается и такой случай с другим летчиком нашего полка — Колей Галкиным, уроженцем Пермской области. В 1944 году при штурме одного из горных перевалов в Румынии он стал упрашивать авиатехников не проверять мотор перед вылетом, горячо уверяя, что двигатель работает хорошо, зачем зря гонять!

Но, как выяснилось, сердце самолета работало неважно, и пилот сам это прекрасно знал. А скрывал потому, что не хотел задерживаться с вылетом и отстать от товарищей.

Колю все-таки пришлось немного задержать, всего на несколько минут, необходимых для устранения этой неисправности. Он был очень огорчен, но вскоре догнал свое звено в воздухе.

Ратные подвиги крылатых воинов Страны Советов, повседневный кропотливый труд авиационных техников, механиков и других авиаторов приблизили день нашей победы, войдя яркой страницей в летопись войны, являясь живым примером для грядущих поколений.

43. Бурдин, С. В Александровском Централ / С. Бурдин // Голос новатора. – 1967. – № 8. – 23 февраля.

При подходе Красной Армии к Перми в 1919 году нас, арестованных колчаковцами, выгнали из тюрьмы и пешком отправили на ст. Сылва. Здесь поместили в товарные вагоны по 60–70 человек в каждый. Чувствуя свою близкую гибель, Колчак старался отправить всех арестованных подальше в тыл, при этом ставилось целью как можно больше уничтожить ненавистных ему людей.

И вот мы около месяца ехали до ст. Усолье Иркутской области. Приходилось лежать и наблюдать, как буржуи, попы, кулаки бежали от справедливого возмездия. Мы видели, как через реку Чусовую вплавь кидались обезумевшие толпы беженцев, как на открытых платформах ехали люди со всем своим скарбом. Вся железная дорога, города, станционные разъезды охранялись белочехословаками.

От Усоля арестантов погнали в Александровский централ в пятнадцати километрах от шоссе. Измученные и изголодавшиеся многие не могли идти и падали. А когда товарищи шли на помощь и поднимали падающих, конвоиры выводили их за канаву дороги и тут же убивали.

В централ пригнали нас оборванных, вшивых. Из трех тысяч человек осталось не более полутора тысяч. Не было в царской России ничего прочней и солидней тюремных построек. Александровский централ был

построен исключительно прочно. Стены здания – метровой толщины из красного кирпича. Окна заделаны квадратными, дюймовой толщины, решетками, и ежедневно при утренней проверке один из тюремщиков простукивал молотком каждый прут решетки.

В центре скопилось столько арестованных, что их некуда было больше помещать, хотя в каждой камере сидело по 100-120 человек. Стали отправлять заключенных в другие тюрьмы Сибири, при этом большинство людей расстреливалось дорогой. Так была расстреляна партия арестантов в августе, в которой находились и наши очерцы С. В. Челпанов и С. А. Седов. Тех, кто остался в центре, стали судить. Ежедневно в тюремном коридоре вывешивались списки осужденных. Менее 10 лет каторжных работ никто не получал.

К осени в тюрьме распространился тиф. В декабре пообещался прийти к нам на помощь партизанский отряд из тайги. Мы решили облегчить партизанам наше освобождение. Ночью была обезоружена внутренняя охрана, арестанты стали выходить из камер, сбивая замки с дверей. Но как только мы пошли на тюремный двор, пулеметная очередь свалила передних товарищей. Стреляла охрана. Пришлось вернуться.

Началась перестрелка. У нас было несколько винтовок, сабель и револьверов, отобранных у внутренней охраны. Кое-кого из тюремных начальников нам удалось убить. Десятка два здоровых товарищей ушли через забор на волю, мы отдали им все полушубки и валенки. Партизанский отряд почему-то не смог в назначенное время подойти к центру, и восстание провалилось.

В тюрьму прибыл карательный отряд. Трое суток бил он из орудий по нам, сидящим в здании. Часть потолков, окон была разрушена, а мороз был от 40 до 50 градусов. Горы убитых, умерших от голода и холода... Живые ютились под нарами.

На четвертый день начальник карательного отряда дал приказ – расстрелять из пулемета оставшихся в живых арестантов. По коридору на колесах быстро задвигался пулемет, пуская очереди в двери камер. Уцелели единицы. Я спасся только потому, что лежал под нарами в числе первых от дверей, и очередью меня не задело.

После такого массового расстрела палач-каратель велел вылезать из под нар живым. Вставшим на ноги он подносил к голове браунинг и спрашивал, кто сделал восстание и за что сидит арестованный. Если ему не нравился ответ или личность заключенного – убивал на месте.

Было убито очень много людей. Появились сотни подвод. Мертвецов грузили и отвозили в глубокий овраг, где сжигали. У оставшихся в живых обмороженные части тела начали чернеть. У Нашего земляка И. Г. Бояршинова были обморожены обе ноги и он умер от гангрены.

Всем была бы могила, но партизаны не забыли нас. Дней через десять после нашего восстания они захватили тюрьму. Был избран революционный комитет, 3 января 1920 года нас вывезли на одну из

станций железной дороги, а потом распределили по госпиталям. Колчак удирал.

Партизанские отряды разоружали чехословацкие эшелоны. Стойко и самоотверженно дрались рабочие и крестьяне за родную Советскую власть.

В санитарном эшелоне вместе с нами лежал моряк-партизан, совершивший героический подвиг. Партизаны пустили под откос эшелон колчаковцев. За партизанами белые организовали погоню. Двое суток спасался моряк от преследований, обморозил обе ноги. Товарищи его нашли и привезли в баню. А село было занято преследователями. У хозяина бани в доме происходила пьяная оргия. Моряк стиснув зубы, ножом обрезал себе обмороженные ноги – и выжил.

Видел я человека, исполнившего приказ Иркутского военно-революционного комитета о расстреле Колчака. Пепеляева и других контрреволюционеров. По словам очевидца, когда вошли к ним в камеру, Колчак сказал: «Без суда расстреливаете...». Пепеляев ревел и просил сохранить ему жизнь. Главари контрреволюции были уничтожены, народ вернул Советскую власть.

Дорого досталась нам победа над Колчаком. В Александровском центре погибли тысячи и тысячи людей. Среди них и наши очерцы. Вот их имена: Бояршинов Степан Алексеевич, Бояршинов Иван Егорович, Бубнов Иван Николаевич, Бурдин Филипп Васильевич, Казымов Афанасий Герасимович, Седов Александр Андреевич, Чазов Николай Петрович, Челпанов Сергей Васильевич, Пономарев Григорий Терентьевич. (Г. Т. Пономарев приехал домой, но организм его не выдержал долго и через два года после центра он умер).

Вечная память борцам за Советскую власть! Их жизнь была отдана не зря. Коммунизм, который теперь строит наш народ, будет им лучшим памятником.

44. Томилова, А. В грозную годину / А. Томилова // Знамя труда. – 1967. – № 29. – 8 марта.

По решению райкома партии и райисполкома в 1941 году в Очере был создан первый кружок противовоздушной химической обороны, в котором участвовали почти одни женщины. Их мужья, сыновья были на фронте, а некоторые получили уже похоронные. И женщины отдавали свои силы, энергию, чтобы как-то помочь приблизить победу над фашистской Германией.

Чем же мы занимались? Прежде всего на наши плечи легла забота о приеме и распределении эвакуированных, приезжающих из Ленинграда, Днепропетровска, Бердичева.

Мы прошли все дома в Очере с тем, чтобы отыскать комнаты для эвакуированных. И почти везде находилось место, потому что очерцы понимали все то, что перенесли и испытали эти люди.

Однажды я дежурила в райкоме партии. И ночью пришел обоз из Верещагино с эвакуированными ленинградцами. Было много детей. Я подошла к одной девочке лет 12-13, хотела ее поднять, но оказалось, что она не может ходить: от голода опухли ноги. На руках мы выносили всех детей. А потом принесли картошки и немножко накормили их.

А позднее один красноармеец признался мне, что сколько бы он ни ел, всегда чувствовал себя голодным.

Многие из эвакуированных приехали, кто в чем был, мы ходили по дамам и собирали для них одежду.

В свободное от работы время мы шли править дорогу Очер—Верещагино. Большое участие, конечно, принимали и в организации госпиталя, шили салфетки, одежду для раненых. Под руководством Екатерины Степановны Синицыной устраивали для них угощения — рыбные пельмени со сметаной и вареным молоком.

Распространяли мы военные займы, помогали школам в заготовке дров. Организовывали женщины-кружковцы и посылки в Красную Армию.

До поздней ночи сидели мы на посиделках в поссовете, пряли, вязали варежки, шарфы, носки для воинов. Приходили к нам детишки из детского сада с воспитательницей О. А. Чазовой. Они пели, читали стихи для нас. А мы им потом чинили одежду.

Много внимания нами обращалось и на налоговую систему, чтобы не было государственных долгов. Бывало, скажет председатель поссовета Асан Измаилович Шеко:

— Пойдемте, хозяйечки, посмотрим, непорядок у нас там...

Нами, женщинами-кружковцами, был создан первый хоровой коллектив при поссовете из пожилых женщин. Руководителем у нас была Ираида Ильинична Усанина. Активным организатором был Константин Григорьевич Дерюшев. Мы выступали с концертами, а позднее и со спектаклями в клубе. Наиболее удачным был спектакль по пьесе Н. Островского «Бедность — не порок».

Актив женщин при поссовете был большой — около сотни человек, но закончили кружок ПВХО около двадцати, наиболее энергичные, деятельные женщины. Среди них мне хочется назвать Г. М. Мельникову, А. Ф. Полюдову, Т. Г. Мокрушину, В. С. Шмырину, З. М. Рейх и многих других, которые в годы войны были готовы отдать силы свои для победы.

Сколько горя и лишений вынесли наши женщины! Их хрупкие плечи выдержали нечеловеческую нагрузку военного времени, не согнулись в отчаянии. Женщины, они стояли рядом с мужчинами и на фронте и в тылу.

45. Рязанов, Н. У нас в гостях генерал Наумов / Н. Рязанов // Знамя труда. — 1967 — № 30. — 11 марта.

Легендарные подвиги крупного кавалерийского партизанского соединения, которым в годы нашествия фашистских оккупантов

командовал Герой Советского Союза генерал-майор Наумов, золотыми буквами вписаны в историю Великой Отечественной войны.

Возвращаясь на Украину после поездки в Сибирь к боевым друзьям-героям своих изданных и будущих книг, Михаил Иванович ненадолго завернул в родные уральские края. Знатному земляку и было посвящено очередное заседание редакционного Клуба интересных встреч, на котором на этот раз присутствовал и районный актив.

Бывший партизанский полководец крепок телосложением, энергичен, бодр духом и в свои 59 лет выглядит молодо. Под стать внешности и его живая, образная речь.

Сын крестьянский

Начинал он трудовой путь в Большой Соснове. Был на пионерской и комсомольской работе, в 1927 году принят кандидатом в члены партии. Позднее работал на шахтах Кизела, стал коммунистом, учился в вечерней партийной школе и на курсах пропагандистов, был секретарем Майковского райкома комсомола и заведующим отделом агитации и пропаганды Майковского райкома партии в Коми-Пермяцком национальном округе. Потом снова вернулся в родное село и оттуда призван в армию. В армии окончил военно-химическую и Высшую пограничную школы и остался в кадрах Вооруженных Сил на командных должностях.

В тылу врага

Кто-то когда-то сказал, что человек – раб обстоятельств. Это очень удобная «теория» для тех, кто обычно предпочитает отдаться на волю волн или плыть по течению. Михаил Иванович блестяще доказал, что можно быть сильнее обстоятельств, что самую неблагоприятную ситуацию можно использовать с большой пользой для общего дела. Волею случая с первых дней Отечественной войны попав в окружение гитлеровских полчищ, он остался в глубоком тылу врага и посвятил себя партизанской борьбе. В начале 1942 года партизаны избрали его начальником объединенного штаба партизанских отрядов зоны Хинельских лесов, а осенью решением Политбюро ЦК КП(б) Украины он утвержден членом штаба партизанского движения на Сумщине. Наряду со штабной работой Михаил Иванович в то же время непосредственно командовал партизанским отрядом.

Это был первый и наиболее трудный период становления партизанской борьбы. Ступая на тропу войны, народные мстители многого не имели. Целый год даже не было связи с Большой землей. Отряд воевал на свой страх и риск, применяя тактику внезапных набегов на вражеские коммуникации и гарнизоны. Партизаны сначала предпочитали сражаться в границах своих районов, не удаляясь от родных хат. Этот период Михаил Иванович образно охарактеризовал «войной от тына до хаты». Он подробно освещен в его книге «Хинельские походы», которую Михаил

Иванович после войны писал семь лет. Книга выпущена Ленинградским, Киевским, и Военным издательствами.

...Солдат мужает в сражениях. Росло и воинское мастерство партизан, их движение охватывало все новые и новые районы, сотни и тысячи не покорившихся врагу советских людей вливались в ряды народных мстителей. В начале 1943 года ЦК КП(б) Украины назначил М. И. Наумова командовать соединением украинских партизан. Сформировав крупное конное соединение, Михаил Иванович совершил с ним три глубоких рейда по вражеским тылам.

Степной рейд

Предоставим слово самому Михаилу Ивановичу. Вот что он рассказал:

– Партизанские полководцы Ковпак и Сабуров получили задание: пойти на правобережную Украину и помочь развернуть народную войну после разгрома нашего подполья гестаповцами. Они вышли из Брянских лесов и форсировали Днепр у г. Лоева. А моему соединению задание было такое: тоже выйти на правый берег Днепра, но в южный, степной край.

Форсированием Днепра на 360 км южнее Киева (причем, без единого выстрела) мы развеяли гитлеровский миф о неприступности днепровских укреплений, которые фашисты считали чуть ли не новой линией Маннергейма или Зигфрида...

Степной рейд – это три тысячи километров боевого пути партизанской конницы по тылам врага. Цель рейда – прекратить движение вражеских эшелонов к фронту, помочь Советской Армии в подготовке операций по освобождению Харькова и Донбасса. В начале рейда мы сразу же нанесли диверсионный удар. Вырвавшись из лесов, внезапно накатились на врага и взорвали до десятка крупных железнодорожных мостов.

Мимоходом на шоссежных дорогах мы также организовывали ряд засад. В одной из них, например, с нашей стороны было применено до сотни пулеметов и несколько сотен автоматов. Ночью у дороги зарылись в снег и днем ударили в упор. Расстреливали фашистскую колонну с расстояния 50–80 метров. А позднее мы освободили две тысячи советских военнопленных. Об этом говорилось в передовой «Правды» за 7 марта 1943 года. В том же номере был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении братьям Игнатовым, Константину Заслонову, мне и другим звания Героя Советского Союза.

* * *

...Рейд проходил в трудных условиях, особенно весной, когда все ручейки превратились в реки. Об этом периоде войны Михаил Иванович написал книгу «Степной рейд». Следующий рейд, который провело партизанское соединение под командованием генерала Наумова, был на Киевщину. Он продолжался полгода. Партизанские отряды и соединения

участвовали в освобождении Киева с запада. Затем соединению Михаила Ивановича – новая задача: не соединяться с частями Советской Армии, а следовать по-прежнему впереди наших войск, громить тылы врага, нести правду в народ.

Партизаны отходили на запад, к старой границе, с боями. Кончились бронебойные патроны и снаряды, нужны были новые топографические карты. Боеприпасы можно было отнять у врага, но у него нельзя было взять шифродокументы для связи с Москвой. Из-за тумана не могли принять самолетов с Большой земли. Пришлось генералу Наумову посылать один крупный отряд с обозом в сто подвод с задачей прорвать фронт, сходить на освобожденную от оккупантов территорию и доставить на партизанскую базу все необходимое. И эта трудная задача была с честью выполнена. Только обратно отряду не пришлось уже прорываться к главным партизанским силам: они соединились с Советской Армией. Позднее соединение партизан Наумова, нагрузив двести подвод взрывчаткой, опять ушло в глубокий тыл врага, под город Люблин.

Михаил Иванович рассказывает:

– Там было негде прятаться: город, как говорится, на городе, село на селе, кружева дорог, тысячи препятствий... От Львова прошли в 15 километрах... Хотелось прорваться в Чехословакию, где была сильнейшая база сопротивления гитлеровским захватчикам. Чехословакия напоминала взрывной снаряд колоссальной силы. В стане врага, в оккупированной им Польше возникла паника: «Прорвалась десантная армия! Идет дикая дивизия! Спасайтесь!..»

...Этим третьим рейдом, в 1944 году закончилась боевая деятельность партизанского соединения, которым командовал Герой Советского Союза генерал Наумов. Это о нем западногерманский историк Герлицц в своей книге, которая переведена на все языки мира, пишет: «В феврале 1944 года 12 тысяч партизан генерала Наумова прорвались в Галицию. Длительное время эта группа действовала в истоках Буга и Стрия (Западного Буга). Принятыми мерами германскому командованию обезвредить ее не удалось... Рейд генерала Наумова является превосходным примером ведения оперативной партизанской войны»...

И сейчас на Западе все еще силятся понять, в чем секрет этого оперативного искусства, тщательно изучаются все партизанские ходы. После Великой Отечественной войны М. И. Наумов учился в Академии Генерального Штаба, затем продолжал службу в органах и войсках МГБ и МВД. 16 лет был депутатом Верховного Совета Украинской ССР, делегатом двух съездов партии.

Сейчас, закончив военную службу и выйдя в запас, Михаил Иванович посвятил себя общественной работе и литературному творчеству. Он – член Союза писателей, Центральной комиссии по партизанским делам, редколлегий многотомного труда по истории Великой Отечественной войны на Украине и журнала «Радуга».

Простые парни

Его боевые соратники ныне живут в Сибири и на Алтае, в Грузии и Армении, Осетии и Казахстане. Им, своим товарищам по оружию, генерал Наумов и посвящает свои книги, написанные и задуманные. Кроме изданных – «Хинельские походы» и «Степной рейд» – готовятся или сданы в печать «Западный рейд», «Через пропасть», сборник рассказов «Сухое болото».

* * *

Свое выступление Михаил Иванович закончил так:

– Я пишу то, что мне хорошо известно, и то, что бессмертно. А бессмертной является тема Великой Отечественной войны, самой справедливой из всех войн, самой героической. Эта война всколыхнула народные массы до самых глубин. Простые советские парни, волею судьбы оказавшиеся в тылу врага, не сложили оружия, а стали мастерами огня и штыкового удара, грозой для фашистов. Мои книги — это литературные памятники русским, армянским, украинским парням.

Эти слова, сказанные нашим гостем, можно полностью отнести и к нему самому, простому русскому парню из уральского села Большая Соснова, ставшему героем войны, генералом, писателем.

46. Коробейников, А. В труде, как в бою / А. Коробейников // Знамя труда. – 1967. – № 54. – 9 мая.

Плотник Александр Андреевич Ермаков в цехе появился задолго до начала работы. Как всегда, он тщательно подправил на точиле лезвие топора, подготовил вспомогательный инструмент и стал ждать товарищей по бригаде.

Подошли еще несколько человек, молодых и пожилых, сели на ящики, заговорили о том, о сем, а затем – кто и где воевал в Великую Отечественную войну.

Когда дошел черед до Ермакова, он рассказал о себе:

– Воевал на Ленинградском фронте, сначала в противотанковой артиллерии. Первый бой принял за населенный пункт Чернушки. Наша разведка обнаружила немецкий временный склад боеприпасов. Командир батареи поставил задачу перед командиром орудия и огневым расчетом, в котором я был наводчиком. Собрались вместе в окопе и стали обсуждать, как уничтожить склад. Решили: ночью оборудовать новую огневую позицию, подкатить пушку, замаскировать и ждать команды.

Утром навожу орудие на цель. Прицел... угломер... уровень... Все чин чинном. Наводка готова. Дают команду:

– Огонь!

Выстрел. Недолет. Исправляю прицел. Вторым снарядом попал в склад. Там сильный взрыв. Гитлеровцы всполошились. А наши пехотинцы, воспользовавшись этим, пошли в наступление и овладели населенным

пунктом Чернушки. Наш огневой расчет был представлен к наградам. 18 февраля 1942 года я получил свою первую медаль «За отвагу».

На этом фронте меня дважды ранило. После госпиталей снова вставал в строй. Затем довелось воевать наводчиком 152-миллиметровой гаубицы. В мае 1944 года гитлеровцы закрепились в одном населенном пункте, не давая нашим автоматчикам продвигаться вперед. Особенно усердствовали фашисты в одном кирпичном здании. Нашему оружию поставили задачу — уничтожить пулеметные точки и расчистить путь для наступления.

Мы ночью всем огневым взводом подтянули тяжелую гаубицу на прямую наводку, примерно на расстояние одного километра от населенного пункта. Подготовили огневую позицию, опять тщательно замаскировали ее и окопались. Ждем приказа.

Как только забрезжил рассвет, открыли огонь по огневым точкам противника и уничтожили их. Наши пехотинцы двинулись вперед, населенный пункт был освобожден. За этот бой правительство меня наградило орденом Красной Звезды.

Так рассказал о себе А. А. Ермаков, бывший младший сержант, участник Великой Отечественной войны, ныне рабочий Павловского машзавода. Давно отгремели оружейные раскаты. Бывалый солдат вернулся домой к мирному труду, по которому истосковались крепкие руки. Сейчас портрет А. А. Ермакова, ударника коммунистического труда, можно увидеть на центральной улице поселка среди портретов лучших людей.

А недавно его наградили Почетной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР. Много у Александра Андреевича Почетных грамот и благодарностей и от родного завода.

В сентябре этого года ветеран войны и труда выходит на заслуженный отдых. Вся его жизнь — яркий пример служения Родине.

47. Чазов, А. Ветераны границы рассказывают... / А. Чазов // Знамя труда. — 1967. — № 54. — 9 мая.

Клуб нашей части полон. В гости к воинам пришли ветераны границы. О славных боевых делах старшего поколения рассказывают они молодым воинам.

...Более 26 лет прослужил на границе офицер И. В. Редько. Начинал он нелегкий солдатский путь безусым юнцом. Сейчас у него седина на висках, а на груди много боевых наград. Его у нас знают как требовательного и чуткого командира передового подразделения, умелого воспитателя подчиненных. Он рассказал много интересного, особенно о напряженных пограничных буднях военных лет.

О еще более далеких годах вспоминает другой ветеран — офицер А. А. Соколов:

– Пограничники бдительно несли охрану государственных границ, с честью выполняли свои почетные задачи. За годы первых пятилеток молодого Советского государства воины в зеленых фуражках наголову разгромили более 20 банд. На участке погранотряда, где тогда служил А. Соколов, было задержано 15157 нарушителей границы, в том числе и шпионов, изъяты контрабанда и валюта на сумму 1 145 000 рублей.

В лесах и горах долгое время считалась неуловимой разбойничья банда Бойцова, крупного уголовного преступника. Однажды верхом на конях, под натиском атакующих пограничников, бандиты в панике отступили, надеясь скрыться за кордон. По пути они зверски замучили 20 коммунистов, но час расплаты пробил! Зажатые в кольцо, они яростно защищались.

– Вот один из бандитов, – продолжает далее рассказчик, – целится в командира, но из кустов сбоку раздался выстрел младшего сержанта Наумова. Он наповал сразил врага, спас жизнь своего командира...

Затаив дыхание, слушают пограничники живых участников давних боев – офицеров Л. И. Метельского, В. М. Голубева, старшину сверхсрочной службы Л. Е. Смирнова. И сегодня волнует молодых воинов история далеких пламенных лет!...

Воины-пограничники заверили ветеранов, что будут достойны высокого доверия и отличными успехами в службе встретят 50-летие Октября.

48. Тиунов, Я. В городе-герое / Я. Тиунов // Знамя труда. – 1967. – № 54. – 9 мая.

С первых дней Отечественной войны я был в железнодорожной бригаде. Нашей задачей являлось восстановление полотна железной дороги, ведущей к линии фронта, которую фашисты беспрестанно бомбили и разрушали.

В трудных условиях отступали мы из Эстонии. В октябре 1941 года бригада заняла оборону на окраине Ораниенбаума. Там меня тяжело ранило и контузило.

Раненых ночью погрузили на баржу и через Кронштадт отправили в Ленинград по разным госпиталям. Я попал на Петроградскую сторону.

Настало самое трудное время. Фашисты подошли к городу. Каждую ночь гитлеровские стервятники делали по 10-12 налетов, а днем улицы обстреливали немецкие бронепоезда и полевые батареи.

Нас, раненых, то и дело переносили на носилках в бомбоубежище. Но, несмотря на все трудности, врачи и санитары делали все, чтобы выходить нас и отправить в строй.

Вылечился и я. Как негодного к строевой службе, меня направили на Выборгскую сторону, в автосанроту. Весь водительский состав этой роты был нестроевым: израненные, покалеченные. Некоторые без посторонней помощи не могли за руль сесть. Но за баранкой сидели сутками, перевозя раненых.

При прорыве блокады командир автороты приказал все автомобили выбелить и ночью выехать на станцию за ранеными. Несмотря на сильный обстрел и бомбежки фашистов, мы задание выполнили. Я за эти рейсы был награжден медалью «За отвагу».

Во время дальнейшего наступления наших войск я попал на пополнение в прославленную 8-ю гвардейскую Панфиловскую дивизию. С ней я и встретил День Победы.

49. Носкова, В. Наши руки не знали устали / В. Носкова // Знамя труда. – 1967. – № 54. – 9 мая.

Девчонкой, после семилетки, пришла я летом сорок второго в механический цех Очерского машзавода. Работали тут в основном вчерашние школьники и выпускники ремесленного училища. Мне они все показались очень серьезными и страшно опытными. Каждый проворно орудовал на своем станке, почти не глядя, находил нужные рычаги и кнопки... Возле каждого — штабеля деталей. Засомневалась сразу же: смогу ли так?

Мне сказали:

– Слесарем будешь.

И дали на зачистку пустотелые отливки в форме толстой короткой сигары.

– Мины, – говорят.

Посмотрела, как соседи мои зажимают мины в тисы, как напильник в руках держат, и взялась за первую в моей жизни деталь.

Через месяц поставили к токарному станку. Учил сам мастер. Закрепив в патроне что-то вроде железной вертушки, он объяснил:

– Это стабилизатор, чтобы мина во время полета не кувыркалась. Наша с тобой задача: здесь пройтись резцом, тут нарезать резьбу... Делать будем вот так... А теперь попытайся ты.

Мастер простоял рядом, потом еще раз показал, успокоил как мог, и ушел по другим делам. На ходу добавил:

– Норма 300 штук в смену.

Конечно, на первых порах до нормы далеко не удавалось вытянуть. Мы, подростки, работали по шесть часов, но вместе со взрослыми часто задерживались после смены зачищать корпуса мин. В короткий обеденный перерыв цеховая молодежь собиралась веселой стайкой, пела песни и плясала, забывая об усталости. Постоянным нашим спутником на «перекурах» была гармошка. Часто устраивали совместные вечера отдыха.

И потом, когда нам вскоре исполнилось по шестнадцать лет и мы стали работать наравне со взрослыми по 12 часов да еще оставаться после смены дополнительно, нашей кипучей энергии отнюдь не убавилось. Настроение всегда держалось на высшем уровне. Мы знали, что выполняем самое важное дело — готовим оружие для победы над врагом. Мины, изготовленные нашими руками, полетят в фашистов. Повышали

настроение и сводки Совинформбюро, которые мы слушали ежедневно. Шло наступление наших войск по всем фронтам.

9 мая 1945 года не забудется. Я работала в ночную смену, и утром мы узнали, что пришла долгожданная Победа, в которой была частичка и нашего труда. Радость не описать! В общем, до митинга мы в цехе все успели перецеловаться...

50. П. Т. Соромотин : [некролог] // Голос новатора. – 1967. – № 24. – 10 июня.

Ушел из жизни замечательный человек, коммунист, участник Великой Отечественной войны, прекрасный производственник и добрый семьянин Павел Терентьевич Соромотин. Он умер после тяжелой и продолжительной болезни в расцвете сил, в возрасте 43 лет.

Его трудовая деятельность началась после окончания 9 классов средней школы в 1942 году со службы в Советской Армии. Окончив военное училище противотанковой артиллерии, получив звание офицера, он прибыл на Первый Белорусский фронт в Краснознаменный истребительный артиллерийский полк. В составе 40-й отдельной Краснознаменной, Рогачевско-Берлинской, орденов Суворова и Кутузова истребительно-противотанковой артиллерийской бригады Резерва Главного Командования офицер Павел Терентьевич Соромотин защищал Москву, освобождал Варшаву, брал Берлин, штурмовал рейхстаг. За боевые подвиги отважный артиллерист награжден орденом Красного Знамени, орденом Богдана Хмельницкого III степени, орденом «Красная Звезда», медалями «За отвагу», «За поведение над Германией», «За взятие Берлина», «За освобождение Варшавы», «XX лет победы над Германией».

На Очергком машзавде Павел Терентьевич Соромотин работал с 1947 года после демобилизации из армии. Был активным коммунистом, неоднократно избирался членом парткома, был выдвинут на партийную работу – инструктором Очерского райкома партии, затем снова вернулся на завод, где продолжал работать разметчиком в механическом цехе.

П. Т. Соромотин был преданным делу Ленинской партии, принципиальным и честным ее бойцом, воспитателем молодежи. Светлая память о Павле Терентьевиче Соромотине надолго сохранится в сердцах всех коммунистов завода и всех тех, кто его знал.

51. Рязанов, Н. Военный билет / Н. Рязанов // Знамя труда. – 1967. – № 72. – 20 июня.

Он остался на руках своего владельца, этот военный билет в красном переплете, хотя в нем дважды припечатан штамп: «Исключен с воинского учета за достижением предельного возраста».

Пятьдесят семь... Вряд ли уже придется воевать, и военный билет больше не потребуется. Просто он остался, как память о ратном труде в суровые годы войны.

Скупые строчки рассказывают о прохождении военной службы, о ранениях и наградах. Лаконичные записи помогают вспомнить и то, что осталось за маленькими страничками красной книжицы. Молотобоец и кузнец в МТС села Черновского... Шофер Черновского райкома партии... Оттуда и ушел на фронт в сорок первом. Был первым номером у станкового пулемета, злым свинцовым градом по врагу до последней возможности прикрывал отступающих товарищей, а потом и сам отходил, стиснув зубы. Ранение... Госпиталь...

Обстрелянного бойца, шофера по «гражданке», Аркадия Варова направили по назначению — «крутить баранку». И не куда-нибудь, а в дивизион гвардейских минометов, которые уже обрели к тому времени громкую славу, ласковое название «Катюши» и заставляли трепетать фашистов.

А вот графа в военном билете: «Правительственные награды». По ним тоже можно проследить боевой путь фронтовика: медали — «За оборону Сталинграда», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина». И орден Красного Знамени, врученный в феврале 1943 года. Варов первый в своем полку получил эту высокую награду при завершении великой битвы на Волге.

О пройденном боевом пути напоминают и шрамы. Их у Варова пять: четыре на обеих ногах и руках, пятый на лице. Все ранения были не тяжелыми, месяц в госпитале при своей части — и снова за баранку. А при последнем ранении даже сам себе осколок вытащил. Здорово повезло фронтовому шоферу: маленький осколок попал точно между глаз, в самую переносицу, и вонзился неглубоко. Ну и землей не раз засыпало — на войне не без этого.

За что же получил орден Красного Знамени?

Дело было еще летом 1942 года. Дивизион «Катюш» помогал пехоте остановить фашистов, рвущихся к Сталинграду. Огневые позиции оказались на совершенно открытом месте. Но гвардейским минометам это не в диковинку. Их всегда спасала высокая маневренность. Дадут залп и исчезают.

Установки заработали, как добрые мельницы, перемалывая наступавших гитлеровцев. Реактивные снаряды со скрежетом срывались с направляющих, хвостатыми кометами уносились ввысь и обрушивались на врага. Там горело все: земля, металл, а фашисты корчились в ужасе.

Не успели умчаться последние снаряды, как в небе появились немецкие бомбардировщики. При первых же взрывах бомб, ранило командира батареи и трех водителей. Чтобы сбересть людей, комиссар Вальченко скомандовал:

— Всем в укрытие!

Расчёты спрятались в щели, а шофер Варов немного замешкался. Вскоре последовала новая команда:

— Установки в укрытие!

Уводить, кроме Варова, некому, тут он и пригодился!

Бомбы рвут воздух в куски, страшный вой, свист и грохот вокруг, а уральский шофер Аркадий Варов, петляя, бежит к первой установке, падает, вскакивает и, сделав несколько шагов, снова вжимается в землю, когда вой очередной бомбы становится невыносимым.

Последний прыжок, и Варов – в кабине. Он запускает мотор, включает скорость и в черном дыму, среди разрывов мчится туда, где за ложком, в полукилометре было более укромное место.

Выскочив почти на ходу, он снова бросается в самое пекло и выводит вторую машину. Так повторилось трижды. Подбегая к четвертой установке, Варов солдатским чутьем понял, что сейчас должно рвануть совсем близко. Услышав душераздирающий вой, он нырнул головой под машину.

Бомба упала в 30-ти метрах, осколки вонзились в ноги, распорол и два ската, но сама установка не пострадала, и после бомбежки выпустила по врагу оставшиеся снаряды. А Варов снова попал в госпиталь и, как всегда, ненадолго.

Многое еще может вспомнить Аркадий Иванович, если возьмет в руки военный билет. Как однажды в Берлине он заблудился и, к тому же, как на грех, кончился бензин: как его разыскивали товарищи и нашли: как он потом дошел до Эльбы; каким банкетом его встретили после победы в Черновском райкоме партии.

Оказывается, много хранит память, если дать ей хотя бы слабый толчок. Из ее недр всплывают все новые и новые детали.

Десять лет А. И. Варов был шофером Очерского машзавода, а сейчас девятый год работает выбивальщиком в литейном.

Вот что помогла узнать и вспомнить маленькая красная книжечка — военный билет рядового Варова.

52. Рязанов, Н. Морская душа / Н. Рязанов // Знамя труда. – 1967. – № 89. – 29 июля.

30 лет назад

Шел 1937 год. Японские милитаристы, прощупывая наши силы, открыли военные действия у озера Хасан. Военные моряки тоже принимали участие в разгроме агрессора. Боевые корабли днем и ночью патрулировали вдоль побережья, береговая оборона ощетилилась в сторону моря жерлами мощных орудий.

Владимир Бояршинов служил тогда на Тихоокеанском флоте артиллерийским электриком, хорошо нес свою службу и понюхал пороху, был ранен.

В те же годы он впервые с товарищами торжественно отметил установленный тогда День Военно-Морского Флота и получил нагрудный знак отличника ВМФ. Говорят, что выпущено было этих значков до Отечественной войны всего 800 штук. В той части, где служил Владимир,

дали только двоим. На серебряном овале – развернутый белый с голубой полоской флаг и крейсер, стремительно режущий волны.

В наши дни довоенный значок «Отличник Военно-Морского Флота» стал большой редкостью. Владимир Бояршинов носит его в течение 30 лет.

Первый московский особый

Всего три месяца поработал на Закамской ТЭЦ демобилизованный в начале 1941 года главстаршина комсомолец В. Бояршинов. Грянула Великая Отечественная война, и он не стал ждать повестки, а ушел в армию добровольцем.

Пермь, Камышлов, Рязань... В Рязани пять бывших моряков – четверо из Пермской области, один ленинградский – сказали начальству:

– Отправляйте нас в Московский флотский экипаж.

И вот на четвертом месяце войны они впервые почувствовали себя почти в своей тарелке: формировался Первый Московский особый отряд моряков.

Зачисленные в отряд с большим удовольствием сняли непривычное армейское обмундирование и облачились в полную морскую форму.

Первый Московский особый чеканным шагом прошел на параде 7 ноября 1941 года. Сразу после парада Красную площадь запрудили большие автобусы. Моряки сели в них и, отъехав от столицы на 35 километров к югу, высадились на станции Кокошкино.

Всю зиму они воевали в морской форме, применяя лишь маскировочные халаты, а весной поняли, что на суше так одеваться не стоит, и без всякого принуждения надели зеленое армейское обмундирование. Потом краснофлотцы влились в части обычной пехоты, но и тогда им были три привилегии: в строю откликаться не по-пехотному «я», а «есть», разрешалось не застегивать воротник солдатской гимнастерки, чтобы виднелась тельняшка, носить прическу (всех рядовых других родов войск стригли наголо).

Владимир Бояршинов был и автоматчиком, и разведчиком, и оружейником, и радистом. Он мог проползти в траншее противника за «языком» и под вражеским огнем починить отказавший пулемет.

Почем фунт лиха?

Шесть зимних месяцев 1942 года бригада сражалась на Калининском фронте, у озера Селигер. С ходу брали одну деревню за другой. В атаки ходили с традиционным кличем «Полундра!», и фашисты не выдерживали натиска «черных дьяволов».

Но вот наше наступление приостановилось. Полгода моряки стояли под деревней Хахели, занятой гитлеровцами. Зимой жили в шалашах из еловых веток: в болотистой почве нельзя даже было выкопать землянку. Голодали весной, отрезанные от своих баз бездорожьем. С самолетов им сбрасывали мешки с сухарями, консервы, боеприпасы. Обросшие щетиной, оборванные, полуголодные, моряки выдержали много контратак

противника, не отступив ни на шаг. Они мертвой хваткой вцепились в болото, в лес, где стояли, потому что это была своя родная земля. Но и потери моряков были огромны. Из батальона, в котором насчитывалось 800 человек, к весне осталось 63. У Селигера погиб земляк Бояршинова Николай Мишланов, с которым Володя был знаком в Очере, а в войну встретился в Московском флотском экипаже. Всю зиму Николай был удачливым разведчиком, натаскал много «языков»... Весной над его могилой поставили скромную деревянную пирамидку.

– Так тяжело и столько потерь у нас не было за всю войну, – вспоминает Владимир Федорович. – Хлебнули мы там горя по самую макушку.

Семнадцать дней довелось воевать Бояршинову и в степях под Сталинградом. Здесь его тяжело контузило. Он сменил 11 госпиталей, пока вылезился. В сражении на подступах к Волге погиб, как рассказывали очевидцы Володе, еще один боевой товарищ — земляк Саша Безгодов, из Нытвы. Он тоже был моряком, и с первых дней войны, с Закамска, шел бок о бок с Бояршиновым.

Только на переломе войны вырвались моряки поближе к родной стихии: они защищали Ленинград, потом пошли на Кенигсберг, где встретили и Первое Мая, и День Победы.

И на тихом океане...

– Братцы, едем в лагеря под Москву! – пронесся слух, когда грузились в эшелоны.

Приехали на... Забайкальский фронт. И пока дошли до Порт-Артура и вновь увидели Тихий океан, еще многих не досчитались. Старший лейтенант Самсонов, командир батальона связи, где последнее время служил радистом Владимир Бояршинов, в сентябре 1945 года уезжал в академию. Прощаясь с боевыми товарищами, он спросил перед строем:

– Кто из вас с первого дня формирования батальона связи в 1942 году?

Из строя вышло восемь человек, а при формировании батальон насчитывал 200.

Бояршинов на флоте до войны был главстаршиной, но, воюя на непривычной сперва суше, снова начал с рядового и дошел до мичмана. Награжден девятью орденами и медалями.

Друзья-однополчане

Десять лет отдал военной службе Владимир Федорович. За это время рядом всегда было много хороших друзей. Дружба, скрепленная кровью, остается вечной. Держит он тесную связь с фронтовыми друзьями. В его записной книжке много адресов. В Перми однажды встретил Евгения Большина, бывшего механика-дизелиста подводной лодки, ныне проживающего в Заозерье; через 21 год встретил в областном центре бывшего старлейта Г. Л. Фонкаца, ныне директора бытового комбината в

Гремячинске. Гостил в Ленинграде у В. И. Баранова, который тоже прошел до Сталинграда плечо к плечу с Бояршиновым. В новогодней поздравительной телеграмме в 1966 году Гриша Фонкац обратился так: «Мичману Бояршинову»... В Очере сейчас живет А. А. Маринкин, также воевавший в особом отряде моряков.

У коммуниста, моряка в прошлом, ныне начальника энергосилового цеха Очерского машзавода В. Бояршинова, кроме неистребимой любви к морю, есть еще одна страсть – туризм. Владимир Федорович дважды переваливал Уральский хребет в северной его части, столько же раз спускался на плотках по Вишере. Пересекая Северный Урал, 8 суток шли впятером по безлюдной тайге по компасу, и каждый нес за спиной по 40 кг. походного снаряжения: палатку, спальный мешок, продукты на 15 дней и пр.

Нынче в сентябре он также собирается с группой товарищей в семейный туристический поход, на этот раз – в Крым.

– Хочу пожить на Ай-Петри между двух миров: внизу огни Ялты, вверху звезды, – говорит Владимир Федорович.

И еще есть у него одна мечта:

– Обязательно съезжу к озеру Селигер, посмотрю деревню Хахели. Там ведь много хороших ребят полегло. Может, чем смогу помочь тамошним пионерам.

53. Награды находят героев // Голос новатора. – 1967. – № 35. – 1 сентября.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 июня 1967 года за боевые отличия в боях с немецко-фашистскими захватчиками в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов награждены солдаты, сержанты, старшины и офицеры, состоящие в запасе и в отставке. Среди награжденных большая группа ветеранов Великой Отечественной войны нашего завода.

Орденом ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ВТОРОЙ СТЕПЕНИ:

Бурдин Василий Федорович – слесарь инструментального цеха

Планов Евгений Иванович – бывший рабочий завода.

Орденом КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ

Каменских Константин Захарович – мастер конного двора,

Логинов Николай Михайлович – рабочий сборочного цеха.

Ягодин Герман Михайлович – слесарь сборочного цеха.

Медалью «ЗА ОТВАГУ»

Бурдин Анатолий Александрович – старший инженер по охране труда и технике безопасности,

Кадочников Иван Андреевич – лесарь гаража,

Новиков Дмитрий Андреевич – бывший мастер деревообделочного цеха,

Путин Павел Лукич – контролер ОТК,

Сальников Александр Федорович – машинист молота кузнечного цеха,
Смолин Александр Петрович – рабочий ремонтно-строительного цеха,
Тихонов Николай Иванович – рабочий АХО.
Медалью «ЗА БОЕВЫЕ ЗАСЛУГИ»
Вяткин Алексей Федорович – штамповщик цеха металлоконструкций,
Плотников Александр Павлович – шофер,
Смирнов Анатолий Александрович – ремонтный слесарь механического цеха.

54. Грахов, В. Белогвардейский произвол в Очере / В. Грахов // Голос новатора. – 1967. – № 35. – 1 сентября.

Это было в феврале 1919 года. Очер от колчаковцев оборонял семеновскими полк, в котором было две полевые батареи и пять станковых пулеметов. Линия обороны проходила на восточной стороне поселка. Одна батарея стояла в саду на Мызе, а другая около дороги на Б. Соснову. На угорах выше деревень Низовской и Скакунов было установлено три станковых пулемета.

Несмотря на готовность огнем встретить противника, Очер был взят белыми почти без боя, так как враг обошел позиции очерцев с флангов. Во время ночного наступления белые по Очеру дали всего три артиллерийских залпа. Перные колчаковские разведчики в поселке появились в 5 часов утра, в это же время наши части отступили вверх по пруду через Травную. Несколько человек попало в плен, в том числе П. С. Зеленин и Соромотин. После многочисленных пыток они были расстреляны между деревнями Низовской и Скакунами.

На заречной стороне Очера разместились два отряда штаба белых. Одно отделение в доме по улице К. Маркса у Е. В. Томиловой, другое по этой же улице в доме Н. А. Бояршинова. В этом доме допрашиваемых пороли розгами.

На другой же день после взятия Очера белые учинили расправу. Они разыскивали коммунистов, активистов комитетов бедноты. Моя мать была членом комитета бедноты. Старший брат ушел добровольцем в Красную Армию. Вот из-за этого и начались наши беды. Мне в то время было всего 9 лет.

Через три дня в десять часов утра к нам пришли три солдата с офицером. Мы вначале подумали, что солдат расставляют по квартирам, но дело повернулось по другому.

– Ты Грахова Таисья Васильевна? – спрашивает офицер.

– Ну, я, – ответила мать.

– Ты коммунистка?

– Никогда в коммунистах не была.

Врешь! Мы все знаем, на допросе все скажешь! Приказываю сдать оружие! Никакого оружия у нас нет.

– Обыскать! – приказал офицер солдатам.

Начался обыск. Солдаты все перерыли, подушки искололи штыками и вот за ящиком нашли штык от винтовки. Его при отступлении второпях оставил один красноармеец.

– А это что, палка? – заорал офицер. – Штык есть, значит, и винтовка есть.

Мать им объяснила, что штык случайно оставили при отступлении красноармейцы. Офицер не поверил и приказал идти на допрос.

Когда мать увели, братишка и сестренка заплакали. Я, как самый старшин, стал прибираться в комнате после обыска. Целый день мы не знали, что с нашей матерью. Только в девять часов вечера мать со стоном зашла и упала на кровать. Спина у нее была в крови. Всю ночь она простонала, и я всю ночь не мог заснуть. На другой день мать рассказала, что били розгами.

Через пять дней опять к нам пришли с обыском, опять все перевернули. На этот раз на допрос повели меня и сестренку. Привели нас в отделение штаба, где сидел за столом рыжий генерал, а около него стоял щеголеватый адъютант с хлыстом в руках. На столе лежали пистолет, папиросы, коробка с шоколадом

– Как фамилия? — спрашивает генерал.

– Граховы, – ответил я.

– Скажи, мальчик, брата ты давно не видел.

– У меня никакого брата нет.

– А дома ты винтовки или пистолета не видел?

– Нет, – ответил я.

– А откуда у вас взялся штык?

Я объяснил как произошло.

Потом он расспрашивал о матери. Часто ли она ходила ша собрания. Раскрывая коробку с шоколадом, генерал говорит:

– Не запцрайтесь, расскажите, что ваш брат ушел добровольцем в Красную Армию, что у вас винтовка есть, и мы вас отпустим к маме.

Мы с сестренкой от шоколада отказались и сказали, что о брате мы ничего не знаем и, что у нас нет никакого оружия.

Генерал рассвирепел и стал угрожать пистолетом. Сестренка заплакала. Нас вытолкнули на улицу.

После этого допроса у нас еще раз делали обыск, еще раз мать водили на допрос, снова ей дали 25 розг, после которых она прожила недолго.

55. Г. И. Пигалев [некролог] / Голос новатора. – 1967. – № 35. – 1 сентября.

30 августа после тяжелой и продолжительной болезни скончался старейший работник завода. коммунист Пигалев Григорий Иванович.

Пигалев Г. И. родился в 1899 году. Трудовую деятельность начал с 1915 года на Лысьвенском металлургическом заводе. После Октябрьской революции пошел добровольцем в ряды Красной Армии и участвовал в разгроме Колчака. В 1924–1925 годах работал на Павловском заводе вначале табельщиком, потом счетоводом. С 1925 года работал на Очерском заводе счетоводом, а с 1929 по 1940 год главным бухгалтером. В 1941 году работал кредитным инспектором Очерского отделения госбанка, затем заведующим райсберкассой.

В 1942 году был призван в армию и участвовал в войне против немецко-фашистских захватчиков. После контузии на фронте вернулся в родные места и работал вначале на Павловском заводе, потом на Очерском вплоть до выхода на пенсию в 1959 году.

За время работы Пигалев Г. И. показал себя добросовестным работником, имеет много почетных грамот и благодарностей.

Память о Пигалеве Г. И. будет вечно жить в наших сердцах.

56. Рязанов, Н. Гвардии полковник / Н. Рязанов // Знамя труда. – 1967. – № 107. – 9 сентября.

Танк словно сквозь землю провалился. Он только что был на виду, вместе с другими стремительно шел в атаку, выбрасывая из-под гусениц комья черной земли, круто маневрировал, стараясь не попасть «на мушку» вражескому наводчику. Лишь около деревушки Т-34 на мгновение остановился, грозно повел орудием, потом вздрогнул от выстрела и снова рванулся вперед, подмяв изгородь. И тут неожиданно исчез с глаз, пропал на ровной местности, самым непонятным образом, не дойдя до крайних домов деревни.

– Сижу в яме, – лаконично доложил по рации командир танка.

– Ваше решение? – спросили с командного пункта.

– Продолжаю огонь.

– Боекомплект?

– Почти полный.

– Действуйте!

Внезапно ухнув в потребную яму, из которой не просто было выбраться, тридцатьчетверка волею военной судьбы стала маленькой неприступной крепостью с гарнизоном из четырех человек. Экипаж сразу же приспособился к новой обстановке, когда убедился, что башня может по-прежнему вращаться кругом, а пушка – стрелять.

Поразить эту новую «долговременную огневую точку» врагу оказалось не по зубам: на поверхности земли оставался лишь покатый лоб башни — попробуй попасть! А танк продолжал воевать, и экипажу по-прежнему хватало работы. Командир выбирал цели: вражескую батарею или танк с желтым крестом на боку, стрелок метко посылал снаряд за снарядом, радист держал связь с командованием. Только механику-водителю нечего было делать. Он опробовал мотор, оказавшийся в полном порядке, заглушил и стал ждать дальнейшего приказа.

Оно последовало через несколько часов: лейтенант велел запустить двигатель для подзарядки аккумуляторов и пояснил, не отрываясь от наблюдения за противником:

– Беречь надо казенное имущество, новое не скоро получишь.

Трое суток сражался в неподвижном танке его героический экипаж, и во вражеском стане не досчитались многого из своей техники. А потом освобожденная из земляного плена тридцатьчетверка снова ринулась в бой. Бойцы получили высокие награды, командир танка – звание Героя.

Однажды наш танк стал... «быком», единственной опорой для моста. При наступлении потребовалось быстро переправить танковое подразделение через речушку, один берег которой был высоким, а другой – болотистым. И вот на одном из танков появилось странное сооружение – нужной длины мостовой пролет. Танк, поддерживая тросами, спустили с обрыва, а потом он пошел своим ходом и когда остановился на середине речки, концы моста легли на берега. При этом экипаж оказался почти наполовину залитым водой и старался не замечать, как вода внутри танка поднимается все выше: под тяжестью проходящих по импровизированному мосту мощных КВ и Т-34 «бык» все больше вдавливался в илистое дно. К концу переправы танкисты–«подводники» сидели в воде по самую шею, но машину не покинули. За солдатскую смекалку и мужество они также были представлены к орденам.

Разволновался от воспоминаний Константин Владимирович и чаще обычного отправляет в нос очередную порцию душистого нюхательного табаку... Курить давно бросил: сердце... Лидия Георгиевна сначала только смотрит на мужа укоризненно, а потом не выдерживает и делает строгое внушение за каждую понюшку. Изредка Лидия Георгиевна дополняет рассказ супруга, ей тоже есть что вспомнить: война застала ее в Харькове, куда тридцатипятилетний капитан Россомагин, окончивший в мае 1941 года академию им. Фрунзе, прошедший боевую практику в Финскую кампанию, был назначен начальником курсов усовершенствования командного и технического состава бронетанковых войск.

В этих войсках Константин Владимирович прошел всю армейскую службу в течение 26 лет. В 1932 году с отличием окончил бронетанковое училище и остался в нем преподавателем. Затем — академия, куда в то время на одно место поступало десять желающих. Всю Отечественную провел в танковых соединениях на Брянском, Западном, Калининском фронтах и закончил войну начальником оперативного отдела бронетанковых войск штаба Ленинградского фронта, которым командовал маршал Говоров.

ЧТО такое оперативный отдел штаба фронта? Это – напряженная, днем и ночью, работа по подготовке боя, движению и размещению воинских соединений. Это – работа среди населения в освобожденных районах, куда еще не успела дойти гражданская власть. Оперативный отдел – святая святых штаба.

Принимая документацию капитулировавшей в Прибалтике в мае сорок пятого группы гитлеровских армий «Север» во главе с ее начальником штаба генерал-лейтенантом Фриче, оперативный отдел больше всего интересовался картами немецких минных полей в Ленинградской и Псковской областях. Начиналась мирная жизнь, и советская земля должна быть чистой, чтобы ее безопасно было пахать, строить на ней заводы, города, рабочие поселки. Но гитлеровцы сожгли карты. Советские воины сумели в короткий срок разминировать немецкие минные поля и без карт.

А немного раньше, когда в Берлине еще шли бои, большая группа высших офицеров, в том числе и Россомагин, на нескольких десятках автомашин из Прибалтики приехала в штаб маршала Жукова. Задача была: в случае необходимости быстро заменить высший командный состав, чтобы не задержать окончательной победы ни на одну минуту.

Заменять никого не пришлось, офицеров отправили обратно, а путь был неблизкий, пролегал он через Восточную Пруссию, где еще бродили несдавшиеся гитлеровские войска.

После войны гвардии полковник Россомагин служил в Закавказье, потом – в Германии. Там он занимал должность начальника отдела боевой подготовки войск 3-ей гвардейской танковой армии, которой командовал маршал Рыбалко.

Затем – снова учеба, на этот раз – в академии Генерального штаба, но после двух курсов инфаркт сердца на целый год вывел Россомагина из строя. Немного поправившись, он вышел в отставку и вернулся в Очер, где протекала его не менее боевая юность.

Костя Россомагин – комсомолец 20-года, член райкома ВЛКСМ многих составов и член первого состава заводского комитета комсомола. Работая на Очерском заводе фрезеровщиком и слесарем инструментального цеха, Костя был и бойцом 2-ой роты ЧОН, в которой воевал с кулачем, тушил лесные пожары, сопровождал обозы с хлебом, ловил самогонщиков. В то же время Костя был председателем правления клуба и разъезжал по деревням с концертами художественной самодеятельности.

Наряду с этим он упорно учился, экстерном сдал экзамены за школу второй ступени; в числе парттысячи, уже имея двухлетний стаж коммуниста, в 1929 году послан в Московскую горную академию, но окончить ее не пришлось: после двух лет учебы Россомагина по партийной мобилизации направили в военное училище.

Большая, кипучая жизнь за плечами Константина Владимировича. В юности с первых лет Советской власти стал он бойцом переднего края, первым в работе, учебе, защите Отечества. Это о нем и его сверстниках сложена хорошая песня «Комсомольцы двадцатого года».

57. Грахов, В. Последние дни белогвардейщины / В. Грахов // Голос новатора. – 1967. – № 37. – 15 сентября.

Я уже писал о белогвардейском произволе в Очере, о том, как пороли розгами мою мать. В то время пороли всех, у кого мужа были в Красной Армии. Издевались над Р. П. Чудиновой, К. Ф. Луневой, П. Потаниной и другими женщинами. Произвол продолжался до тех пор, пока белые не были выгнаны из Очера.

Мне хорошо запомнился еще ряд эпизодов, о которых хочется рассказать. После допросов меня с сестренкой и издевательствах над матерью к нам в дом вселили семь солдат. Они жили у нас две недели. В порядке мести я решил разрядить патроны у солдат. Сумки с патронами висели на заборке у печки. Заберусь я туда и тихонько патрон за патроном, разряжал – высыпал порох, а пулю вставлял обратно. Так я разрядил около двухсот патронов. Вскоре полк отправили на Вятский фронт и не знаю, догадались ли солдаты о моей проделке. Но когда узнала мать, обнаружив порох, дала мне хорошую взбучку. В середине июня началось наступление Красной Армии. Колчаковцы начали копать окопы с юго-западной стороны Очера. Для этого они привлекли местных жителей. Оборона была проложена по своду косогоров дальнего лога полукольцом. Батарейных околов было вырыто семь, шесть из них в покосах и один у деревни Зайчики в саду, где теперь инкубаторная станция. Но со стремительным наступлением Красной Армии, белогвардейцы не успели поставить батареи в окопы. Эти окопы до сих пор сохранились.

Приведу еще один эпизод. В тот день, когда белые бежали из Очера, мы с другом А. Бояршиновым были в дальнем логу. Это было наше любимое место по сбору земляники. Здесь по дороге беспрерывно двигались воинские части. Набрав ягод, мы направились домой. Только вышли на дорогу, нас забрали белогвардейцы и доставили в штаб, сказали, что нас поймали в объекте обороны, возможно, разведчики. Но в штабе была ужасная спешка. Все время, пока мы там сидели, звонил телефон, отдавались срочные приказы об эвакуации. Так мы просидели с полчаса. Потом старший дежурный приказал патрулю, стоящему у входа, закрыть нас в амбар.

Нас в амбаре закрыли на замок. Освоившись в потемках, я предложил своему другу бежать. Я знал, что в амбаре одна половица поднимается. Мы ее подняли и ползком под полом пробрались к деревянной стенке, здесь в земле вырыли проход и выбрались в огород. Благополучно добрались до дому в двенадцатом часу ночи. Матери нас уже потеряли. Не успев еще все рассказать, что с нами произошло, начался артиллерийский обстрел Очера со стороны Красной Армии, а в 3 часа разведчики красных уже были в Очере. Я помню, как мать их напоила, лошадям дала свежей травы, накошенной в огороде.

Так закончился белогвардейский произвол в Очере

58. Великая Отечественная : страницы истории нашего города // Голос новатора. – 1968. – № 4. – 25 января.

22 июня 1941 года. 4 часа по среднеевропейскому времени. На землю нашей Великой Родины упали первые бомбы фашистов. Без объявления войны германские войска напали на нашу страну.

За Родину, за свободу и счастье, добытые в Октябрьских боях, за ее прошлое и настоящее, за землю отцов и дедов, мечтавших о расцвете страны Ленина, за матерей, давших жизнь, за своих детей, за будущее без войн и насилия, за коммунизм сражался и умирал, вновь и вновь вставал советский солдат. Эстафету мужества очерских мастеровых приняло новое поколение рабочих.

Только в первые дни с завода ушло на фронт 285 человек. Многие и многие воины-очерцы пали смертью храбрых. Тыл в эту тяжелую годину для страны жил одной жизнью с фронтом. Ибо это была война не армии, а всего народа.

Тыл работал напряженно, стиснув зубы. Людей не хватало. Седые пенсионеры, мальчишки и девчонки, женщины встали к станкам. итобы заменить отцов, мужей и братьев.

Первые месяцы Великой Отечественной войны завод был переоборудован на выпуск продукции для фронта. В короткий срок установили и пустили в действие большое количество станков и оборудования, эвакуированного с украинских заводов. Технологи и конструкторы создали и внедрили специальные машины для кокильной отливки деталей боеприпасов. Опыт завода был передан другим заводам Урала.

Производство совершенствовали. Создали станки-комбайны с приспособлениями, позволяющими выполнять одновременно несколько операций за одну установку детали, был смонтирован конвейер для сборки изделий. Завод работал ритмично по суточному графику.

Труд коллектива завода в военные годы был высоко оценен партией и правительством. За успешное выполнение заданий Госкомитета обороны по выпуску боеприпасов Указами Президиума Верховного Совета СССР была награждена орденами и медалями большая группа рабочих и ИТР завода.

Среди них бывший директор завода Н. А. Крылов, получивший орден Красного Знамени, главный инженер завода И. Г. Сирак – орден Красной Звезды. Орденом «Знак Почета» награждены начальник механического цеха А. А. Рязанов, главный конструктор завода Л. П. Головачев, газосварщик Е. С. Федосеев. Формовщик П. М. Шардаков, токарь А. В. Седов, мастер А. И. Медведева награждены медалью «За трудовую доблесть». Старший конструктор М. Л. Насонов, формовщики

И. А. Соромотин и О. У. Всемогущая, токарь А. Н. Соромотин – медалью «За трудовое отличие».

Свыше 800 рабочих, ИТР и служащих награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

59. Кобелев С. Наша боевая школа / С. Кобелев // Голос новатора. – 1968. – № 8. – 23 февраля.

15 января 1918 года Совет Народных Комиссаров принял декрет о создании Рабоче-Крестьянской Красной Армии, 11 февраля того же года был принят декрет об организации Рабоче-Крестьянского Флота. Днем рождения наших Вооруженных Сил принято считать 23 февраля, когда молодая Красная Армия нанесла по врагам революции свой первый сокрушительный удар под Нарвой и Псковом.

Наша Армия и Флот создавались под непосредственным руководством В. И. Ленина. Владимир Ильич сам редактировал декрет об организации РККА, вел огромную работу по организации воинских частей, направлял для руководства армией выдающихся деятелей партии. В труднейших условиях гражданской войны и борьбы с интервенцией партии удалось создать свою армию в пять миллионов триста тысяч человек.

В армии находилось 300 тысяч коммунистов, в то время это – половина всего состава партии. Сегодня наши славные Армия и Флот отмечают свое 50-летие. Неувядаемой славой покрыли себя Вооруженные Силы Родины Октября.

Разгромив внутреннюю контрреволюцию и интервенцию империалистических хищников, отбив все наскоки врага в последующие годы, наша Армия и наш Флот мужественно и стойко вынесли тягчайшие испытания в годы Великой Отечественной войны, разгромив Фашистские орды гитлеровской Германии.

Сегодня Советские Вооруженные Силы – передовые в мире Армия и Флот, оснащенные самой совершенной техникой, способны поразить и уничтожить любого врага в любой точке земного шара. Советский народ отмечает пятидесятую годовщину своих Вооруженных Сил в обстановке большого трудового и политического подъема. Мы гордимся тем, что наша Родина стала могучей, передовой страной.

На протяжении 50-ти лет Советская Армия стояла на страже завоеваний Октября, защищала родное, государство, свой народ от посягательства врагов. Советские воины безгранично преданы своему народу, великому делу коммунизма. Каждый солдат, каждый офицер и генерал проникнуты чувством личной ответственности за судьбу Родины, за то, чтобы спокойно и уверенно трудился наш народ.

Советская Армия с первых дней своего существования стала замечательной школой военного, политического и физического воспитания людей, патриотов своей Родины. Это, прежде всего, я испытал лично сам на себе. Это я знаю по многим моим товарищам.

Я работаю старшим мастером смены в механическом цехе Очерского машзавода. Как в смене, так и в цехе, трудятся много бывших воинов, которые сейчас являются ведущей силой коллектива. Бывший воин, участник Отечественной войны, В. Н. Тетенев возглавляет наш цех. Ранее он работал мастером первого отделения, вывел этот участок в передовые. Участку первому на заводе было присвоено звание коллектива коммунистического труда.

Владимир Николаевич Тетенев успешно справляется со сложными обязанностями начальника большого и трудного цеха. Заместителем начальника цеха работает фронтовик, ветеран завода М. И. Волегов. Он и до войны работал в нашем цехе, на фронте был неоднократно награжден. Вернувшись в цех, много лет руководил сменой, является одним из лучших рационализаторов завода. Бывшие воины К. И. Казымов работает начальником планово-распределительного бюро, И. Л. Каменских – старшим мастером смены, В. А. Тетенев – мастером.

Бывшие воины, особенно фронтовики, это лучшие люди нашего коллектива, ударники коммунистического труда, общественники. В числе лучших рабочих токари Г. М. Гуровой, М. П. Чазов, П. В. Бояршинов. фрезеровщик Т. Ф. Колчанов, разметчик А. М. Тиунов и другие старые кадровые рабочие.

В числе передовиков производства многие бывшие солдаты нашей армии послевоенных лет, многие из них стали настоящими маяками на производстве. Это токари А. Е. Ипанов, П. А. Попов, В. А. Мокрушин, Г. П. Меновщиков, В. А. Гусев, В. С. Туров. М. В. Кобелев, В. Н. Аликин. В. П. Тетенев.

Рядом с ними трудится целая армия вчерашних школьников – будущих солдат. Многие из них – допризывники. Ребята стараются подражать старшим товарищам, настойчиво овладевают мастерством. Очень хорошо работают молодые токари Емельян Обухов, Валерий Сальников, Игорь Карелин, Александр Шмырин, Александр Зеленин и многие другие ребята.

В день пятидесятилетия Советских Вооруженных Сил мне, как бывшему воину, хочется от всего сердца, поздравить своих товарищей по цеху с большим праздником, пожелать им новых успехов в труде, а если потребует обстановка, то и с оружием в руках отстаивать интересы народа, успешно защитить завоевания Великого Октября.

60. Бурдин, Ф. Подвигу – четверть века / Ф. Бурдин // Знамя труда. – 1968. – № 44. – 13 апреля.

От Урала до Праги

В г. Перми состоялась встреча боевых друзей, ветеранов Пермской бригады 10-го гвардейского Уральского добровольческого танкового корпуса в связи с 25-летием со дня его формирования.

На юбилейные торжества был приглашен бывший механизатор, а с 1938 года – заместитель директора Очерской МТС и заведующий МТМ, коммунист с 1939 года Федор Петрович Бурдин.

Гвардии младший сержант Бурдин – один из немногих очерцев, кто прошел с корпусом от Урала до Праги. Имеет восемь правительственных наград. Ранен в танковом бою на Курской дуге и дважды контужен.

С 1945 года Федор Петрович, будучи инвалидом второй, сейчас – третьей группы, работает в Очерском индустриально-педагогическом техникуме заместителем директора по административно-хозяйственной части.

Перед отъездом в Пермь на встречу ветеранов Федор Петрович по нашей просьбе написал для газеты о боевом пути уральских танкистов.

Как известно, трудящиеся Урала во время войны предложили на свои средства сформировать танковый корпус и укомплектовать его добровольцами из коммунистов и комсомольцев. Этот патриотический почин был одобрен Советским правительством, и 11 марта 1943 года из Москвы было получено разрешение на формирование корпуса.

В то время я, работая заведующим машинно–тракторной мастерской и имея «бронь», подал заявление о зачислении меня в корпус. 23 марта мою просьбу удовлетворили и назначили меня механиком-водителем прославленной «тридцатьчетверки» в Пермскую танковую бригаду.

В первые же дни оказалось, что на каждое место претендовали десятки и сотни желающих. Каждый готов был воевать за родную землю. На Уралмаше было подано 1500 заявлений, в Челябинске – 6700, в Магнитогорске – 4600, в Златоусте – 3200. Всего по Уралу оказалось свыше ста тысяч добровольцев, а требовалось лишь около десяти тысяч.

Выехав с Урала, корпус выгрузился на станции Кубинка под Москвой. Могучими ударами уральцы громили врага на Курской дуге, героически форсировали Днепр, освободили Калугу, Киев, Житомир, Винницу, Каменец-Подольск, Проскуров, Ровно, Ковель, Тернополь, Черновицы, Станислав, Дрогобыч, Львов.

Продолжая окружать и уничтожать крупные вражеские группировки, корпус уральцев с жестокими боями прошел по южной Польше, форсировал реки Сан и Вислу, очистил от фашистов более трехсот польских населенных пунктов, в том числе вторую столицу Польши Краков и промышленный район Верхней Силезии.

На территории Германии уральские танкисты форсировали реки Одер, Нейсе, Шпрее, вместе с войсками 1-го Белорусского фронта водрузили над Берлином знамя Победы, сокрушительными ударами уничтожали остатки вражеских войск, заняли Дрезден, пришли на помощь братскому чехословацкому народу и спасли Прагу.

Воины добровольцы выполнили наказ земляков: они сражались мужественно и умело. За боевые операции Верховный Главнокомандующий объявил личному составу корпуса 74 благодарности

в приказах. На овечьих славы знаменах корпуса – ордена Красного Знамени, А. Суворова, Б. Хмельницкого и М. Кутузова. Корпусу присвоено звание гвардейского. 38 воинов стали Героями Советского Союза. За 22 месяца пройден путь длиной 3800 км., из них более 2000 км. с боями.

Не померкнет в веках ратный подвиг добровольцев Урала. Он всегда будет живым примером для грядущих поколений.

61. Бурдин, Ф. Встреча через 23 года / Ф. Бурдин // Знамя труда. – 1968. – № 55. – 9 мая.

В прошлом месяце в г. Перми состоялась встреча бывших солдат и офицеров Пермской танковой бригады 10-го гвардейского Уральского добровольческого танкового корпуса. Съехалось 230 человек из многих городов нашей области, а также из Москвы, Ленинграда, Киева, Одессы. Из Очерского района были шестеро: П. И. Каракулов (М. Соснова), Ф. И. Чирков (поселок Павловский), Н. М. Родин, А. П. Щипицын, И. В. Михалев и я (все из Очера). Из Москвы приезжал бывший командир Пермской танковой бригады, полковник в отставке С. А. Денисов. Сейчас ему 65 лет.

Первый день встречи проходил в Доме офицеров совместно с воинами Пермского гарнизона, офицерами облвоенкомата и представителями трудящихся от промышленных предприятий и организаций городе. На торжественном заседании бывшим танкистам Пермской танковой бригады вручены юбилейные медали «50 лет Вооруженных Сил СССР». Затем воинами гарнизона был дан замечательный концерт, закончившийся в полночь.

На второй день мы разбились по группам в 8—10 человек и поехали по воинским частям, институтам, техникумам, профтехучилищам. Наша группа направилась к учащимся механического техникума в Мотовилихе. Там после теплой беседы каждому из нас вручили памятный подарок и приветственный адрес в специальной папке с такими строками: «От всего сердца поздравляем Вас с 25-летием со дня основания Уральского добровольческого танкового корпуса.

Коллектив учащихся и сотрудников Пермского механического техникума постоянно с большой благодарностью будет помнить Ваш беспримерный подвиг...»

В этот же день мы были первыми зрителями двух серий нового кинофильма об уральцах-добровольцах. Третья серия еще находится в производстве. А вечером автобусы доставили нас на фабрику-кухню завода имени Свердлова. Там был организован большой банкет. В гостиницу вернулись под утро.

На третий день проходило оформление наградных документов на тех бывших солдат и офицеров Пермской танковой бригады, которые по ранению выбыли из части во время боев и не были своевременно представлены к правительственным наградам. Потом фотографировались,

а также с большим интересом прослушали рассказ членов делегации — наших бывших однополчан, которые нынешний День Советской Армии, ее 50-летний юбилей, встречали среди сегодняшних воинов Уральско-Львовского танкового корпуса.

Сегодня в этом подразделении по-прежнему служат в основном уральцы. Есть и львовцы. Служат воины хорошо, в совершенстве владеют современной техникой, боевые традиции своих отцов хранят крепко.

62. Мокрушин, Г. Земляк – всегда земляк / Г. Мокрушин // Знамя труда. – 1968. – № 55. – 9 мая.

Георгий Павлович Мокрушин – ровесник Советской Армии, родился в 1918 году. За ратные подвиги на фронтах Великой Отечественной войны награжден орденами Краской Звезды и Отечественной войны II степени, двумя медалями «За отвагу» и другими. Всего, имеет семь правительственных наград и одиннадцать благодарностей командования. В армию он пришел комсомольцем, в сорок втором стал коммунистом.

Сейчас Георгий Павлович работает заведующим Спешковским отделением совхоза «Пахомовский».

Ниже публикуем его рассказ.

В армию меня призвали в 1938 году. Служил на Дальнем Востоке в 148-м гаубичном полку, состоявшем из уральцев-пермяков. В этом мне здорово повезло: земляк — всегда земляк. И поговорить с ним есть о чем, и помочь друг другу каждый готов.

После нападения фашистской Германии воевал на Калининском фронте в зенитной артиллерии. Менее чем за два года войны только нашей батареей было сбито 11 немецких самолетов: два «фокке-вульф-189», считавшихся неуязвимыми, «юнкерсы», «мессер-шмитты», «хейнкели»... Пятеро летчиков взято в плен.

Летом 1943 года мне довелось в составе наземной артиллерии участвовать в битве на Орловско-Курской дуге. Техника в нашем распоряжении была новейшая. Мы уничтожили много «тигров» и «пантер» противника, сосредоточенных для «генерального» наступления гитлеровских войск, которое с треском провалилось. Нами были освобождены Орел, Рогачев, мы вышли на Днепр в районе Гомеля и Могилева.

В боях с оккупантами мои земляки-уральцы проявляли исключительное мужество, умело использовали первоклассную технику: орудия новейших систем, «катюши», танки Т-34. Бок о бок со мной воевали земляки А. В. Мокрушин, проживающий сейчас в Очере, павловский пенсионер М. Балугев. Рядом с земляком как-то и военные тяготы переносить было легче.

Сорок четвертый год был годом победного шествия на запад. Освобождены Бобруйск, Белосток и многие другие города. В марте 1945

года мы взяли город Браунсберг в Восточной Пруссии, а девять дней спустя ликвидировали прусскую группировку гитлеровцев юго-западнее Кенигсберга.

Наш артиллерийский полк закончил войну на Эльбе, уничтожив более тысячи огневых точек противника. Полк награжден орденами Красного Знамени и Александра Невского.

Многие из моих боевых товарищей не дожили до победы, но они и сегодня с нами. Вечная память павшим!

63. Бурдин, П. Вспоминая бои и походы / П. Бурдин // Знамя труда. – 1968. – № 55. – 9 мая.

К началу Великой Отечественной войны за плечами у меня была военная школа. Затем два года участия в строительстве оборонных рубежей у реки Уссури. В апреле 1943 года в составе 98-й артиллерийской бригады я проследовал мимо родных уральских мест на запад, где полыхала война.

Участвовал в освобождении Украины. После 15 февраля 1944 года, когда было завершено уничтожение 75-тысячной немецкой армии в районе г. Корсунь-Шевченковского, бригада ринулась через Днестр, Молдавию, Прут в Румынию. Мы уже видели древнюю румынскую столицу город Яссы всю в весеннем белом покрывале цветущих садов. Но немцы там сосредоточили большие силы – бронетанковые, авиационные и пехотные. Начались тяжелые оборонительные бои. В августе после сильнейшей артподготовки, во время которой по каждому квадратному километру фронта били из 340-350 орудий, оборона немцев взлетела в воздух.

Последовал прорыв, и 22 августа наши части мчались по улицам Ясс, держа путь на юг через г. Хуши. Завершили окружение и уничтожение яско-кишиневской группировки противника, и – в Польшу, в район г. Сандомира. 11 февраля 1945 года форсировали Одер. 23 апреля – прорыв обороны немцев на реке Нейсе. 2 мая – взятие Берлина. 8 мая овладели Дрезденом, на следующий день праздник Победы над фашистской Германией отмечали уже в столице Чехословакии – Праге.

Это был боевой путь 1-й гвардейской артиллерийской дивизии прорыва под командованием генерал-майора Хусида. Это был и мой путь.

64. Собколов, Н. Боевой поход подлодки «К-56» / Н. Собколов // Знамя труда. – 1968. – № 55. – 9 мая.

Март 1945 года. Пять фронтов (1-й и 4-й Украинские, 1-й, 2-й и 3-й Белорусские) развернули небывалое по размаху и насыщенности боевыми средствами наступление. На Курляндском полуострове, в районе Тукумс-Либава, яростно сопротивлялась мощному натиску 1-го и 2-го Прибалтийских фронтов блокированная группа фашистских армии «Север» в составе 26 дивизий. Враг, чувствуя безвыходность своего

положения, пытался использовать Балтийское море для эвакуации своих потрепанных соединений в северные порты Германии. В южной части Балтийского моря наблюдалось усиленное движение транспортов врага, выполнявших перевозку живой силы, имущества и снаряжения.

Для Балтийского флота не было более благоприятной обстановки, чем эта, и командование флотом принимало экстренные меры по организации и осуществлению мощных ударов по врагу. Наиболее эффективным средством для выполнения этой задачи представлялось более широкое и массированное использование подводных лодок Краснознаменного Балтийского флота.

В составе боевого ядра подлодок, кроме других типов, были мощные подводные корабли типа «К». Это – океанские подлодки, не уступавшие и даже превосходившие по своим тактико-техническим данным подводные лодки врага и некоторых других государств того времени. На них было сильное торпедное и минное вооружение, а также артиллерия (на палубе имелось 2 орудия калибра – 100 мм и 2 орудия – 45 мм). Водоизмещение подлодки этого типа имели: надводное – 1500 тонн, подводное – 2100 тонн. Подводные лодки «К» могли развивать скорость, значительно превосходящую скорость подлодок других типов. Она могла погружаться в морских глубинах до 100 метров. Конструкторы позаботились и о том, чтобы экипаж в период автономного плавания и в боевых походах не испытывал неудобств бытового характера.

Среди командиров подводных лодок типа «К» был капитан 2-го ранга Попов Иван Петрович. Это – скромный, трудолюбивый офицер, заботливый начальник, опытный боевой подводник-балтиец. Он родился в 1908 году в деревне Пахомово, Очерского района, Пермской области.

Четырнадцать детей было у Поповых, и многие умерли еще в детстве. Иван Петрович работал на старом Очерском заводе, на лесозаготовках, терпел лишения и невзгоды. Только Великая Октябрьская социалистическая революция открыла широкую дорогу деревенскому парню, дала возможность определить свое место в жизни.

В 1923 г. Иван Петрович окончил семилетку, в 1929 г. – Свердловский промышленно-экономический техникум, а затем уехал в Москву. Там он учился в финансово-экономическом институте и отсюда же Бауманский райком комсомола командировал его (по путевке ЦК ВЛКСМ) на учебу в Ленинград, в Высшее военно-морское училище имени М. В. Фрунзе.

В 1934 году Иван Петрович, став морским офицером, связал свою жизнь с Балтийским флотом. Плавал он на подводных лодках и штурманом и помощником командира подлодки. С 1937 года Иван Попов – командир подводных лодок.

На подлодку «К-56» Иван Петрович пришел командиром в апреле 1942 года. До этого, в период блокады Ленинграда и боевых действий на Балтике, он командовал другими подлодками.

В это время подлодка «К-56» достраивалась, и ее командиру пришлось немало поработать по изучению устройства этого типа подлодки, а также готовить личный состав к предстоящим боевым походам. В 1943 году «К-56» вступила в состав действующих сил бригады, в боях уничтожила несколько вражеских транспортов.

В памятный 1945 год, когда решался вопрос об окончательном разгроме Курляндской группировки фашистов нашими армиями в Прибалтике, перед бригадой подводных лодок КБФ была поставлена задача: не допускать эвакуации окруженных войск врага с Курляндского полуострова в порты Германии, беспощадно уничтожая обнаруженные в море корабли. 29 марта в 9 часов был получен боевой приказ, и «К-56» покинула бухту.

Туманно и облачно над бухтой и шхерами. Лед еще держится прочно, ледокол выводит нас на чистую воду, на просторы. Через два дня вышли из шхер в море. Начинается напряженная боевая пора. Вот уже Козловский докладывает:

– Слышу шум винтов подводной лодки.

Это была вражеская подлодка, караулившая выход в открытое море.

Прошли благополучно, без столкновений. 4-го апреля подлодка находилась на заданной ей позиции. Иван Петрович, когда мы погрузились, показал мне письмо из дома, которое ему вручили при выходе в море, и сказал, что 25 марта умер его отец... Тяжелое известие в такую пору. Разделяю с ним эту скорбь...

В 11 часов 25 минут 4 апреля гидроакустик Козловский снова докладывает:

– Слышу шум винтов многих кораблей.

Иван Петрович поднял перископ, осмотрел горизонт, но ничего не обнаружил. Немного форсированного подводного хода — и глазу через перископ открылась картина: идет конвой в составе эскадренного миноносца, плавучей базы подводных лодок, крупный лайнер, транспорт, корабли охраны — три тральщика «М», сторожевые корабли, БДБ — быстроходные десантные баржи. Конвой идет переменными курсами. Корабли охраны периодически производят контрольную бомбежку глубинными бомбами. Это для отпугивания наших подводных лодок.

Командир Попов, несмотря на то, что глубины в этой части моря были неподходящими для маневрирования подлодки (ее длина почти 100 метров), принимает решение — «атаковать». Для атаки выбирается самый крупный корабль — лайнер, водоизмещением порядка 18 тыс. тонн.

– Аппараты, товсь! — несется по отсекам приказ командира.

– Есть аппараты товсь!

– Пли!

Корпус лодки вздрагивает от каждой выпущенной торпеды, а затем — секунды ожидания: попали или нет? Через минуту 11 секунд раздаются один за другим три взрыва. Значит, из четырех торпед попали три. Это уже очень хорошо. От трех торпед не уцелеет даже очень крупный корабль.

Командир, закончив атаку, начинает маневр – уклонение от удара охраны противника. Это очень ответственные минуты, и от того, как командир сманеврирует, куда уйдет, очень многое зависит в спасении корабля и экипажа. Надо, к тому же, проверить результат удара визуально. Командир поднимает перископ, наблюдает и видит картину: лайнера на поверхности нет. Корабли охраны собрались на месте потопления и принимают меры к спасению людей, корабли конвоя, рыская и беспорядочно сбрасывая глубинные бомбы, уходят с оставшимися судами.

«К-56» на этот раз удачно избежала преследования и бомбежки. (После войны по уточненным данным оказалось, что «К-56» потопила лайнер водоизмещением 20 тыс. тонн, на котором находилось около 8 тысяч немецких солдат и офицеров, эвакуировавшихся из Прибалтики).

Поиски продолжались. 5 апреля, услышав шумы винтов, командир посмотрел в перископ, но увидел лишь густой туман. Приняв решение атаковать противника с надводного положения, Иван Петрович приказал всплыть на поверхность, и нас обнаружил патрулировавший самолет Ю-88. Лодка уклонилась срочным погружением и ушла на глубину 60 метров. Ночью 10 апреля командир обнаружил два корабля в охранении. Дав полный ход, пошел на сближение, но эта атака была сорвана вражескими кораблями, заметившими искрение в выхлопе. Они открыли по лодке артиллерийский огонь, загнали нас под воду и начали бомбить. Сброшено было всего пять глубинных бомб, но близость их разрыва причинила немало неприятностей. В лодке полопались лампочки освещения и стекла ряда приборов. «Слушая» подлодку гидроакустическими приборами, фашисты преследовали нас и бомбили в течение суток.

Когда преследование окончилось, лодка всплыла, произвела зарядку аккумуляторных батарей. В 5 час. 35 мин. в предутренней мгле был обнаружен силуэт корабля. Сблизились на дистанцию четырех кабельтовых. Оказалось, это военный тральщик. Выпущенные две торпеды эффекта не дали — промах (слишком небольшая осадка у этого корабля). Командир принимает решение потопить артиллерией. Звучит сигнал арттревоги. Выпущено 54 снаряда из 100-миллиметровых орудий. Тральщик потоплен. Вспышки залпов наших орудий заметили недалеко находившиеся вражеские корабли. Они полным ходом устремились к нам. Началось преследование. На лодку в течение 19 часов 30 минут было сброшено 108 глубинных бомб, из них в непосредственной близости – 77. Лодка имела 37 повреждений внутри корпуса, но все же вышла из этой потасовки, в конце концов, благополучно.

Лодка снова начала свою обычную поисковую работу. Через два дня, с наступлением темноты, командир всплыл. В надводном положении оказалось, что не работает вертикальный руль. Нужно исправлять срочно. Требуется вскрывать стальной лист на верхней палубе, а на море – шторм 5 баллов. Нужны специалисты и отважные люди. На предложение командира (предложение, а не приказ) согласились два коммуниста – Балабас и Карасев и комсомолец Жидконожкин.

Когда они вышли на верхнюю палубу, Иван Петрович им объяснил задание и сообщил, что лодка имеет ход 14 узлов, сбавлять его и останавливаться нельзя – утонут.

– И второе, самое главное, – сказал Попов, – будете за бортом работать, имейте в виду: в случае нападения врага я вынужден буду срочно уйти на глубину и должен в этом случае пожертвовать вашими жизнями.

Все трое ответили:

– Товарищ командир, если будет нужно – жертвуйте нами и спасайте корабль и экипаж корабля, мы согласны.

Задание было выполнено, руль исправлен, подлодка получила возможность управляться, экипаж продолжал свои боевые дела.

26-го апреля 1945 года подводная лодка «К-56» благополучно пришла в порт.

Всего за период войны экипаж «К-56» под командованием И. П. Попова потопил пять кораблей врага общим водоизмещением 46,5 тысячи тонн. Личный состав подлодки неоднократно награждался орденами и медалями.

Иван Петрович Попов сейчас живет в Ленинграде, он – военный пенсионер, много выступает с воспоминаниями о боевых делах подводников.

65. Петров, Б. День Победы на земле Очерской / Б. Петров // Знамя труда. – 1968. – № 57. – 14 мая.

9 мая 1945 года – дата, которую знает весь мир. В этот день гитлеровская Германия, разгромленная и поверженная, подписала акт о безоговорочной капитуляции. Великая Отечественная война закончилась победой, победой наших Вооруженных Сил, нашего общественного строя, нашего народа, руководимого Коммунистической партией.

В этот день живые вспоминают о тех, кто не вернулся домой, ценой своей жизни приблизив светлый час победы. Живые клянутся им беречь мир от пожара новой войны...

Накануне праздника в клубе Очерского ремонтно-механического завода состоялось торжественное собрание трудящихся города, посвященное Дню Победы. В зале – бывшие фронтовики, чьи ратные подвиги отмечены орденами и медалями. Мы видим и тех, кто в годы войны самоотверженно работал на заводах, колхозных полях. Вместе с ними – молодые, выросшие уже после войны, знающие о ней по рассказам своих отцов.

Торжественное собрание открыл председатель горсовета С. В. Чудинов. С докладом «Победа советского народа в Великой Отечественной войне» выступил райвоенком С. Т. Анурьев. Затем военный комиссар по поручению Пермского облвоенкомата вручил группе бывших участников Отечественной войны ордена и медали, которыми они

награждены Президиумом Верховного Совета СССР за боевые отличия в боях с немецко-фашистскими захватчиками.

Мне удалось взять у некоторых награжденных короткие интервью.

Г. Н. Тиунов – бригадир Хлопушинской бригады совхоза «Пахомовский»:

– Ранен 9 января 1942 года возле села Пушкино Калининской области. Наша часть вела наступление на немцев. Стремясь отбить атаку, враг открыл по нам шквальный минометный огонь. Разорвавшейся неподалеку миной меня ранило в левую руку. Упал. Немного пришел в себя и хотел самостоятельно добраться до медсанбата. Ползти было тяжело. Но только встал, как меня снова ранило разрывной пулей. Лечение в госпитале, домой пришел без руки... На днях узнал, что награжден орденом Отечественной войны второй степени. Очень рад. Спасибо государству, что такой высокой наградой отмечено и мое скромное участие в войне с фашизмом.

Ф. М. Михалев – токарь ремонтных мастерских совхоза «Кипринский»:

– Участвовал в обороне Ленинграда. В ночь на 1 мая 1942 года нашей дивизии приказали начать наступление на Дубровском направлении. Был я в то время замполитруком стрелковой роты. Его обязанности известны: подготовить бойцов морально для предстоящей атаки. В назначенный час по сигналу рота двинулась в наступление. Немцы, как всегда, оказались щедры на минометный огонь, и я получил тяжелое осколочное ранение в ногу. Это было второе ранение за время пребывания на фронте. После излечения демобилизовался. Прошло 26 лет, и вот узнаю, что меня наградили орденом Красной Звезды. Если где не забывают о человеке, помнят даже рядовых участников Отечественной войны, так это в нашей стране. К трем моим наградам добавилась еще одна – орден.

В. И. Чугаев – председатель Морозовского сельсовета:

– Это случилось недалеко от деревни Пустошка Калининской области в марте 1944 года. Несколько наших станковых пулеметов поддерживали атаку автоматчиков. Мы не давали немцам поднять головы из траншей. Когда автоматчики ворвались в окопы врага, я получил приказ сменить со своим пулеметом огневую позицию. Только мы с помощником начали перебежку, как немцы ударили по нам из ротных минометов. Одна из мин разорвалась буквально в ногах. Помощника убило наповал, пулемет разбило, а меня ранило в руку и голову. Медаль «За отвагу», которой я награжден, – это самая дорогая для меня боевая награда...

Собрание закончилось большим концертом художественной самодеятельности.

* * *

Павловский. Клуб им. Мокрушина. Сюда накануне праздника собрались представители общественности поселка. Дню Победы был посвящен доклад офицера райвоенкомата Н. Я. Тестоедова.

Надолго запомнится этот вечер участникам Великой Отечественной войны К. А. Бояршинову, А. Ф. Пантелееву и Д. М. Колчанову. Представитель Очерского райвоенкомата, вручил им награды за героизм на полях сражений.

В День Победы в поселке павловских машиностроителей состоялся митинг, посвященный открытию памятника-обелиска павловчанам, погибшим на фронтах Великой Отечественной войны. На заводскую площадь собрались сотни жителей. Митинг открывает председатель поселкового Совета В. В. Нецветаев. Со словами приветствия к собравшимся обратились А. Н. Вшивков – член бюро РК КПСС, секретарь партбюро завода, участники Отечественной войны П. П. Власов и А. С. Ермилов, от имени молодежи – секретарь заводского комитета ВЛКСМ В. И. Мочалов.

Митинг окончен. К подножию обелиска, сделанного из нержавеющей стали, возлагаются венки и живые цветы.

* * *

Библиотеки района отметили День Победы организацией книжных выставок и стендов, рассказывающих о подвигах советских воинов и трудящихся на фронтах Отечественной войны и в тылу.

* * *

Торжественные собрания, посвященные 23-й годовщине со дня окончательного разгрома гитлеровской Германии, состоялись в Большой Соснове, Петропавловске, Кленовке, в организациях и учреждениях, школах районного центра, поселка и других населенных пунктов.

66. Пряхина, З. Дружба с моряками / З. Пряхина // Знамя труда. – 1968. – № 60. – 18 мая.

Дружба юных куликовцев с моряками-североморцами зародилась давно. Ребята в прошлом году ездили к своим друзьям в гости, сейчас с ними переписываются.

Пионерская дружина Куликовской школы борется за право носить имя Героя Советского Союза, нашего земляка В. Г. Старикова. Во время войны В. Г. Стариков командовал подводной лодкой «Н-171». Этой лодке первой было присвоено Знамя ЦК ВЛКСМ.

Весь экипаж лодки был комсомольский. Сейчас В. Г. Стариков – начальник военно-морского училища во Владивостоке. Пионеры нашей школы установили дружескую переписку с пионерами одной из Сарапульских школ, дружина которой уже носит имя героя.

В отрядах также идет соревнование за право носить имена героев Великой Отечественной войны. Пионеры 6 «а» класса борются за имя Героя Советского Союза И. Кучеренко.

Крепнут в школе и интернациональные связи. Ребята ведут активную переписку с зарубежными друзьями из ГДР, Польши, Болгарии. В фонд

помощи борющемуся Вьетнаму пойдут деньги, вырученные от сдачи металлолома.

Ко дню рождения пионерии в школе подготовлен большой спортивный праздник. В конце мая проведем третий тур военной игры «Зарница».

67. Рязанов, Н. Люди одной судьбы / Н. Рязанов // Знамя труда. – 1968. – № 81. – 4 июля.

Очередная встреча с интересными людьми состоялась в редакции «Знамени труда». Нашими гостями были мастер Очерской ПМК–2 Н. С. Попов и друг его детства — И. П. Попов, ненадолго приехавший в Очер из Ленинграда.

Вот что они рассказали о времени и о себе.

Двое мальчишек-одногодков с одинаковой фамилией росли в деревне Пахомово и начинали учиться в одном классе. Когда им исполнилось по девять лет, прогремел Октябрь.

Во многом схожи их биографии. Один — подполковник запаса, другой — капитан второго ранга в отставке. У каждого — по десятку правительственных наград и среди них — ордена Красного Знамени и Красной Звезды, медали «За отвагу» и «За боевые заслуги». Про обоих написано в книгах. И партийный стаж у обоих близко подходит к сорока годам. А начинали они так.

1. В глубинах Балтики

Первым из деревни ушел Иван, поступив плотником на Очерский машзавод, а потом стал кочегаром паровоза на станции Верецагино. По путевке комсомола его направили учиться. В 1931 году Иван Попов с отличием окончил подводный факультет штурманского отделения Высшего военно-морского училища имени Фрунзе, получил право выбора места службы и, воспользовавшись им, остался на Балтике.

— О море не мечтал, — рассказывает Иван Петрович. — Реки больше Камы не видел — откуда зародиться любви к морю? И послали меня учиться морскому делу, честно говоря, против тогдашнего желания...

А потом закрутила-завертела морская служба, и не представлялось уже иной жизни, будто в тельняшке родился. Шесть лет промелькнули как один день. Все это время плавал на подлодке типа «Щ» — «Щука» — штурманом, помощником, а потом стал командиром.

В 1938 году вступили в строй первые эскадренные подлодки типа «П» — «Правда». Их на весь Союз, на четыре флота, было немного.

Попов командовал одной из них. Уже этот факт говорит об огромном доверии, которое оказывалось тридцатилетнему офицеру-коммунисту, о той неисчерпаемой энергии, которую он вкладывал во все, что касалось службы, о неумной страсти постигать все новое.

В 1942 году Иван Петрович вступил в командование опять новой, еще более совершенной подлодкой типа «К» – крейсерской. Подводный крейсер мог три месяца находиться в автономном плавании вдали от базы. Запас топлива по тем временам – рекордный.

Испытать лодку в деле долго не удавалось. Гитлеровцы крепко «запечатали» Финский залив, перекрыв его от одного берега до другого противолодочными сетями, поставив здесь за время войны более 60 тысяч мин.

Блокированный флот не мог развернуть успешных боевых действий, а немецкие транспорты, совсем обнаглев, ходили в Балтике без охраны. По мере возможности их топила наша авиация, а в 1943 году и подводники попытались прорваться в море.

Многих боевых соратников недосчитался наш земляк. Некоторые подводные лодки, уйдя в поиск, бесследно исчезали, и суровое море до сих пор хранит эту тайну. Так получилось с подлодкой «С-4» под командованием капитана третьего ранга А. А. Ключкина. Командир по радио сообщил, что успешно потопил транспорт, и на этом связь прервалась. Судьбу лодки пытались выяснить и после войны, когда в наши руки попали немецкие архивы и сводки, но никаких сведений о ней не обнаружили.

Только в 1944 году подводные лодки Краснознаменного Балтийского флота стали карающим мечом для фашистских захватчиков. Стали идти на дно один за другим вражеские транспорты. В этих боях довелось быть и нашему земляку. О них Иван Петрович рассказал немало волнующих эпизодов. Однажды, потопив крупный лайнер и спасаясь от преследования сторожевых кораблей противника, он хитро провел свою лодку «К-56» у самой кормы тонущего судна, где враг не бросал бомбы. В другой раз, после потопления очередного корабля, лодка в течение 21 часа подвергалась упорному преследованию. Враг сбросил на нее 108 глубинных бомб, из них 78 разорвались в непосредственной близости от корпуса лодки. Она получила 37 повреждений и легла на грунт. В ней остановили все часы, перестали качать пресную воду, хотя очень хотелось пить, ходили в одних носках, разговаривали шепотом, чтобы гидроакустические приборы сторожевых кораблей противника не смогли уловить подводные шумы и обнаружить место погружения.

Нервы у балтийцев оказались крепче. Как ни трудно и опасно длительное время находиться на предельной глубине, когда под страшным давлением трещит обшивка, подводники вышли из этого поединка победителями. Дождавшись ухода вражеских охотников, лодка всплыла, повреждения были исправлены, поиски фашистских кораблей продолжались.

Об одном из таких походов написано в книге адмирала В. Ф. Трибуца «Балтийцы наступают»: «...Донесение командира «К-56» капитана третьего ранга И. П. Попова обсуждалось на военном Совете... Командир не только сумел обмануть врага, но и атаковал и потопил третий

транспорт! Двадцать суток пробыла лодка в море. Этот боевой поход явился настоящей школой мужества для всего экипажа... Особую гордость мы испытывали за офицерский состав корабля, выросший и возмужавший в боях... Достойным своего экипажа оказался и командир подводной лодки И. П. Попов»...

После войны Иван Петрович был начальником факультета Высшего военно-морского училища имени Фрунзе, которое окончил в юности. В отставку вышел в 1952 году, прослужив на флоте 22 года. Живет в Ленинграде.

Сейчас он, являясь членом общества «Знание», выступает с лекциями о героических действиях подводников-балтийцев в период Великой Отечественной войны. Лекции он читал во всех районах Свердловской области и во многих районах Пермской, а в 1961 году—на Очерском и Павловском заводах. В эти дни, приехав сюда месяца на два, тоже не хочет зря терять времени и уже установил контакт с Очерским отделением общества «Знание».

Его сын Евгений идет трудной дорогой отца: он — помощник командира атомной подводной лодки.

2. Под знойным небом Испании

Слово предоставлено Николаю Сергеевичу Попову.

Он ушел в армию в 1930 году, тоже вскоре стал коммунистом, окончил два бронетанковых училища, был техником на испытательном полигоне и командиром танковой роты. Встречался на учениях с К. Е. Ворошиловым, С. М. Буденным и другими военачальниками и членами Советского Правительства. Однажды, осенью 1936 года, вызвали его к начальству и спросили:

— Женат?

— Есть сын, ждем второго, — ответил он.

— Скорпионов не боишься?

— Не видел такого «зверя»...

— Мы предлагаем поехать за границу — собирать новую технику. Как на это дело смотришь?

— Не отказываюсь...

В Севастополе на теплоход «Чичерин» погрузили танки и вышли в море. Около Сицилии их негостеприимно встретили итальянские подводные лодки, пришлось изменить курс на Африку. Немного погодя, судно представили в «аварийном» состоянии, спустили советский флаг и на 90 градусов свернули к берегам Испании, куда было ближе.

Ночью впереди по всему горизонту внезапно появились сигнальные огни каких-то кораблей. Свои или чужие? На теплоходе приготовились к самому худшему, вплоть до того, чтобы взорвать теплоход и погибнуть, но в плен врагу не сдаваться.

— Какое судно? — спрашивают из темноты.

Капитан «Чичерина» молчит. После третьего требования рявкнул:

– Передайте: железное!

Неизвестные корабли окружили советский теплоход и приказали поднять национальный флаг. Советский флаг взвился на мачту, и тут выяснилось, что встречает не враг, а республиканская эскадра.

В порту еще не успели разгрузить все, как налетела вражеская авиация, среди прибывших появились первые раненые. А на третий день одним батальоном пошли в бой под Махадаондой против мятежников.

– Однажды, – рассказывает Николай Сергеевич, – по приказу республиканского генерала Миахи, которому мы подчинялись, три наших танковых взвода под видом итальянцев пошли в деревню, занятую марокканской дивизией...

Об этом эпизоде в «Испанском дневнике» тогдашнего корреспондента «Правды» Михаила Кольцова сказано: «Шесть часов тридцать минут. Появилась танковая колонна... Они мчатся по полю и подкатывают к деревне. Несколько растерянный огонь мятежников утихает... Фашистский офицер... останавливает передний танк. Командир молча стоит, по пояс возвышаясь над башней. Фашист любезно спрашивает:

– Итальяно?

Командир еще несколько секунд задерживает ответ, затем исчезает в башне, захлопнув за собой крышку, и дает огонь. В эту минуту деревня превращается в пекло...»

Первый танк вел наш земляк из д. Пахомово Н. С. Попов. Но в книге он не назван ни по имени, ни по фамилии, хотя с М. Е. Кольцовым и его женой Николай Сергеевич был хорошо знаком; вездесущий журналист часто садился в танк Попова на место стрелка или радиста и вместе лез в это самое пекло, о котором писал. В «Испанском дневнике», кажется, не встретишь ни одной русской фамилии, кроме кинооператора Романа Кармена. Об участии в гражданской войне в Испании советских добровольцев тогда писать было нельзя.

Бой, о котором рассказано выше, окончился уничтожением 15 вражеских машин, но и танк Попова был подбит и загорелся. Контуженный командир полз к своим 12 часов.

После госпиталя Николай Сергеевич назначен военпредом по приемке с завода новых танков «Испано-суиса». Впрочем, агрегаты танков были советскими, лишь броня испанская. И тут у него были схватки с анархистами, блокада, нелегкий полет на транспортном самолете к горнякам Астурии за снарядами (советский теплоход «Комсомол», который шел в Испанию с боеприпасами, был потоплен врагом). В испанской земле он похоронил своего односельчанина и однофамильца Петра Григорьевича Попова, механика-водителя, с которым случайно встретился в Испании и взял в свое подразделение. Танк земляка подбили из орудия у оливковой рощи под Мадридом. Пушченку Николай Сергеевич раздавил гусеницами, раненого взял на свою броню, но Петр прожил только шесть часов.

Воевать советским танкистам под знойным небом Пиренейского полуострова было очень тяжело. Местность, как пишет Михаил Кольцов – «скалисто-холмисто-лесисто-болотисто-всякая». Температура внутри танка достигала +65–70 градусов, масло в ходовой части и моторе чуть ли не кипело, но все механизмы советских машин работали безотказно, блестяще сдав боевой экзамен.

Долгим кружным путем – через Францию, Англию и Данию – добирался Н. С. Попов на родную землю. В августе 1937 года был в Ленинграде. Там, в Петергофе, навестил его Иван Петрович, ровесник и однофамилец, друг детства, командир подводной лодки.

Николаю Сергеевичу довелось быть участником прорыва линии Маннергейма в составе разведбатальона во время финской кампании и участником Великой Отечественной войны на Крайнем Севере и Юго-Западном фронте. Военной службе он отдал без трех месяцев 18 лет. Нынче в декабре ему исполнится 60.

...Моряк и танкист, они – люди одного поколения и одной военной судьбы, выстоявшие и победившие в гигантской битве с фашизмом.

68. Попов, И. Рассказ подводника / И. Попов // Знамя труда. – 1968. – № 91. – 27 июля.

На подводной лодке «Звезда»

Мне довелось продолжительное время командовать подводной лодкой «Звезда».

Особенности Балтийского моря и Финского залива, изрезанного шхерами, натолкнули наше командование и инженеров-кораблестроителей на создание такого типа подлодок, которые в условиях Балтики могли бы наносить при возникновении войны, чувствительные удары по противнику.

Для этого надо было сконструировать и построить подводные корабли с мощным артиллерийским и торпедным вооружением, малой осадкой для действия в шхерах, высокой надводной скоростью и большой глубиной погружения. Подобных подлодок не было в то время ни на Балтийском, ни на других морях.

В 1934 году такие корабли сошли со стапелей, успешно прошли сдаточные испытания и вступили в строй. По сравнению со старыми лодками–малютками новые выглядели великанами. Назвали их «Правда», «Звезда», «Искра» – в честь большевистских газет.

Офицеры, старшины и матросы настойчиво взялись за изучение новой техники. Старшины групп Шемяков, Данилов, Лукичев, боцман Квашнин быстро освоили механизмы, и за проявленную смекалку были награждены ценными подарками.

Вскоре после спуска новые подлодки посетил член Политбюро ЦК партии А. А. Жданов. Его особенно интересовали вооружение и

тактические данные, а когда он узнал о результатах испытаний, внес ряд практических предложений и замечаний.

В августе 1937 года подводную лодку «Звезда», которой командовал я, посетила вдова М. В. Фрунзе с сыном и дочерью. Она долго беседовала с офицерами и матросами о флотской жизни, дальних походах.

В конце летней навигации гостями «Звезды» были наши шефы из Туркменистана во главе с председателем совнаркома республики. Гости удивлялись внушительного вида орудиям и тому, что лодка была длиннее пирса, у которого стояла. С шефами на борту «Звезда» провела погружение в гавани.

Последующие годы, до начала Великой Отечественной войны, на подводных лодках проходили подготовку офицеры, старшины и матросы. Сотни высококвалифицированных специалистов получили подводные силы Военно-Морского Флота, которые сыграли решающую роль на Балтике в период войны.

Великая Отечественная война застала лодку «Звезда» в Кронштадтском доке на ремонте подводной части корпуса. На партийном собрании экипажа старшина 2-ой статьи торпедист Кузнер сказал:

– Будем работать в доке день и ночь, чтобы как можно быстрее закончить ремонт.

Его все дружно поддержали, и вскоре ремонтные работы были закончены, лодка вышла на рейд в ожидании боевого приказа.

Личный состав рвался в бой, и нам с комиссаром Е. П. Летошко приходилось сдерживать этот порыв.

21 и 23 сентября 1941 года немецкая авиация совершила массовые налеты на Кронштадт с целью уничтожения кораблей Краснознаменного Балтийского Флота. Первое боевое крещение лодка получила в виде бомбовых ударов с воздуха. Мы маневрировали, меняя курс, и отражали атаки противника из всех имеющихся орудий. Рулевой сигнальщик Комаровский яростно строчил из пулемета до тех пор, пока его не оттащили за полы бушлата. Попаданий в лодку не было, вражеские бомбы проходили мимо.

В октябре «Звезда» возвращалась из боевого похода в Кронштадт и в районе Лужской губы попала под артогонь противника. По лодке выпустили 72 снаряда калибром в 11 дюймов. Мы шли по узкому фарватеру, между минными полями, маневр был сокращен до нескольких градусов. Тут же нас отбомбил финский самолет, две бомбы упали в 40–50 метрах от лодки, к счастью, обошлось без повреждений.

Первые бои еще больше сплотили экипаж. Партийная организация лодки выросла и составляла по численности одну треть личного состава. Личный состав «Звезды» осенью сорок первого стал принимать активное участие в тушении зажигательных бомб на чердаках и крышах домов Петроградской стороны Ленинграда. Были спасены от пожаров десятки домов.

В осажденном городе первой военной осенью и зимой не стало топлива для электростанций. Военный Совет Ленинградского фронта решил перебросить жидкое топливо из Кронштадта. Командующий флотом адмирал В. Ф. Трибуц поручил это сделать нашей подводной лодке.

Нева и Финский залив скованы льдом толщиной до 40 см. Лодку мы покрасили известью, на буксире у ледокола ночью вышли из морского канала и сразу же попали под артогонь фашистских береговых батарей. Снаряды сыпались вокруг нас, шесть попаданий было в ледокол, у нас на лодке насчитывалось 14 пробоин от осколков, было разбито стекло на мостике рубки, легко ранен старшина Лукичев. Но все же в Кронштадт мы прорвались.

Приняв горючее, ночью 30 декабря двинулись обратно в Ленинград. Мороз 23 градуса. Лодка своим ходом шла за ледоколом. В устье Невы гитлеровцы снова нас обстреляли из дальнобойных орудий. Снаряды ложились совсем близко от нас, но прямых попаданий не было.

На другой день мы подошли к стенке Адмиралтейского завода и доставленное топливо откачали в железнодорожные цистерны. Военный Совет фронта и командующий флотом вынесли благодарность экипажу за выполнение ответственного задания.

В тяжелых условиях блокады, личный состав лодки своими силами произвел ремонт корабля, выполняя нормы до 300 процентов, и одновременно отбивал почти ежедневные атаки вражеских самолетов. Особенно отличились в ремонте лодки Воронин, Харченко, Панкратов и Селезнев (впоследствии депутат Верховного Совета СССР). Они были награждены грамотами наркома. Уткин, Привалов, Терещенко, Варзуков, Смирнов получили грамоты военного Совета флота.

В период зимнего судоремонта не прерывалась боевая и политическая подготовка офицеров, старшин и матросов. К весне 1942 года экипаж «Звезды» готов был выполнять новые боевые задания по разгрому врага на Балтийской море.

69. Данилов, Н. Трое на фронтовой дороге / Н. Данилов // Знамя труда. – 1968. – № 103. – 24 августа.

Иван Богатырев роста был среднего, голос имел тихий, характер кроткий, но когда в танк садился – никто против него устоять не мог.

Едет как-то Иван февральским вечером в своей «колеснице» железной, запряженной не парой, а целой «тридцатьчетверкой». Латвийская дорога узкая – двум коровам не разойтись. А погода в Прибалтике в это время известная: утром – ледок, днем – снежок, вечером – беда: грязь да вода.

Навстречу Ивану везут на подводе обед бойцам. Лошадью правит ездовый, удалец бедовый. С ним еще один боец. Высунется Иван из люка, кричит им:

– С дороги, пехотные дроги! Неровен час – наеду, не останется и следу!

Ездовый вожжами тряхнул, лошадку подхлестнул, а та – ни туда, ни сюда. Колея глубокая и скользкая – не пускает.

– Кому след, а кому и кювет, – ворчит ездовый. – Не могу я рисковать шами, сворачивайте сами.

Танк стоит на месте, содрогается всем корпусом, дымом окутался. Соскочил танкист на землю, к подводе подошел, спрашивает:

– Чего не сворачиваете?

– А это у нее спросить надо, – кивает ездовый на лошадь. – У нашей Машки свои замашки.

Говорит тогда Иван:

– Мне не до смеха, да и не привык я, Иван Богатырев, в дороге прохлаждаться.

Слез ездовый с подводы, с недоверием смотрит на танкиста, на его руки в саже, лицо в копоти, замасленный комбинезон и отвечает:

– Постой, постой! Богатырь-то – герой... Читал в газете, видел на портрете. У него вся грудь в орденах. А у тебя?

Распахнул Иван комбинезон – зажмурился ездовый от блеска орденов и медалей, смотреть невмочь.

А боец, что рядом с ездовым ехал, будто жарко ему стало, свой ватник тоже распахнул, а там наград еще больше того.

Танкист спрашивает:

– Уж не разведчик ли Королев?

– Он самый. Ты – богатырь, а я король.

Нашла коса на камень. И тот удалец, и этот молодец. Кто главнее?

– Конечно, танкисты! – говорит Иван. – Где танки пройдут, – там фрицам капут.

– Мне, – отвечает Королев, – спорить с тобой неохота. Ведь каждый знает, что важнее пехота. Где танки не пройдут, мы – тут как тут.

Слово за слово, спор разгорелся. Тот вспомнил Сталинград, этот – Ленинград, тот Минск, этот – Двинск. Покончив с географией, перешли на личные биографии. Ездовый слушал, слушал, усы подправил и в спор вметался:

– Негоже спорить нам, королям–богатырям. Чем силу нашу сейчас измерить можно? Одним только: как ты фашиста бьешь. Кто больше их за сутки набьет, тому уважение и почет. А мне теперь некогда – щи да каша остывают.

Посмотрели герои на ездового. А у того ус длинный, вид солидный и ордена Славы трех степеней. Такого послушать не стыдно.

Съехал танк одной гусеницей в кювет, а подвода одним колесом — в другой, и разъехались три бойца мирно, порешив встретиться завтра на этом же месте.

70. Рязанов, Н. Моряк, разведчик, танкист / Н. Рязанов // Знамя труда. – 1968. – № 19. – 7 сентября.

Обладатель трех ратных профессий, не совсем обычных по своему сочетанию, павловчанин Иван Лунев начал военную службу в 1939 году на Балтийском флоте. Отечественную войну встретил на Черном море старшим специалистом радиолокаторной установки – дела по тому времени нового и строго секретного. В бригаде морской пехоты оборонял Севастополь, был ранен и вывезен на Большую землю. После госпиталя он стал помощником командира взвода полковой разведки, участвовал в освобождении Украины, Крыма, в том числе и Севастополя, потом воевал в Прибалтике.

Нельзя, очевидно, сказать, что разведка была его призванием. Просто суровая необходимость. Во всяком случае, именно этот его боевой путь полкового разведчика увенчан орденами Славы третьей степени и Красной Звезды, медалью «За отвагу» и значком «Отличный разведчик».

Однажды «язык» требовался дозарезу, и полковые разведчики начали, как всегда, с тщательного наблюдения за передним краем противника. День за днем до боли в глазах изучали каждый подозрительный бугорок, засекали огневые точки, подмечали малейшие передвижения вражеских солдат. Через неделю пришли к выводу, что стоявшая против них часть, вероятно, заменяется свежей. Этот момент разведчики сочли наиболее удобным.

В заранее намеченной ячейке передового поста находились двое гитлеровцев. Подбадривая себя и доказывая начальству, что не спят, оба время от времени постреливали в нашу сторону короткими очередями и снова скрывались в окопе. И вдруг двое разведчиков навалились на них сверху, прижали к земле.

Завязалась яростная борьба в тесной ячейке. Двое на двое. Луневу попался особенно здоровый немец, который ворочался, как медведь. Сначала он пытался крикнуть, и Лунев заткнул ему рот кляпом. Тогда немец пополз к своим вместе с обхватившим его разведчиком, и Луневу ничего больше не оставалось, как слегка оглушить врага прикладом. Руки товарищей из группы прикрытия помогли вытащить из окопа обоих фашистов, после этого они, поддерживаемые с боков, с приставленными к их спинам дулами автоматов послушно пошли в нашу сторону.

Вскоре армейская газета опубликовала заметку о смелых действиях разведчиков, дала снимок Лунева вместе со взятым им «языком». Немец имел рост 203 сантиметра, в плечах – косая сажень, а Лунев – тонок и худощав, ростом 168.

Всего вместе с товарищами он захватил девять контрольных пленных, а двоих – лично. Некоторые доставались легче, другие труднее – случалось всякое. В одном из поисков погиб командир разведвзвода, в другой вылазке шальная очередь во многих местах вспорола телогрейку Лунева.

Думал он разведчиком закончить войну, но в сорок четвертом его неожиданно послали учиться в Челябинское танковое училище; на фронт он вернулся в начале сорок пятого младшим лейтенантом и стал командовать тремя сухопутными броненосцами – взводом тяжелых танков «ИС-3».

– Экипаж был обстрелянный, – вспоминает Иван Александрович, – Многому у него сызнова пришлось поучиться, особенно у механика-водителя Федора Пугачева, с Орловщины. Всю войну он провел в танке, четыре машины сменил. Горел. Левая рука у него сильно была обожжена и всегда забинтована. Дело свое знал до тонкости. В бою ему нелегко приходилось: кроме маневрирования, водителю надо при каждом выстреле на мгновение выключать сцепление, но и не потерять скорость...

Всего 11 выстрелов сделал командирский танк в единственном бою с механизированной колонной противника под Кенигсбергом тут и война кончилась.

Все послевоенные годы гвардии лейтенант запаса Лунев работает токарем в гараже Павловского машзавода, после реорганизации – в автоколонне. Ведомственная газета «Транспортник» на днях дала на своих страницах портрет Ивана Александровича, токаря автотранспортного предприятия, ударника коммунистического труда, отличного производственника, активного общественника, хорошего товарища.

А начальник автоколонны К. С. Носов отозвался о Луневе так:

– Ас своего дела. Шоферам и слесарям не надо объяснять ему, что за деталь требуется и куда, каковы размеры – он все наизусть знает и сделает быстро, чуть ли не с закрытыми глазами. Недавно, 18 августа, коллектив отметил его пятидесятилетие.

...На улице Одуйской стоит маленький заводской многоквартирный дом с тремя телеантеннами над крышей. Здесь и живет Иван Александрович вдвоем с женой Ниной Михайловной, 27 лет работающей в начальной школе. Она, кстати, – из семейного ансамбля «Родник» и одна из дочерей В. Н. и М. В. Шардаковых, чью золотую свадьбу общественность Очера недавно отмечала. Во дворе и огороде много цветов, яблони, вишни, ирга. В гараже стоит новый «Юпитер» с коляской: Иван Александрович — заядлый мотоциклист и рыбак.

В небольшой комнате современная мебель, чистота, уют. На столе среди свежих газет мы увидели «Краткий курс технологии металлов». Кивнув на учебник, Иван Александрович сказал:

– Нельзя отставать от жизни.

71. Токарев, Н. Наши боевые успехи / Н. Токарев // Голос Новатора. – 1968. – № 35. – 6 сентября.

Во время Великой Отечественной войны я находился в четвертом танковом корпусе, которым командовал генерал Кравченко. В октябре 1942 года наш корпус вошел в состав Донского фронта. Мы в это время

находились на берегу Дона в районе станции Клецкой. На другом берегу было одиннадцать дивизий противника. Весь октябрь и до 19 ноября мы находились в обороне, в полночь на 19 ноября мы получили боевой приказ перейти в наступление. После артиллерийской подготовки наш танковый корпус первым вклинился во вражескую оборону. Деревушка, в которую мы вошли, была полностью разрушена, были одни развалины.

Казалось, что Здесь не встретишь ни одной живой души, и я удивился, когда увидел среди развалин седого бородатого старика. Остановил я танк и спрашиваю его:

– Дед, как ты уцелел?

– А я, сынок, тут родился..,

Посадил я его к себе в танк в качестве проводника. Когда мы поднялись на горку, то увидели громадную площадь, устланную трупами гитлеровцев. Наша артиллерия поработала хорошо.

Вскоре враг пришел в себя и открыл огонь. Из моего батальона выделенные три танка в головную походную заставу были сразу же подбиты. В смотровую щель я заметил вражескую пушку и скомандовал механику-водителю Кравченко раздавить ее гусеницами. Так и сделали. Пушка вместе с расчетом была уничтожена.

Двинулись мы дальше в глубину обороны противника. Прорвав первую линию немецкой обороны, мы связались с командованием. Доложили об обете новке. Командир корпуса приказал дожидаться подхода остальных танков. Когда подъехало наше командование, нас поздравило с успешной операцией

и поставило задачу на прорыв

второй линии обороны противника. И мы в ночь на 20 ноября двинулись дальше. Вторая линия обороны врага была в 70 километрах от нас. В первом же попавшем нам на пути населенном пункте мы у одной старушки узнали, где находятся немцы, к быстро направились туда. Недалеко от села, где находился противник, мы остановились, и каждый наш танк послал по три снаряда.

Многие дома загорелись. Мы продвигаемся ближе. Видим у одного из домов разворачивает башню фашистский танк. Но он выстрелить не успел. Начальник штаба батальона лейтенант Лебедев метким выстрелом подбил его. Мы вели огонь из пушек и пулеметов. Трассирующие пули освещали темные улицы и траншеи. Здесь проходила вторая линия обороны гитлеровцев. В этом коротком ночном бою мы уничтожили двадцать вражеских танков. Бой закончился к 5 часам утра. На основании приказа мы остановились ожидать подхода основных сил нашего корпуса. Чуть свет прибыло командование корпуса.

Нас снова поздравили с успехом и представили к наградам. А потом, заправив баки горючим, мы снова двинулись вперед, в тыл гитлеровцев. Снова село. Видим бегущих фашистов. Отрезая им отход, открываем огонь. Ведут огонь по нашим танкам и немцы. Один из вражеских снарядов разорвался в 3-4 метрах от моего танка. Высмотрел я немецкую

пушку между двумя домами, и мне ее удалось уничтожить с первого выстрела.

Ожесточенный бой разгорелся за селом, где оказался штаб немецкой армейской группировки. Гитлеровцы здесь сразу подбили три наших танка. Мы заметили, что немцы ведут огонь из дома. Механик-водитель Кравченко смял дом вместе с пушками, У речки я подбил еще один танк. На этом бой закончился, В плен было взято 70 офицеров. В этот день мы еще продвинулись на 25 километров. Взяли село, где немцы оставили склады с соломенными валенками, полушубками и тулупами.

На следующий день мы двинулись дальше и подошли к Дону в районе Калача. Здесь у переправы много скопилось вражеских войск и техники. Оборону гитлеровцы организовали крепкую, а у нас была всего одна танковая бригада. Командир корпуса в это время находился с нами, и он вызвал бригаду тяжелых танков «К В».

С пополнением танков мы обрушились на гитлеровцев и загнали их прямо в Дон. Перебравшись на другой берег, мы смяли врага и ворвались в Калач. Это было 21 ноября, на третий день нашего наступления. После взятия Калача нам было приказано перерезать железную дорогу Сталинград-Донбасс. Здесь мы настигали, истребляли живую силу и технику противника. Немцы в панике метались. На мой танк с испугу откуда-то выскочила немецкая штабная машина. Увидев нас, повернула обратно. Прямой наводкой я подбиваю машину. Из нее выскочили десять офицеров. Их мы уничтожили и захватили много ценных документов.

У станции Советской фашисты пытались удержать наш натиск, но безуспешно. Гарнизон бежал, оставив несколько груженных эшелонов. Утром 23 ноября мы встретились с войсками степного фронта. Кольцо вокруг фашистов в районе Сталинграда сомкнулось. За этот прорыв танкисты были удостоены высоких правительственных наград. Я получил орден Отечественной войны II степени.

За трое суток наш Донской фронт продвинулся на 220 километров. С боями освободили 15 населенных пунктов, захватили в плен 73 тысячи вражеских солдат и офицеров. Через неделю наш корпус получил приказ взять аэродром, через который проходило снабжение окруженной немецкой группировки. Этот приказ танкисты с честью выполнили.

К февралю 1943 года мы были уже около Ворошиловграда. 2 февраля в бою у деревни Ильинка мой танк был подбит и я был тяжело ранен в голову. Семь суток я был без сознания. Армейская газета сообщила уже о моей смерти. Пришла «похоронная» и домой. Но я выжил, прибыл домой.

72. Гордийцева, Н. Воин и педагог / Н. Гордийцева // Знамя труда. – 1968. – № 134. – 5 ноября.

Взяв в руки 2-й том Книги Памяти я была огорчена, не найдя там Валентину Федоровну Мезенцеву, нашу школьную учительницу. А ведь

мы всей школой чествовали ее, как ветерана войны, 23 февраля, в День Советской Армии.

Валентина Федоровна потомственный педагог. Ее мама – Антонина Федоровна, в свое время была в Очере известной и уважаемой учительницей.

Я не училась у нее, она вела другой класс, на 3 года младше. Но иногда Валентина Федоровна замещала ушедшую на больничный нашу учительницу Алевтину Дмитриевну. Это была обаятельная, статная женщина. Темные, волнистые пряди волос, карие глаза. Но эти глаза казались мне всегда задумчивыми и грустными. А глубокие морщины на лбу придавали ее лицу мужественную суровость. Это была печать пережитого военного пути.

Однажды на уроке она подошла к моей парте и взяла мою тетрадь. Какой же благоговейный трепет охватил меня тогда!

Передо мной стояла не просто педагог, а женщина–воин, героиня!

И еще один случай остался в памяти. Один из учеников «допек» Валентину Федоровну своим «примерным» поведением. И она сурово наказала его. Алевтина Дмитриевна сказала нам: «Наказала – и поделом! Пусть не издевается над учительницей. Она Родину защищала, с фронта вернулась израненная, в ней пуля до сих пор сидит!»

Валентины Федоровны не стало в декабре 1970 года. Ей было только пятьдесят. Я стояла у гроба и думала: «Все-таки убила ее та, проклятая фашистская пуля. Через двадцать пять лет после войны...»

73. Рязанов, Н. Первый из тринадцати / Н. Рязанов // Знамя труда. – 1968. – № 133. – 2 ноября.

Где бы ни жил человек, его влекут места, откуда он шагнул в широкий мир. Иногда пройдут десятки лет, прежде чем удастся посетить город или село своей весны, но чаще люди и года прожить не могут, чтобы не побывать в уголке родной земли, не глотнуть сладкий дым родного дома.

– Люблю родной Очер, люблю его людей, его незабываемую природу. Радуюсь, что город мой растет и хорошеет. Горжусь всем новым, что прочно вошло в жизнь моих земляков за послевоенные годы... – так говорит человек, уехавший отсюда ровно тридцать лет назад, с 1946 года проживающий в столице Украины, где и небо голубей уральского, и солнце ярче, и греет оно жарче. Зовут нашего земляка Галактион Николаевич Пьянков.

В августе ему исполнилось 47 лет, но друзья-одноклассники по-прежнему называют его Аликом, Алькой.

Он рос младшим в семье. Отца его – Николая Матвеевича – старожилы помнят до революции рабочим Очерского завода, а среднее поколение каждый день видело его на городских улицах с тяжелой сумкой почтальона.

Алька с детских лет представлял собой сгусток неукротимой энергии и острого ума. Любил петь. В школе учился легко, второй и третий классы «проскочил» за одну зиму, был лучшим учеником, много и охотно помогал товарищам.

С детства бредил авиацией. После седьмого класса пытался поступить в авиационный техникум, после девятого — в летную школу, после десятого — в Военно-воздушную академию, но абитуриента каждый раз не принимали по возрасту. А ему не терпелось взмыть в небо.

Летом 1938 года Очерская средняя школа впервые выпускала десятый класс. Окончивших было всего тринадцать, и Алька — самый младший из них: ему не исполнилось и семнадцати. Он получил аттестат под номером один, в котором против каждого из двух десятков предметов стояла оценка «отлично». На выпускном вечере он пел свои любимые песни — «Партизан», «Орленок»:

На глыбе железной руды под горою
С пробитою грудью лежал партизан.
Обнявшись с подругой — винтовкой стальной,
Прощался и пел про родную Рязань...

Золотые медали круглым отличникам тогда еще не давали, но право таким поступить в любой вуз без экзаменов предоставлялось, и Алька справедливо полагал, что сумеет пробиться в авиацию, и не куда-нибудь, а прямым ходом в Военно-воздушную академию имени Н. Е. Жуковского. Но снова на его пути встали молодость и отсутствие опыта. Пришлось пока довольствоваться Московским институтом нефти имени Губкина, а через год попытаться перевестись в авиационный институт. И опять неудача: студента в 1939 году призвали в армию, и он оказался в автобронетанковом полку под Ленинградом.

Напряженная служба, учеба... А характер новобранца оставался прежним. В строю он однажды запел «Катюшу» на мотив «Сулико», а вся рота бодро подхватила. Запевале дали четыре наряда вне очередь.

Вскоре ему повезло: в полк приехали представители Ленинградского авиационно-технического училища, чтобы отобрать добровольцев. Пьянков первым подал рапорт, отлично сдал вступительные экзамены, так же, по традиции, с круглыми пятерками закончил учебу.

Великую Отечественную войну Галактион начал авиатехником по вооружению, но оставаться на земле не хотел и упорно рвался в небо. Вскоре добился своего и стал бортовым стрелком на ИЛ-2.

Во время краткого отдыха между боевыми вылетами на бомбежку вражеских коммуникаций он с большим чувством пел, и товарищи, примостившись где-нибудь на траве фронтового аэродрома или в тени под крылом самолета, слушали о тесной печурке, в которой бьется огонь, о гармошке, поющей вьюге назло, и другие рожденные войной песни.

В небе Сталинграда бомбардировщик получил повреждение от осколка зенитного снаряда. При посадке пилот разбил лицо, а стрелок Пьянков сильно ушиб спину. Оба, поправившись, продолжали летать,

участвовали в завершении Сталинградской битвы, познали радость победы на Волге, сражались в небе Орловско–Курской дуги.

И вот она, наконец, осуществленная мечта! Воздушного обстрелянного бойца направили в школу летчиков. Снова сплошные «пятерки» при выпуске, и Пьянков стал пилотом дальнего бомбардировщика. На нем и закончил войну, имея правительственные награды.

В 1946 году дала о себе знать контузия позвоночника. С авиацией пришлось проститься. Утешало лишь то, что все-таки летал, близко видел небо. Инвалид второй группы... Чем заняться в жизни? Пойти в консерваторию? Но кто знает, не найдется ли у судьбы камня за пазухой? А вдруг, после нескольких ангин, перенесенных в далеком детстве, пропадет голос? Да и жена Тамара, бывшая медсестра, с которой он познакомился в киевском госпитале, решительно возражала против карьеры певца. Пьянков начал работать штамповщиком в артели инвалидов Отечественной войны в г. Киеве и в 1947 году поступил учиться во Всесоюзный заочный политехнический институт. В это же время он стал коммунистом.

Жизнь его в Киеве в первые послевоенные годы была трудной. В одной комнатке у родителей жены жили три семьи. На обед варили чугунок воды, в который высыпали стакан пшена. Дети плакали ночью, шумели днем, мешая студенту-заочнику заниматься. Но Галактион, как и всегда, учился только на пятерки.

Через четыре года он перешел работать ближе к специальности – старшим лаборантом института физической химии Академии наук УССР. В 1953 году с отличием закончил заочный институт, о чем писала тогда в передовой статье газета «Советская культура».

Сейчас Галактион Николаевич – главный инженер отдела радиационной химии института физической химии Академии наук Украины, имеет двадцать печатных научных трудов — своих и в соавторстве. Недавно сдана в печать книга «Радиационная модификация полимерных материалов», в числе пяти авторов которой фамилия Пьянкова стоит первой.

Но он и теперь не расстается с песней. В 1963 году пел в Москве и получил диплом лауреата Всесоюзного смотра художественной самодеятельности. Спустя год с группой самодеятельных артистов выезжал в Болгарию. Там он пел на русском, украинском и болгарском языках. В 1965 г. с концертной бригадой был в Чехословакии, где его репертуар обогатился песнями на чешском языке, которые оказались словно нарочно созданными для звонкого тенора. Одна из них начинается словами, очень похожими на родные: «Танцуй, танцуй, выкруцай, выкруцай»...

Кроме диплома первой степени, за успехи в художественной самодеятельности Пьянков трижды получал именные часы — от Украинского правительства, республиканского и союзного министерств.

Очерцам довелось видеть Пьянкова на экране телевизора, когда из Москвы передавали заключительный концерт Всесоюзного смотра художественной самодеятельности. В составе трио пел и наш земляк. Его школьные друзья, не растерявшись, быстро настроили магнитофоны, зарядили новой пленкой фотоаппарат и записали песню, сфотографировали изображение. В прошлом году на юбилейные торжества по случаю 50-летия Советской власти он снова дважды приезжал в Москву и пел с кремлевской сцены.

...Газета «Вечерний Киев», на украинском языке, от 31 декабря 1964 года... На третьей странице опубликован большой очерк специального корреспондента под заголовком «Учитель на всю жизнь». В нем говорится о «духовном деде» космонавта-2 Германа Титова – Андриане Митрофановиче Топорове и о его встрече через тридцать с лишним лет со своим бывшим учеником и «духовным сыном» Галактионом Пьянковым. Наш земляк назван в очерке первым инженером среди певцов и первым певцом среди инженеров. «Слыхал тебя по радио, – говорит Андриан Топоров Галактиону Пьянкову, – и знаешь, плакал...»

История их знакомства и дружбы уходит в начало 30-х годов, когда Топоров работал учителем в Очере. Алька же в детстве и отрочестве отнюдь не был пай-мальчиком. Кроме круглых «пятерок», он приносил домой «сюрпризы» и огорчения, чуть ли не безнадежно отбивался от рук, родители не могли с ним сладить.

Топоров сумел разглядеть в подростке все богатства души, склонности и таланты, привлек к себе, часто приглашал домой, заставил подружиться со своими детьми, заинтересовал музыкой – в этой семье все были музыкантами. И Алька с тех пор стал постепенно забывать своих уличных друзей и лихие набеги на чужие огороды, уже не убегал из дому на всю ночь, (а раньше, бывало, родители закроют его на замок, спрячут обувь, когда на дворе поздняя осень, но все эти «репрессивные» и профилактические меры не могли удержать дома слишком бойкого подростка).

«...За всю мою жизнь я мало встречал людей такой душевной красоты, как Галактион – мой любимый, изумительный ученик... Глубоко горюю, что не захотел он вступить на путь профессионального певца, на котором, несомненно, нашел бы свою большую славу...» – Это Топоров о Пьянкове.

– Огромного педагогического таланта человек! – это Пьянков о Топорове. – Просвещению и воспитанию он отдавал всего себя самозабвенно. Сейчас он – персональный пенсионер союзного значения. В свои 74 года работает много, не дает себе отдыха. Пишет новую книгу...

Галактион Николаевич, будучи в гостях у старого учителя в г. Николаеве, спел старинный романс «Я встретил вас, и все былое...». Топоров сначала прослезился, а потом принялся ругать Пьянкова: не ту специальность выбрал, на оперную сцену надо было идти...

Удивительно иной раз переплетаются судьбы людей! Отец космонавта-2 Степан Павлович Титов писал Андриану Топорову 19 октября 1961 года: «Моему учителю, которому я обязан всем, на что я способен и что умею». Его сын Герман присоединил к этому свою подпись и лаконично добавил: «И я тоже». Те же слова с полным основанием может сказать и Галактион Пьянков.

В Очере наш земляк обычно бывает не один раз в году. Возвращаясь из командировки в Сибирский филиал Академии наук СССР или из отпуска, который чаще всего проводит на юге, он не упускает случая заехать в родной город. Нынешней весной, будучи по служебным делам в г. Кирове, «дотянул» и до Очера. В сентябре отдыхал и лечился по курсовке в Кисловодске. В конце месяца самолетом улетел оттуда раньше срока. Три дня ходил по очерским улицам, посмотрел, как идет ремонт плотины и строительство новой дамбы у ремзавода.

Накануне отъезда, как всегда, зашел в редакцию, а поскольку приближался День учителя, газетчики с ходу взяли гостя «за бока»: надо написать о том из преподавателей, кто оставил самый глубокий след в его жизни.

Времени оставалось в обрез, и пришлось в творческих муках, по собственному выражению Пьянкова, просидеть за письменным столом до трех часов ночи. Написал, конечно, о Топорове, и не сухим казенным, языком, а по обыкновению живо, ярко, интересно. К слову заметим, что это – третье его выступление в районной газете по просьбе редакции за последние два года.

Что еще можно успеть за три дня?

Спел своим землякам несколько песен. Только сейчас — не со сцены клуба или в школе, а на магнитофонную пленку. Встретился с некоторыми одноклассниками. А их, кстати, в Очере пятеро и в Павловском двое. Все тринадцать выпускников 1938 года по разным причинам нынче не смогли собраться все вместе и торжественно отметить 30-летний юбилей со дня окончания средней школы. Встречу перенесли на будущий год. Добавим в скобках, что ни один из тринадцати не остановился на общесреднем образовании: девять окончили институты, четверо – вечерние техникумы.

Человек большого личного обаяния, выпускник с аттестатом номер один идет по двум столбовым дорогам жизни: дорогам науки и искусства. Его научные работы широко известны в мире ученых. А звонкие песни уральского «соловья» транслируются по украинскому радио с 1952 года, облетели всю страну и перешагнули рубежи.

74. Чудинов, С. В тылу врага / С. Чудинов // Знамя труда. – 1968. – № 136. – 12 ноября.

На временно оккупированной врагом нашей территории по призыву партии разгорелось пламя партизанской войны. Население тайно и открыто вело непримиримую борьбу с гитлеровскими захватчиками.

Для организации партизанского движения за линию фронта направлялись небольшие группы подготовленных людей. С одной из таких десантных групп в количестве 35 человек вылетел из Москвы и я весенним вечером 1943 года.

Мы благополучно приземлились в лесах Белостокской области (Польша) и начали боевые действия. Вскоре весть о нас быстро распространилась по окрестным городам и селам. К нам шел народ. Приходили целыми семьями, хуторами и деревнями становились партизанами. Нами также были организованы групповые побег из лагерей военнопленных в городах Волковыске, Белостоке, Гродно и других. Из малочисленной горстки в три десятка десантников к июлю 1944 года выросла партизанская бригада. Мы назвали ее именем Кастуся Калиновского. В нее входило 8 отрядов общей численностью около 3,5 тысячи человек.

Бригада проделала большую боевую и диверсионную работу. Взорвано и спущено под откос 117 военных эшелонов противника, уничтожено 8 больших железнодорожных мостов, 181 километр телефонно-телеграфной связи, 38 автомашин, подорвано три крупных электростанции, находившихся в руках врага. В боях и при крушениях убито 7324 гитлеровца, 38 ранено, 131 взят в плен.

В Белостоке успешно действовал организованный нами антифашистский комитет во главе с Зоей Чапник.

Оттуда на нашу сторону перешли три немца — директора трех крупных ткацких фабрик. Эти немцы прибыли к нам вместе с семьями, принесли план обороны Белостока, принесший большую пользу. Мы их отправили в Москву. Сейчас они живут в ГДР, находятся на руководящей работе.

Очень много жарких схваток с врагом провели наши комсомольско-молодежные боевые группы. Однажды нам стало известно, что в местечко Дятлово поступило много зимнего обмундирования для немецкой армии.

Группе девушек-комсомолок во главе с Галей Дойнеко поручили уничтожить этот склад. Разработанный план операции девчата блестяще выполнили. Сделали они так.

В воскресный день поехали на базар в Дятлово, термитными шарами зажгли нужный объект и преспокойно удалились. Склад с обмундированием горел весь день. Сгорело все дотла. Девушки, радостные и гордые, доложили о выполнении задания.

Во всех отрядах нашей партизанской бригады были созданы первичные партийные и комсомольские организации. Они росли день ото дня, направляя боевую деятельность народных мстителей, проводя большую политическую работу.

Подпольные группы железнодорожников в Белостоке и Гродно закладывали в каменный уголь самодельные мины, и паровозы в пути следования взрывались.

А какое воздействие на местное население производило наше появление в населенных пунктах! Например, приходим ночью в деревню, включаем свою радиостанцию, все жители сбегаются слушать последние известия из Москвы.

Были у нас и большие потери. В лесной землянке возле Гродно героически погибла группа из шести человек во главе с командиром отряда "Комсомол Белоруссии" сибиряком Костей Бондаровским. На шоссе Гродно-Берестовица сейчас стоит обелиск в честь партизан-героев из этой группы. При прорыве вражеского кольца погиб начальник разведки отряда «Комсомол Белоруссии» Саша Александров. Уничтожая деревянный мост через реку Свислочь, отдал свою жизнь командир отряда "Звезда" Миша Казаков. Сейчас в деревне Индура поставлен ему памятник.

В праздничные дни, 1 мая, 7 ноября 1943–44 годов, бригада народных мстителей объявляла рельсовую войну, и все отряды выходили на железную дорогу Белосток-Волковыск или Белосток-Гродно. Рельсы снимались на десятках километров. Движение вражеских эшелонов прерывалось.

Мы старались делать все, чтобы днем и ночью не было покоя оккупантам, чтобы земля под их ногами горела.

75. Рязанов, Н. Три страницы одной жизни / Н. Рязанов // Знамя труда. – 1968. – № 137. – 14 ноября.

1

Отзвуки далеких битв Великой Отечественной войны к началу лета 1943 года докатились в Очер более зримо, чем прежде: колонной автомашин с прибывшими на них ранеными.

Их встречали чуть ли не все очерцы, и каждый, у кого родные и близкие сражались на фронте, втайне от себя надеялся если не встретить в этот день своего мужа, отца, сына, брата, то уже во всяком случае рассчитывал получить от них добрую весточку. Сотни рук потянулись к машинам, бережно снимая раненых, помогая им добраться до палат в здании средней школы. Бойцы и командиры, пролившие свою кровь в жестоких боях с фашизмом, потом признавались, что не ожидали столь теплого приема в глубоком тылу, где и пороку не нюхали со времен гражданской войны.

Ветер военной судьбы забросил в уральский городок (тогда еще рабочий поселок) русских и татар, украинцев и сибиряков, узбеков и армян. Здесь они успешно лечили свои раны, и сама природа помогала этому. Способные ходить гуляли в сосновом бору, купались в пруду, загорали на острове, причем однорукие, бывало, с такой отвагой ныряли в воду, что у сопровождавших их работников госпиталя от страха сердце обрывалось.

Дважды за лето легкораненные выезжали в ближайший колхоз на сенокос и уборку урожая. Туда рвались с особым желанием, от претендентов отбою не было. Фронтовики соскучились по мирному труду, каждому хотелось по мере сил своих приложить руки. Да и госпитальный паек был скудноват, а в деревне, работая на свежем воздухе, вкусно и досыта питаюсь, раненые шли на поправку не по дням, а по часам.

В пермском батальоне выздоравливающих, говорят, утверждали, что из Очеры для фронта тем летом шло самое здоровое пополнение.

Среди работников госпиталя в Очере была и Анна Андреевна Косых. По штату она числилась секретарем-машинисткой, но успевала многое: вышивала для раненых кисеты, писала письма, читала газеты, водила в кино, возила на остров, на работу в колхоз, сама с детства с большим трудом передвигаясь из-за больных ног. Она отдала в полное распоряжение своим подопечным собственные баян, гитару и балалайку.

К сентябрю сорок третьего года госпиталь из Очеры перевели, соединив его с Верещагинским. Уезжавшие очень тепло прощались с гостеприимными жителями, многие оставили свои домашние адреса, писали с фронта.

...Комсомолке с 1925 года А. А. Косых всю жизнь везло на живую работу с людьми. В юности она была членом райкома ВЛКСМ, избиралась делегатом на различные конференции.

2

...Вьюжным вечером поехали в Верещагино на комсомольскую конференцию (там тогда был районный центр), и пока полуторка отважно пробивалась сквозь сугробы, кончился бензин. 12 часов ночи... Что делать? Парни и девчата ушли пешком, Анна же – ходок плохой, осталась в кабине, укрылась тулупом. Шофер Костя Кремлев (сейчас пенсионер, живет в Очере) ушел за горючим, пообещав скоро вернуться,

Сначала в кабине было тепло, потом подкрался холод, за ним пришло безразличие. Сверлила одна мысль: «Как бы не уснуть... не уснуть... спать нельзя... нельзя...».

Ни много, ни мало, а ровно полсуток прошло, пока Костя привез на подводе бочку бензина. Откапывая занесенную снегом кабину, не одно крепкое послание отправил в адрес богов, проклинал и свою шоферскую судьбу, и собственное легкомыслие. Увидеть пассажирку живой после 12-часовой отлучки он не надеялся. Стал отогревать ее у костра. Обошлось...

В тридцатые годы, после окончания учительского института, Анна Андреевна преподавала историю в Очерском педтехникуме и вела большую общественную работу.

3

А последние 20 с лишним лет ее знают как нотариуса. В 1948 году, когда пришла пора открыть в Очере нотариальную контору, возглавить ее поручили бывшей комсомолке, с 1942 года коммунистке Анне Косых.

И поехала она учиться новому делу к областному нотариусу. В ее кабинете жила несколько месяцев, ибо квартиры или места в общежитии не было. Денег на обед или ужин – зачастую тоже. Днем наблюдала за приемом посетителей, а вечером читала пухлые тома по законодательству. На столе и спала, подложив под голову свой портфель и укрывшись пальтишком. Потом, уже работая в Очере, заочно закончила в 1952 году Свердловскую юридическую школу.

С первых шагов на новом поприще она задумалась: нельзя ли сократить время на составление документов? (Они писались от руки с первого до последнего слова). Оказалось, можно, если отпечатать в типографии форменные бланки на все необходимые случаи, по которым обращаются к нотариусу. Так и сделала.

Какой бы скромной, на первый взгляд, ни была работа, она не остается незамеченной. Труд Анны Андреевны отмечен Почетной грамотой Президиума Верховного Совета СССР.

Выходила с этой работы на пенсию, отдыхала пять лет, еще больше окунувшись в общественные дела. Потом ее попросили временно, месяца два, снова поработать в нотариальной конторе. Второй год пошел с тех пор, и забыла Анна Андреевна о своем пенсионном возрасте, чувствуя себя словно родившейся заново, по-прежнему в свои 62 года успевая делать многое по прямой и общественной линиям.

К 50-летию Октября Анна Андреевна провела большую работу по истории родного города, собрав много редких фотографий, интересных документов, воспоминаний участников гражданской войны и становления Советской власти, превратив свою квартиру в штаб ветеранов; заказала на свои личные сбережения в Пермской типографии большой альбом в алом переплете с золотым тиснением. Оформление альбома еще не окончено: нужен хороший художник. Анна Андреевна надеется довести дело до конца и передать альбом краеведческому музею.

76. Рязанов, Н. Автограф Якова Пирожкова / Н. Рязанов // Знамя труда. – 1968. – № 139. – 19 ноября.

Усталые и, казалось, насквозь пропыленные, подошли они к поверженному рейхстагу. С удовлетворением взглянули на стены и колонны, густо испещренные надписями советских воинов-победителей.

Каждый из друзей – уралец, сибиряк, москвич, четвертый – из Ивановской области – с трудом отыскивали свободные местечки. Кто-то даже залез повыше.

А наш земляк на уровне глаз перочинным ножом мелкими буквами нацарапал: «Да здравствует Победа!» Немного подумав, добавил свою фамилию. И поставил точку. Шел пятый день мая 1945 года.

До этого сержант Яков Пирожков три года «расписывался» огненным почерком и ставил «автографы» на вражеской технике, превращая ее в металлический лом и вколачивая в землю. Среди

берлинских руин он мысленно оглянулся на пройденный путь от Сталинграда через Курскую дугу и Прибалтику до логова врага.

Перед войной уроженец деревни Ромаши занимался самым мирным делом: пахал, сеял, убирал урожай на колхозных полях. Летом и зимой сорок первого года 18-летний сельский комсомолец в народном ополчении и всевобуче в Очере изучал нехитрое устройство 82-миллиметрового батальонного миномета, а практику стрельбы отрабатывал в полях за деревней Березово.

На фронте его оружием стала грозная «Катюша» – «прабабушка» современных мощных ракет. Командир отделения, помкомвзвода... Кандидатский стаж в члены партии коммунистов с честью проходил в суровых боях. Выдержал и жестокие бомбежки, и удары хваленых королевских «тигров», и близкие разрывы самолетов-снарядов «ФАУ-2». Установки в подразделении, где воевал Пирожков, дважды вдребезги разбивало при вражеских артоналах – под Курском и на Зееловских высотах за Одером.

Бывал Яков и легко раненным, и контуженным, и засыпанным землей. За месяц терял речь и слух. Подлечившись при своей части, снова принимался за трудное солдатское дело.

...Подразделение гвардейских минометов при наступлении наших войск послали в тыл противника. Автомашины скрытно двинулись туда вдоль извилистой речки, не раз перетаскивая одна другую с помощью лебедек с берега на берег. Люди обвязались гроздьями гранат, техника на всякий случай тоже была заминирована.

Трое суток гвардейцы–минометчики пробивали брешь в обороне гитлеровцев. Потом успешно громили тылы врага, прошли на запад более ста километров и под Ригой встретились с соседней армией. За мужество в этих жарких схватках Яков Пирожков награжден орденом Отечественной войны второй степени.

Нелегким трудом давались на войне награды. Орден Красной Звезды появился на груди уральца после того, как он и его соратники вступили в единоборство с контратакующими танками и пехотой противника. Зарыв передние колеса своих машин в землю, бойцы повели стрельбу прямой наводкой, не отступая ни на шаг, не меняя огневых позиции. Дистанция до целей была настолько малой, что направляющие рельсы боевых установок своими передними концами оказались по уровню даже чуть ниже задних. Реактивные снаряды с визгом и скрежетом срывались с направляющих и хвостатыми кометами, оставляя огненные росчерки, сериями летели навстречу врагу. И тот не выдержал лобовой дуэли. Контратака его захлебнулась. Таких эпизодов в памяти солдатской сохранилось много.

Пройдя сквозь все это, воин-коммунист Яков Пирожков с сознанием честно выполненного долга поставил автограф на стене рейхстага. К этому зданию он приходил не раз: его воинская часть целый месяц стояла неподалеку.

Но последнюю точку ставить оказалось рано. Пирожков воевал и на Первом Дальневосточном фронте, дошел до Харбина, а демобилизовался из Северной Кореи в 1947 году.

И снова мирный труд. Был трактористом, комбайнером. Сейчас Яков Петрович – заведующий фермой и бригадир комплексной бригады в Верещагинском отделении колхоза «Дружба».

77. Ощепков, М. Выполняя интернациональный долг / М. Ощепков // Знамя труда. – 1968 – № 146. – 5 декабря.

В составе советских войск мне довелось побывать в Чехословакии. Наша воинская часть находилась там почти три месяца. Сейчас мы снова на родной земле, и я получил краткосрочный отпуск. И вот приехал домой, в поселок Павловский, где несколько лет назад окончил 11 классов дневной школы, потом работал токарем на заводе имени Мясникова.

Мы ушли с территории братской Чехословакии, выполнив свой интернациональный долг. Но там, согласно заключенному между нашими странами договору, временно еще остаются советские войска. Остаются, чтобы помочь чехословацкому народу нормализовать положение, чтобы окончательно похоронить коварные замыслы врагов социализма о «тихой контрреволюции» в этой стране.

А в том, что такая угроза существовала, мы имели возможность лично убедиться.

Едва перешли границу, навстречу нам попался избитый пожилой чех. Он оказался жителем ближайшей деревни, членом сельскохозяйственного кооператива. А избил его враги за то, что он, будучи коммунистом, открыто высказался за дружбу с Советским Союзом и выразил радость по случаю прихода Советской Армии.

Но не везде нас так встречали. На своем пути мы видели антисоветские листовки, лозунги и плакаты, слышали злобные выкрики подозрительных молодчиков: «Оккупанты!».

...Головной танк нашей колонны зашел в деревню. И тут чуть ли не под гусеницы навстречу неожиданно бросилась группа длинноволосых парней, которых мы прозвали «манечками». Механик-водитель, не имея возможности сразу остановиться, свернул в сторону, и танк ударился в угол кирпичного дома. Все члены экипажа получили серьезные ранения. На другой день неизвестные обстреляли нашего часового. Потом новая провокация: листовки и радио контрреволюционеров объявляли, что между советскими и болгарскими войсками начались вооруженные стычки.

Однако у нас оказалось и немало искренних друзей. Я служил в комендатуре одного из населенных пунктов в двадцати километрах от Праги и видел, как к советскому коменданту обращались за помощью местные власти и жители, а некоторые, рискуя жизнью, помогали нам выявлять подпольные радиостанции, называли адреса тайников оружия.

Состоялась у нас довольно бурная дискуссия и со студентами из Праги, приехавшими в село на уборку хмеля. Они пытались утверждать, что никакой контрреволюции в Чехословакии нет, но у нас под рукой были сотни фактов, убедительно доказывающих обратное.

Студенты оказались неважно подкованы политически, шли они на поводу у буржуазной пропаганды, не видя, что творится в их собственной стране, забыв, что на чешской и словацкой земле лежат 140 тысяч наших дедов, отцов и старших братьев, отдавших свою жизнь за освобождение Чехословакии от фашизма.

Вот это мы студентам терпеливо растолковывали, напомнили об интернациональном долге и т. д.

78. Семенин, Р. «Убит под Псковом...» / Р. Семенин // Знамя труда. – 1969. – 28 января.

В газете «Знамя труда» от 20 февраля прошлого года было опубликовано письмо Н. Ломовой под заголовком «Убит под Смоленском». Автор призывала всех очерцев побывать на местах захоронений своих родных, погибших на фронтах Великой Отечественной войны.

Ее обращение заслуживает, внимания, и меня, например, оно очень взволновало. Мой отец с первых дней войны был на передовой в должности заместителя командира стрелкового батальона по политчасти. В одном из боев получил тяжелое ранение и скончался от ран в полевом госпитале 17 апреля 1943 года. Похоронен в Усвятском районе Псковской области.

Недавно я побывал на братской могиле, в которой захоронен отец. Содержится она в порядке, отмечена памятным обелиском. К сожалению, обелиск этот, как и многие другие, безымянный. А ведь в Министерстве обороны можно навести справки о фамилиях погибших.

Со своим предложением я обратился через местную районную газету, и Усвятский райком КПСС поддержал его. Началась кампания за конкретизацию обелисков славы.

Край, на землях которого когда-то бушевало пламя войны, стал неузнаваем. Районный центр Усвята был разрушен до основания. Сейчас он восстановлен и стал намного краше. Благоустраиваются населенные пункты совхозов и колхозов, их экономика поднимается с каждым годом.

Почтим память своих родных, погибших в священной войне с фашизмом.

79. Рязанов, Н. Голос из сорок третьего / Н. Рязанов // Знамя труда. – 1969. – № 23. – 22 февраля.

Включена радиола – и в комнату врывается суровое дыхание войны. Негромкий голос сдержанно повествует о нестигаемом мужестве защитников Ленинграда, их решимости и впредь сражаться с врагом до полного его истребления.

Автор говорящего письма – Федор Григорьевич Гомзяков, капитан запаса, бывший артиллерист и участник обороны великого города на Неве. В сорок третьем году, тяжелораненый, лежал он в одном из госпиталей осажденного Ленинграда.

Однажды в палату вошел комиссар и предложил всем желающим отправить родным говорящие письма. Не отказался и 20-летний офицер Федор Гомзяков.

Его на носилках перенесли в другую комнату, включили аппаратуру, и молодой воин начал диктовать письмо своим родителям в Очерский район.

Не знает Федор Григорьевич, как оно доставлено из блокады. Может, самолетом, а может, по ледовой «дороге жизни» через Ладогу. Но оно пришло на Урал.

И сейчас, спустя 26 лет, эта гибкая пластинка бережно хранится у автора как самая дорогая реликвия. Внешний ее вид изрядно пострадал. Пластинка, как говорится, чуть дышит, но голос звучит четко. Говорящее письмо Ф. Г. Гомзякова передано по местному радио.

Ныне Ф. Г. Гомзяков работает уполномоченным «Вторчермета» при Очерском райисполкоме.

80. Боярко, А. Все для фронта, все для победы! / А. Боярко // Знамя труда. – 1969. – № 23. – 22 февраля.

В годы Отечественной войны комсомольцы и молодежь Очерского машзавода вместе со своими старшими товарищами ковали победу на трудовом фронте. В 1941–1945 гг. 80 проц. работающих на заводе составляла молодежь в возрасте от 15 до 23 лет. В то суровое время комсомольцы не знали усталости, они работали у станка по 12 часов в сутки. Ребята и девчата знали: это нужно для фронта, это нужно для победы. Трудовой энтузиазм молодых не знал предела.

Молодежь создавала комсомольские фронтовые бригады. В каждом цехе таких было несколько. А в самом большом – механическом насчитывалось 16 комсомольских фронтовых бригад. Ими руководили комсомольцы А. Рудометова, М. Ипанова, Л. Шкуропат и другие.

В военное время родилось и такое начинание, как комсомольско–молодежная смена. Этой сменой руководил комсомолец Кронид Мельников. Молодежь смены всегда выполняла и перевыполняла сменные задания, за что очень часто получала переходящее знамя. В механическом цехе также была создана «цепочка» по обработке мин для минометов. Здесь работали только комсомольцы и молодежь завода. Руководила этим ответственным участком комсомолка Галина Бурдина. Основную часть заводской комсомолии составляли девушки.

В механическом цехе был создан участок фрезерной обработки деталей, где изготавливали детали для «катюш». В первом отделении этого цеха работала исключительно одна молодежь. Их вожаком в то время была Фаина Зеленина. Не было в этом цехе такого случая, чтобы сменное или месячное задание не было выполнено.

Самоотверженно трудились на своем посту комсомольцы литейного цеха. Здесь было создано 6 комсомольских фронтовых бригад. Комсоргом цеха был Николай Чазов.

Очень трудно приходилось ребятам, работающим на отливке мин. Техники в то время никакой не было, и вся работа проделывалась

вручную. Даже загрузка вагранки и отливка чугуна делались вручную. Чугуна не хватало, комсомольцы собирали металлолом для переплавки в чугун. Даже пришлось снять плиты с ограды сада. Рабочие завода работали под лозунгом «Все для фронта, все для победы!». Комсомольцы и молодежь отработывали смены сверх нормы, средства перечислялись на постройку самолетов, танков. Проводились сборы теплых вещей для воинов.

Комсомольские смены соревновались между собой. Лучшей из них присуждалось переходящее Красное знамя заводского комитета комсомола. Лучшему комсомольцу вручался переходящий красный вымпел. Бригады ежемесячно отчитывались на заседании комитета комсомола о своих делах, там же бригадам присуждались места. Комсомольская организация завода готовила воинов для фронта. Лучшие комсомольцы отправлялись на защиту Родины. Был подготовлен большой отряд лыжников для лыжного батальона. В первых рядах на фронт ушли комсомольцы А. Сальников, Г. Колчанов, Ю. Бессонов, С. Мальцев, Ф. Плотников и другие.

Наш советский народ одержал победу в Отечественной войне, и немалая заслуга в этом очерских комсомольцев.

81. Рязанов, Н. Награда нашла героя / Н. Рязанов // Знамя труда. – 1969. – № 26. – 1 марта.

Вражеский самолет, резко снижаясь, готовился расправиться с одинокой машиной. Рев мотора слился с пулеметной очередью. На пыльной дороге перед радиатором завихрились земляные фонтанчики. Шофер резко бросил машину в сторону...

Так повторялось не один раз. Фашист попался упорный, но и уральский шофер был не из нервных. Он расчетливо крутил баранку, давал «газку», резко тормозил и снова рвался вперед. Рядом сидел его командир, который зорко следил за стервятником и подавал команду, куда уклониться от свинцового ливня. Произошло это в Румынии в 1944 году.

Гитлеровский ас после нескольких заходов на атаку остался с носом: машина скрылась в роще. Но шофер был тяжело ранен (командир остался невредим). Больше года он лечился в госпиталях и не знал, что за этот подвиг его представили к награде.

И вот спустя 25 лет медаль «За боевые заслуги» нашла героя. На торжественном заседании в клубе машзавода, посвященном 51-й годовщине Советских Вооруженных Сил, райвоенком С. Т. Анурьев вручил боевую награду шоферу Очерского райкома КПСС Николаю Васильевичу Лушникову.

82. Тельканов, С. А. По путям-дорогам фронтовым : [из фронтовых дневниковых записей] / С. А. Тельканов // Знамя труда. – 1969. – № 56-57. – 8 мая.

Сергей Алексеевич Тельканов родился в 1911 году в рабочем поселке Майкор, ныне Юсьвенского района Пермской области. В 1926 году семья переехала в Очер, уроженцем которого был глава семьи Алексей Васильевич, работавший землемером.

В 1929 году Сергей Тельканов окончил Очерскую школу второй ступени и работал библиотекарем рабочего клуба, инспектором районо, секретарем комсомольского комитета Павловского завода и заместителем секретаря Очерского райкома ВЛКСМ.

С 1931 по 1941 год он жил в Свердловске и работал в молодежной газете «На смену».

Великую Отечественную войну С. Тельканов начал рядовым инженерного полка, затем стал военным корреспондентом и заместителем редактора дивизионной газеты, а с мая 1944 года работал во фронтовой газете «Суворовский натиск».

Боевой путь С. А. Тельканова – Сталинград и Орловско-Курская дуга, Украина и Молдавия, Румыния и Югославия, Венгрия и Чехословакия, Австрия и Маньчжурия. Имеет 13 правительственных наград. Член КПСС с 1943 года.

Литературным творчеством увлекся еще в школе, где организовал первый в Очере литкружок. Печатался во многих журналах и альманахах. Вышли отдельными изданиями его сборники стихов «Фронт», «Пути-дороги», поэма «Знамя полка» и другие произведения.

Сергей Алексеевич – член Союза писателей СССР. Живет и работает в г. Хабаровске. Изредка навещает Очер, где проживают его сестра Татьяна Алексеевна, бывшая учительница средней школы № 1, и другие близкие родственники.

Все эти данные нам сообщил общественный директор Очерского краеведческого музея А. В. Нецветаев. Он же любезно предоставил для газеты фотоснимок нашего земляка.

На этой странице мы публикуем отрывок из фронтовых дневниковых записей военного корреспондента Сергея Тельканова. Полностью они печатались в еженедельнике «Литературная Россия» в декабре 1967 года.

Вршац – небольшой сербский городок, напоминающий своими прямыми, ровными и широкими улицами наши русские города. У жителей – приподнятое, праздничное настроение.

Всюду советские и югославские флаги. Очень много пятиконечных звезд и звездочек – эмалевых, подаренных нашими солдатами, вырезанных из красного материала, из кожи и даже из церковной парчи. Они — на лацканах пиджаков, на рукавах и головных уборах, на окнах домов и витринах магазинов.

На отдельных зданиях – следы войны: отметины, оставленные пулями и снарядами. Вот разрушенное здание гимназии. Вот казармы, в которых размещались части гитлеровской дивизии «Викинг».

На стене нарисованы танки с черными крестами на башнях. На другой – изречение, написанное по-немецки: «Женщины и лошади должны быть чистой породы».

На центральной площади – могилы наших бойцов и командиров, погибших во время штурма города. Тридцать два человека остались навсегда лежать здесь, в сербской земле. Могилы утопают в цветах, а около них, как изваяния, – скорбные сербские женщины в черных одеждах.

В госпитале обхожу палаты, разговариваю с ранеными. Их здесь много, некоторые привезены сюда из-под Белграда, и у каждого своя фронтовая биография, свой боевой путь. Кто-то воюет с самого начала войны, помнит и Брест, и Смоленск, и Ельню, кто-то пришел сюда из-под Москвы, а кто-то из Сталинграда.

Те, что могли передвигаться, вышли с нами на свежий воздух, и Георгий Сарданов подвел нас к каменной, обшарпанной, словно чем-то избитой стене.

– Это страшная стена, – заговорил он. – Видите, как изрыли ее, будто оспа, немецкие пули. Каждую ночь здесь гремели выстрелы, слышались стоны умирающих, каждую ночь расстреливали тут коммунистов, партизан и тех, кто им помогал. Много крови пролито у этой стены, как много ее пролито по всей нашей стране.

Есть у нас такой город – Крагуевац. Только одних студентов в нем расстреляно более семи тысяч. Расстреливали так: прикончат сто человек, выпьют, закусят и снова хватаются за автоматы. Отступая из старого Беча, захватчики перед каждым домом повесили серба. А сколько убито в Белграде, Любляне, Загребе, Великой Кикинде!

Долгое время я находился в концлагере. Каждый день в нем умирало по 50–60 заключенных. Больных фашисты просто пристреливали на нарах. Помню, как убили первого молодого русского – Ивана Симонова. Его расстреляли перед строем. Как расправились с другим русским – Хабаровым. Этого сначала избили дочерна, а потом пристрелили.

Долго говорил еще Георгий Сарданов. Слушали старого серба раненые, хмурились их лица, а перед глазами вставали другие страшные картины. Видел Павел Романенко свой разрушенный, черный Воронеж, вспоминал Василий Гарбунов свой Николаев, а Михаил Панкратов – родную Витебщину.

Когда я вернулся в управу, мои товарищи собирались к Матею Матеичу, который пригласил нас обедать. Несколько часов провели мы в уютном особняке, беседуя о жизни, о войне, о скорой победе. В открытое окно из сада струился аромат осени, за садом виднелся небольшой виноградник.

Сам хозяин, в прошлом офицер сербской армии, тоже был в плену у гитлеровцев. Сын, чтобы не попасть к ним в лапы, скитается где-то за границей. Старшая дочь живет с мужем в Белграде.

Увидев на стене большой портрет красивой девушки в траурной рамке, кто-то из нас спросил:

– А это кто?..

Лицо Матея Матеича потемнело. Рука его жены потянулась к платочку, а затем – к глазам.

– Это наша вторая дочь, – тихо сказала она. – Но ее уже нет...

И еще одна трагедия войны встала перед нами. Росла в этом маленьком сербском городке веселая попрыгунья Мила. Училась, бегала с подружками по улицам, была не из робкого десятка: дружила с воздухом, считалась одной из лучших планеристок Сербии.

Война захлестнула этот небольшой городок, загромыхала гусеницами фашистских танков, затопала коваными сапогами швабов, загремела выстрелами у той страшной каменной стены.

Захлестнула она и домик, в котором жила веселая планеристка Мила. Пропал без вести отец, пропал без вести брат, не было совсем писем из Белграда, и сама Мила по суткам не являлась домой. Где она пропадала, чем занималась – это было известно только ей одной. На вопросы матери она отвечала коротким четким словом: «Надо!»

А на улицах городка то появлялись листовки, рассказывающие правду о войне, то фашистские патрули находили своих убитых солдат и офицеров. И мать начала понимать, чем занимается, где пропадает ее дочь. Темными ночами она не смыкала глаз, прислушивалась к каждому шороху, ожидая чего-то страшного, непоправимого.

И оно, это страшное, непоправимое, пришло. Милу схватили, бросили в машину и увезли. Долгое время о ней не было ничего известно. Потом до матери дошли слухи, что в ясный июльский день стояла она в ряд с другими на базарной улице города Панчево и теплый летний ветер шевелил ее светлые волосы, покачивая веревочную петлю над ее головой.

– Она оттолкнула палача, – продолжала мать, – и крикнула: «Живио, Россия, живио, Югославия!» И сама накинула петлю. Она умерла, как ваша Зоя...

Когда мы прощались, эта еще нестарая женщина, которую горе сделало маленькой и сухонькой, подала нам сложенную вчетверо бумажку:

– Вот адрес. Если разыщете в Белграде нашу старшую дочь, скажите, что мы живы. Может быть, и о Миле что-нибудь узнаете...

И еще одно событие. На следующий день мы последний раз гуляли по Вршацу, ибо Вася Тищенко заверил нас, что к утру наш транспорт будет готов.

Около одного из домов стояли необычные солдаты. Четверо молодых смуглых парней, одетых во все немецкое, вооруженных немецкими автоматами и парабеллумами, увидев нас, вытянулись,

приложили руки к пилоткам, на которых алели красные звездочки. Потом они заулыбались, замахали руками, приглашая нас войти во двор.

Так счастливый случай привел нас в сербский партизанский отряд, принимавший участие в освобождении города. После боев ему была дана передышка: он приводил себя в порядок и принимал пополнение.

83. Бояршинов, Ю. Свидание с Родиной / Ю. Бояршинов // Знамя труда. – 1969. – № 58. – 13 мая.

Радости в этот праздничный день 2 мая в доме № 81 по улице Революционной в Очере было много. Воспитательница спецшколы, в прошлом участница Великой Отечественной войны и комсомольский работник Серафима Васильевна Бояршинова и ее мать Раиса Васильевна встречали сына и внука, приехавшего из армии на короткую побывку.

Юрий Бояршинов до призыва окончил Очерскую среднюю школу № 1, работал слесарем–сборщиком на машиностроительном заводе, инструктором райкома комсомола, учился в вечернем техникуме и с четвертого курса ушел в армию. Продолжать учебу твердо намерен после демобилизации нынешней осенью.

Сейчас он – отличник Советской Армии, активный участник войсковой художественной самодеятельности, в отпуск прибыл поощрению за добросовестную службу. День Победы Юрий встретил в Очере, выступил 9 мая на пионерском параде.

Ниже публикуется рассказ воина-отпускника, написанный для «Знамени труда».

* * *

Оформлены отпускные документы, собраны немудреные солдатские вещички, душа ликует – отпуск на родину! Кто из солдат не мечтает о нем!?

Короткое прощание с друзьями, доклад дежурному по части, и ноги сами выносят меня за контрольно-пропускной пункт. С этого мгновения я считаюсь в краткосрочном отпуске.

Колеса поезда стучат:

– Домой! Домой!

Вспоминается все: начало службы, преодоление упорным трудом и учением первых солдатских рубежей и трудностей армейской жизни, размеренные до минут будни, редкие часы досуга.

Потом – мысли о том, как увижу свой дом, друзей, завод. Что изменилось в Очере за полтора года моего отсутствия? Какой будет встреча с девушкой, которая меня ждет?

Станция Верещагино. Ночь. Транспорта что-то не видать. А до Очеры рукой подать. Думаю: «Не солдат я разве? Не такие расстояния преодолевал когда-то»... Командую сам себе, беру, как говорится, ноги в руки и пошел километр за километром. Остается позади знакомая дорога,

звезды высыпали на темном небе яркими алмазами, луна подсвечивает мне дорогу – дорогу домой.

Короткий привал по всем правилам военного искусства — и снова в путь. И вот уже с пригорка вижу далеко внизу огни родного города. Кажется, к нему я шел все это время, все полтора года моей солдатской службы. С удовольствием вдыхаю запахи родных мест.

Еще немного – и я на своей улице. Показался мой дом, где ждут меня мама и бабушка. Все до боли знакомо и радостно. Наконец я дома. В это теперь уже можно окончательно поверить – только теперь, а час назад еще верилось плохо.

Впереди десять дней отпуска, встречи с друзьями, с заводом. За этот маленький срок надо очень многое успеть сделать. А потом еще полгода службы, увольнение в запас и «капитальное» возвращение домой. Но этот отпуск навсегда останется в памяти, как самое дорогое, чистое и светлое свидание с родиной.

84. Николай Александрович Бояршинов : [некролог] // Знамя труда. – 1970. – № 21. – 17 февраля.

На 72-м году ушел из жизни активный участник гражданской войны, пенсионер Н. А. Бояршинов.

Николай Александрович родился в 1898 году в деревне Верещагино в крестьянской семье. В составе чрезвычайно-следственного отряда по борьбе с контрреволюцией он утверждал Советскую власть в селах Прикамья. С созданием регулярных частей Красной Армии Н. А. Бояршинов вступил в ее ряды, участвовал в подавлении контрреволюционных мятежей в фортах Красная Горка и Серая лошадь. Весной 1919 года он назначен членом военно-революционного трибунала.

Позднее, на Южном фронте, Николай Александрович был ранен в бою. После госпиталя снова боролся с бандитизмом на Кубани, служил в продотряде. В 1922 году демобилизовался, вернулся в д. Верещагино.

С началом коллективизации Н. А. Бояршинов активно помогает в создании сельхозартели «Искра» в родной деревне. В 1929 году его избрали председателем колхоза. Затем он работал председателем Павловского поселкового Совета, лесником, мастером на лесозаготовках Очерского участка треста «Уралзападлес».

После войны вновь избран председателем колхоза «Искра». Неоднократно избирался депутатом сельского и поселкового Советов. Награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». За заслуги на фронтах гражданской войны Николай Александрович в 50-летний юбилей Советской власти награжден орденом Боевого Красного Знамени.

Светлая память о Н. А. Бояршинове навсегда сохранится в наших сердцах.

Группа товарищей

85. Денисов, А. Три войны за спиной / А. Денисов // Знамя труда. – 1970. – № 23. – 21 февраля.

Поезд набирал скорость. Скрылись из виду вокзальные постройки, а вскоре и сам Комсомольск-на-Амуре остался где-то позади. Не знал тогда Виктор, как сложится его дальнейшая судьба, что выпадет на его долю, сколько верст придется пройти суровой военной дорогой, начиная от озера Хасан и кончая польской границей.

...Сопки, похожие одна на другую в предутренней туманной дымке, словно перестроились в шеренгу, как те необстрелянные юнцы, которые всего несколько часов назад прибыли на передовую. Строй новичков замер, вбирая в себя настороженную тишину переднего края обороны. Справа от него стоят такие же, как и он сам, не нюхавшие порошу, два

дюжих уральских парня из Краснокамска. Вместе призывались, вместе переносили тяготы и лишения армейской жизни.

Июльское солнце медленно начало подниматься из-за соседней гряды, словно чья-то сильная и невидимая рука выталкивала его на чистое без единого облака небо. В этот ранний час все еще спало: и кромка озера, и холмы, и камни.

Но вместе с первыми лучами на позицию, где успели окопаться бойцы, обрушили шквальный огонь противника. Небо вскоре заволгло дымом пожарищ, воздух пропитался запахом гари и горелого металла.

Японцы возобновили артподготовку, готовясь к очередному, четвертому броску на высоту Заозерную. Рваные столбы взрывов коверкали склоны холмов и судьбы только еще начинающих жить людей. Да, это была настоящая война с убитыми и искалеченными – не та, что проходила на учебных полигонах.

Артиллерия смолкла. Меж кустарников и камней замаячили фигуры в мундирах цвета хаки.

– Подпустить как можно ближе, без команды не стрелять! – послышался голос командира роты капитана Зайцева. Потом он что-то быстро шепнул политруку Коле Новицкому. Тот, кивнув головой, снова припал к окулярам бинокля.

Желто-серая масса надвигалась все ближе. Иногда до слуха долетали отдельные гортанные команды. Нервы напряжены до предела. Противник начал обходить с флангов, не ползком, как прежде, а во весь рост, намереваясь пойти в психическую.

– За Родину, в атаку! Ура!.. – прозвучал голос политрука, и солдаты, сорванные с места какой-то неведомой силой, устремились вниз, навстречу врагу...

Виктор в числе первых врезался в гущу. Круша налево и направо, он увидел, что из-за камня, наперерез политруку метнулась фигура. Но Николай в схватке не видел нависшей над собой смертельной опасности, только как-то странно опустился на землю, по-детски поджав под себя ноги. Виктор рванулся туда.

– Политрука убили, гады! – и он со всей силой вонзил штык во что-то мягкое, на мгновение увидев искаженное судорогой лицо японского офицера.

Случилось это в одном из последних боев на Хасане.

...Снова Комсомольск. А вскоре и демобилизация. Но воинский эшелон, в котором он ехал, дошел лишь до Новосибирска. Из Москвы пришла срочная депеша: «Направить личный состав на финляндскую границу». И опять военная тропа Виктора Ватолина затерялась вдалеке от родных уральских мест. Только на несколько минут, во время остановки эшелона на станции Верещагино, встретился он со своими родными.

Ленинград встретил их осенним дождем и туманом. А через несколько дней вновь сформировавшаяся рота выступила на исходные

позиции. Дошли до финского города Энсо, за которым начиналась нейтральная полоса. Во время боев погибли оба краснокамца.

Разгромив группировку финнов, войска отошли в глубь страны. Но обстановка в мире накалялась. Германская армия подходила к границам Советского Союза. После обращения командования к воинам Виктор твердо решил:

– Остаюсь военным.

И вскоре поступил в Ташкентскую военную школу средних командиров.

Начало 1942 года. Младший лейтенант Виктор Ватолин направлен в действующую армию.

Передовая. Черные столбы дыма подпирают холодное февральское небо. К вечеру командир полка майор Свешников собрал у себя офицеров. Объяснив создавшуюся обстановку, отпустил всех, задержав только Виктора, отдал ему приказ. Задача была не из легких: силами роты прорвать переднюю линию обороны противника, окопаться и ждать подхода основных сил.

Виктор построил роту. Мало было сказано слов, и без них все было понятно. На стол один за другим ложились документы. Пора...

Бесшумно доползли до первого проволочного заграждения. Все спокойно.

– Не заметили, – подумал Виктор, пропуская вперед роту. Так же тихо приблизились и к первому окопу, бесшумно уничтожив находящихся в нем фашистов...

Только утром, поняв, что их линия прорвана, гитлеровцы обрушились на небольшую группу всей своей тяжестью огня. Наши ряды редели, мало осталось боеприпасов, где-то перебило провод связи. Тяжелораненых укрыли в безопасное место, оставив для охраны несколько человек, которые не могли двигаться.

Собрав оставшихся, Ватолин повел роту в последний бросок, туда, где за скрежетом танков еле прослышались вражеские автоматные очереди. Вдруг что-то теплое прикоснулось к его груди...

– В госпиталь, – услышал он первое слово, когда пришел в сознание.

– Жив, – мелькнуло в его голове. – Жив!

Но в госпиталь Виктор не попал – отказался, а через месяц снова вернулся в строй.

Шел 1943-й... После медсанбата Ватолин попал в разведроту командиром взвода. По всему фронту уже велось наступление. Наши войска теснили немцев повсюду.

Городок Демидов. Здесь Виктору навсегда запомнился тот трудный день, когда ему с двумя солдатами было приказано укрепить Красное знамя в занятом немцами городе.

Дважды знамя было установлено над зданием тюрьмы, дважды фашисты сбивали его. И только на третий раз удалось смельчакам добиться своего. Знамя победно заалело над городом. За каких-то пару

часов сильно укрепленный плацдарм фашистов был разгромлен, захвачено много техники, пленных, боеприпасов.

Но не довелось Виктору дойти до Берлина. Осколком от снаряда пробило правую руку и живот. Четыре месяца в прифронтовом и три в Московском госпиталях — вот заключительный этап его военной жизни. Кавалером ордена Красной Звезды и шести других правительственных наград вступил он на порог мирной жизни.

Первое время работал инструктором в районном военкомате — обучал молодежь военному делу. А после окончания войны поступил на работу на Очерский ремонтно-механический завод...

Седина бегло пробежалась по рыжеватым вискам человека. Его руки, по локоть перепачканные огнеупорной пастой, скользят по спусковому желобу вагранки. Печь готовится к выплавке чугуна. Минутная передышка, и снова за работу — время не ждет. Через полчаса первые куски металла лягут на колосники.

За восемнадцать лет Виктором Александровичем Ватолиным выплавлены десятки тысяч тонн металла, внесено много предложений по улучшению методов работы. Осенью прошлого года бывшего воина коллектив ремонтно-механического завода проводил на заслуженный отдых.

86. Проводы добровольцев : к 25-летию победы над фашистской Германией // Знамя труда. – 1970. – № 31. – 12 марта.

2 июля в Очере состоялись проводы добровольцев, уезжающих на фронт. Среди них лучшие производственники Очерского завода тов. Чазов, Боярко, инструктор водолазного дела Рейц и другие.

Перед отправкой в часть активные комсомольцы тт. Боярко, Селиванов, Арбузов, Морозов приняты кандидатами в члены ВКП(б). В своем заявлении в первичную партийную организацию комсомолец Морозов писал:

«Уходя добровольцем на фронт защищать каждую пядь советской земли, я хочу быть в рядах нашей большевистской партии. Высокое звание большевика я оправдаю с честью в боях за Родину».

Приняты в партию перед отъездом в армию тт. Шилов Ф. А., Четин Н. И. и др.

Проводить молодых патриотов собралось много родных, друзей и знакомых. Митинг открыл военком тов. Синицын.

Секретарь РК ВКП(б) тов. Глазов выразил уверенность, что добровольцы, едушие на фронт, с победой вернутся обратно, изгнав и уничтожив врага.

— Остающиеся в тылу, — сказал тов. Глазов, — понимают, что на них лежит ответственная задача крепить тыл, работать честно и добросовестно.

От имени уезжающих выступил тов. Бурдин. Он сказал, что отдадут все силы, а если нужно и жизнь, для счастья нашей Родины.

Пионерка, воспитанница детского дома Тамара Калабина от имени пионеров пожелала уезжающим победы над врагом. Фрося Жмулевская и другие девушки поднесли ребятам большие букеты цветов...

87. Фронт: гитлеровские полчища будут разбиты! Тыл: родная армия получит все необходимое для победы! // Знамя Труда. – 1970. – № 40 – 2 апреля.

Эта страница посвящена переписке очерцев-фронтовиков с теми, кто, оставшись в колхозах и у станков на предприятиях, помогали ковать победу.

Редакция использовала письма, опубликованные нашей районной газетой в 1941–42–43 годах. Судьба многих авторов этих писем неизвестна. Возможно, они вернулись домой по ранению, дошли с боями до светлого дня Победы, а может быть, погибли. Если вы живы — откликнитесь! О павших смертью храбрых — пусть сообщат живые.

Хотелось бы также знать, как сложилась дальнейшая судьба и гвардейцев тыла, чьи подписи стоят под ответными письмами бойцам и командирам Советской Армии.

Отважный воин

«В моем подразделении служит ваш земляк, командир орудия старший сержант Иван Евдокимович Ларионов. Я хочу рассказать очерским трудящимся, как он сражается на фронте с немецкими оккупантами.

Со своим расчетом он уничтожил 50 и 75-миллиметровые орудия с прислугой, два ДЗОТа, четыре станковых пулемета с прислугой, три ручных пулемета, до полусотни вражеских солдат и офицеров.

За мужество и отвагу в боях с немецкими оккупантами тов. Ларионов награжден медалью «За отвагу».

И. Головин, командир батареи, ст. лейтенант».
Декабрь 1942 года.

Помогайте громить врага

Письмо адресовано коллективу Зотинской МТС.

«Бойцы, командиры и комиссары Красной Армии крепко защищают каждую пядь советской земли. Мы уверены в своей победе над обнаглевшим врагом — гитлеровскими варварами. Я ранен в руку, но скоро поправлюсь и вновь вернусь бить фашистов.

Призываю коллектив МТС: выполняйте и перевыполняйте государственные планы, крепите тыл, помогайте Красной Армии громить врага!

А. А. Чепуров, бывший шофер МТС».
Сентябрь 1941 года

Отстоим колыбель революции!

Письмо адресовано коллективу Очерского машзавода. «Дорогие друзья! Я нахожусь на защите города Ленина. Фашисты бросили на наш фронт свои лучшие силы, чтобы захватить колыбель Октябрьской социалистической революции. Будьте уверены, товарищи, – гитлеровским бандитам не бывать в Ленинграде. Порукой этому – беззаветное мужество наших бойцов, командиров, политработников и всех ленинградцев, храбро отражающих удары врага. Десятки тысяч фашистов уже нашли себе могилу на подступах к Ленинграду. Это ожидает всех немецких разбойников. Усиливайте помощь фронту. Давайте Красной Армии больше продукции.

Ваш С. П. Кобелев, бывший сменный мастер".
Ноябрь 1941 года

Усиливайте помощь армии

Письмо адресовано членам колхоза «Доброволец» и коллективу Кипринского льнозавода. «Дорогие товарищи! Отцы, братья, сестры! Я заверяю вас, что пока у меня бьется сердце, до последнего дыхания буду сражаться с фашистскими людоедами за честь и свободу всего человечества до полного разгрома врага. Обращаюсь к вам: крепите дисциплину в колхозе и на заводе, будьте готовы к посевной, лучше ухаживайте за конским поголовьем, досрочно рассчитывайтесь по всем государственным обязательствам. Вы – в тылу, мы – на фронте общими силами будем ковать окончательную победу над врагом.

Дмитрий Пепеляев, бывший колхозник сельхозартели «Доброволец».
Февраль 1942 г.

Мы надеемся на вас...

Письмо адресовано членам сельхозартели им. Кирова Третьяковского сельсовета. «Мы все три брата со своим отцом находимся в рядах Красной Армии и защищаем нашу любимую Родину от немецко-фашистских захватчиков. Героическая Красная Армия наносит им удар за ударом, продолжает гнать их на запад, и недалек тот час, когда враг будет окончательно разбит. Я надеюсь, что вы, мои дорогие земляки, от нас не отстанете, и по проведению сельскохозяйственных работ своим самоотверженным трудом добьетесь первого места в районе.

Н. В. Филиппов, ст. лейтенант».
Май 1942 г

88. Асриянц, З. Далеко от Баку / З. Асриянц// Знамя труда. – 1970. – № 51. – 28 апреля.

Фронт нуждался в нефти. А враг рвался на Кавказ, к «черному золоту». В этих условиях один из заводов г. Баку эвакуировался в поселок Павловский. С тех пор многие бакинские машиностроители прочно связали свою жизнь с Уралом. В годы войны они внесли большой вклад в победу над фашизмом, обеспечивая советских нефтяников совершенным оборудованием для добычи нефти.

Автору публикуемого ниже очерка, сотруднику научно-исследовательского института нефтяного машиностроения, по роду службы много раз довелось бывать на Павловском и Очерском заводах и в годы войны, и в послевоенное время, и в наши дни. Живет и работает он в Баку.

Есть на Западном Урале пос. Павловский, что находится от столицы Азербайджана – Баку почти за четыре тысячи километров. С географической точки зрения это кажется далеко, но между тем многое связывает город на Каспии с небольшим поселком в Пермской области.

Но начнем все по порядку.

В 20-е годы бакинский инженер Матвей Алкумович Капелюшников разработал новый принцип бурения нефтяных скважин. Суть этого принципа состояла в том, что бурение скважины должно было осуществляться с помощью забойного двигателя. По мысли М. А. Капелюшникова, двигатель этот должен был опускаться в забой, на дно скважины, и там непосредственно передавать свою энергии долоту, тогда как при распространенном роторном способе бурение скважины осуществляется «с земли».

В качестве забойного двигателя изобретатель предлагал гидравлическую турбину. Но его турбобур не нашел применения, потому что турбина оказалась маломощной. Однако, если турбобур М. А. Капелюшникова не получил «путевку в жизнь», то мысль его была подхвачена москвичом П. П. Шумиловым и бакинцами Р. А. Иоаннесяном, Э. И. Тагиевым, М. Т. Гусманом. За основу в своем забойном двигателе они также взяли гидравлическую турбину, только сделали ее многоступенчатой, т. е. более мощной.

Так появился на свет советский турбобур. Было это в конце сорокового года. А в середине 1941 года бакинский машиностроительный завод им. Мясникова, находившийся тогда в Забрате, на месте нынешнего приборостроительного завода, должен был выпустить первую партию советских турбобуров. И тут — война. Заводу предложили немедленно эвакуироваться, потому что теперь он должен был быть как можно ближе к месту применения турбобуров. А применить их, в первую очередь, предполагалось на неосвоенных еще площадях.

После долгих раздумий выбор пал на пос. Павловский, Очерского района, Пермской области. Поселок этот непосредственно примыкал к

району второго Баку, где как раз и должно было начаться освоение новых нефтяных месторождений.

Четвертого сентября 1941 года все оборудование завода было погружено на баржи и отправлено через Каспий, Волгу, Каму к месту назначения. А еще через две недели по этому же пути отправились 163 рабочих и специалистов завода со своими семьями.

Вот как описывает в своей книжке «По высшему стандарту» длительное и нелегкое путешествие бакинцев по воде Павел Михайлович Невилько, много лет проработавший директором Павловского завода:

«Плаванье по Волге и Каме затянулось до самой осени. В переполненных каютах ехали взрослые и дети, здоровые и больные. Трудно было с питанием. Осень выдалась холодной. В конце октября по Каме шла шуга, на берегах лежал снег. К пристани Таборы подходили ночью. Все, кто мог, высыпали на палубу. В глазах у людей тревога: как оно будет там, на берегу?

Вдруг взору людей открылось необыкновенное зрелище. За поворотом, там, где берег сливался с чернотой ночи, полыхало зарево — целое море огней. Даже бывалые речники, которые вели пароход, насторожились.

На берегу все выяснилось: бакинцев встречали — ждали вторые сутки. Жгли костры, чтобы не замерзнуть самим и согреть прибывших».

Павловскому заводу незадолго до приезда бакинцев исполнилось 125 лет. Он был основан в 1816 году графом Строгановым под названием резной фабрики. Много лет здесь каталось сортовое качественное железо, которое затем на лошадях увозилось на пристань Таборы и сплавлялось по Каме на Нижегородскую и другие ярмарки. В годы Советской власти завод специализировался на изготовлении сельскохозяйственных кос. И вот теперь Павловский завод, которому по приезде бакинцев было присвоено имя Мясникова, должен был выпускать нефтяное оборудование, причем в кратчайший срок. Это была одна трудность, с которой пришлось столкнуться бакинцам по приезде в пос. Павловский. Другая состояла в том, что в этот же короткий срок бакинцам нужно было обучить павловцев незнакомому делу. Причем обучить не кадровых рабочих, а женщин и девушек, заменивших мужей, отцов и братьев, ушедших на фронт.

С первой же минуты пребывания на павловской земле бакинцы были окружены теплотой и вниманием. Павловцы беспокоились о том, чтобы семьи бакинцев были обеспечены жильем, дровами, небольшими запасами картофеля, капусты, чтобы их дети быстро подключились к учебе.

За дело бакинцы взялись буквально в день приезда. Работали по 15-16 часов в сутки. А когда в конце ноября 1941 года более тридцати бакинских рабочих - турбостроителей ушли на фронт, пришлось работать еще больше. Мне называли имена этих людей: Эюб Мелик Гасан, Николай Безноздырев, Салах Абдуллаев, Шурия Новруз Али оглы, Азим Таиров, Сурен Алумян. Многие из них не вернулись на родной завод.

В конце 1941 года, как и предусматривалось по графику, в производство пошла первая партия турбобуров. А уже в мае сорок второго года появился первый отечественный турбобур. Павловские турбобуры стали работать на промыслах Башкирии, Куйбышевской области, Татарии. Родина отметила труд коллектива завода за его работу в годы войны, наградив многих бакинцев орденами и медалями.

Сразу же после войны встала задача по освоению новых нефтяных месторождений. На примере краснокамцев, показавших в годы войны высокие показатели в соревновании нефтяников страны, можно было судить о преимуществе турбинного бурения. Но тут возник вопрос: как быть с бакинцами? Возвращаться им в Баку или оставаться в Павловском? Перебросить опять завод на юг посчитали нецелесообразным, потому что он был уже на ходу. А отпустить бакинцев – тоже не хотелось, поскольку они составляли ядро кадровых рабочих. Бакинцы понимали все это, и, когда им предложили остаться на заводе, чтобы связать навсегда свою жизнь с Павловским, они согласились.

Первую послевоенную пятилетку Павловский завод завершил досрочно на один год. В 1950 году, коллектив завода выпустил турбобуров в три раза больше, чем в предыдущем. Турбинное бурение вытесняло роторное, потребность в турбобурах неизменно росла. Но павловчане отлично справлялись с задачей по обеспечению нефтяников страны нужным количеством агрегатов. Для этого теперь на заводе были все необходимые условия и, прежде всего, кадры, подготовленные и заботливо выпестованные бакинцами из числа местных жителей поселка Павловского. По этому поводу главный инженер завода Иван Степанович Мосягин сказал мне:

– Бакинцам мы обязаны всем. Они не только делились с нами своим богатейшим опытом, знаниями, они готовили из каждого вновь принятого рабочего высококвалифицированного специалиста, обучая его не только мастерству, но и прививая ему любовь к своему труду.

Ныне ведущие инженеры и рабочие Павловского машзавода, — продолжал И. С. Мосягин, — такие, как Николай Нецветаев, Александр Шилов, Николай Носков, Николай Смирнов, Евгений Сафонов, Константин Власов и другие, пришедшие на завод после войны, своим мастерством обязаны учителям-бакинцам.

Павловчане (теперь уже и бакинцев можно назвать павловчанами) постоянно совершенствуют продукцию. Так появились на свет секционные турбобуры, которые стали применяться на больших глубинах; искривленные турбобуры, используемые для увеличения нефтедобычи в истощенных скважинах; укороченные турбобуры (их можно и сейчас видеть у нас на Каспии) и т. д.

О павловских турбобурах стали поговаривать за рубежом. Американцы обратились к нашему правительству с пожеланием приобрести лицензии на их производство. Об этом стоит рассказать несколько подробнее.

Летом 1955 года в Риме проходил международный конгресс нефтяников. Выступая, советский представитель отметил, что свыше семидесяти процентов всех скважин в нашей стране пройдено турбинным способом. Поверили этому немногие. Один иностранец, встав со своего места, тут же спросил:

– И вы предоставите возможность увидеть ваш знаменитый турбобур в действии?

– Пожалуйста, – сказали ему.

Зимой того же года в нашу страну прибыла делегация зарубежных нефтепромышленников. В ее составе был и президент американского концерна «Дрэссер-Индастриз» мистер О' Коннер.

Спустя месяц после отъезда О' Коннера к себе на родину фирма «Дрэссер-Индастриз» обратилась к советскому правительству с предложением купить у нас право на производство в США турбобуров советской конструкции. А еще через месяц в Москве было подписано соглашение о продаже американцам лицензии.

Удельный вес турбинного бурения в нашей стране растет из года в год. Так, если в 1945 году он равнялся 6,9 процента, то в 1950 году он был равен 23,8, в 1952 году – 41,4, в 1965 году – 80,8 процента. А в 1969 году он был еще больше.

Чем же объясняется экономическая целесообразность турбинного бурения? Многим. Но, прежде всего, такими преимуществами, как меньший износ буровой техники и бурильных труб, способностью турбобура разрушать твердые горные породы и достигать значительных глубин. Вот что писал один американский инженер на страницах журнала «Уорлд ойл»: «Советская конструкция нового турбобура оказалась очень удобной при проходке твердых пород и привела непосредственно к открытию новых обширных залежей нефти и газа».

Сейчас в нашей стране, кроме Павловского завода, турбобуры выпускают и другие машиностроительные предприятия, но павловские остаются непревзойденными. Их приобрели и приобретают фирмы Японии, ФРГ, Италии, Австрии, Франции. Их можно видеть на промыслах Польши, Чехословакии, Румынии и других стран. Да, советский турбобур, изобретенный бакинцем М. А. Капелюшниковым, усовершенствованный москвичом П. П. Шумиловым, бакинцами Р. А. Иоаннесяном, З. И. Тагиевым, М. Т. Гусманом, внедренный в производство также бакинцами, приобрел всемирную известность.

Недавно несколько дней мне снова пришлось быть на Павловском заводе им. Мясникова. Приятно было встретиться с земляками. Многие из бакинцев уже на пенсии. На заслуженном отдыхе ветераны турбостроения Александр Николаевич Ряхинов, Сергей Федорович Астахин, Андрей Иванович Малахов, Абубек Исаевич Акчури и другие. Эстафету ветеранов-бакинцев подхватили их дети. Сын С. Ф. Астахина – Анатолий – токарь; Владимир Реутов трудится в производственном отделе. Дело Ильи Георгиевича Чернышева продолжают двое его сыновей – Георгий и

Николай, рабочую династию Акчуриных представляют на заводе Александр, Фая, Галина и другие.

Молодое поколение бакинцев унаследовало у своих отцов все лучшие рабочие качества и делает все, чтобы турбобуры с маркой Павловского завода оставались лучшими в мире.

89. Игнатьев, В. Сапер Федор Симушин / В. Игнатьев // Знамя труда. – 1970. – № 55–56. – 9 мая.

Много лет в сельмаге с. Токари работает продавцом Федор Александрович Симушин. Ежедневно в магазин приходят десятки людей, но едва ли кто-нибудь из них знает, что этот скромный человек, представитель самой скромной профессии, прошел с боями всю Западную Европу, выполняя освободительную миссию Советской Армии. А тем более никто, очевидно, не подозревает, что его боевые дела отмечены восьмью боевыми правительственными наградами и двенадцатью благодарностями Верховного Главнокомандования.

...4-й Украинский фронт. Советская Армия гонит врага с родной земли. На пути встает водная преграда – залив Сиваш. Замедлить наступательную операцию нельзя, и на помощь приходят понтонеры. Под огнем вражеской авиации они быстро наводят 30-тонную переправу, но внезапно налетевшая буря уничтожает труд людей. Стихия стала союзницей врага. И снова работа. Кажущиеся нечеловеческими усилия солдат дают свои результаты — советские танки прорываются на Джанкой и дальше – на Севастополь.

...2-й Украинский фронт. Река Днестр. Несмотря на адскую бомбежку и артобстрел, переправа должна работать. И она работала. В это вложил свой труд Ф. А. Симушин.

Так, в составе саперной части прошел он сквозь огонь войны вплоть до капитуляции Германии. Но на Дальнем Востоке бряцала оружием еще Япония, и часть, в которой служил Федор Александрович, перебрасывают на Восток. Там он закончил свой боевой путь.

90. Чудинов, С. В тылу врага / С. Чудинов // Знамя труда. – 1970. – № 55–56. – 9 мая.

На временно оккупированной врагом нашей территории по призыву партии разгорелось пламя партизанской войны. Население тайно и открыто вело непримиримую борьбу с гитлеровскими захватчиками.

Для организации партизанского движения за линию фронта направлялись небольшие группы подготовленных людей. С одной из таких десантных групп в количестве 35 человек вылетел из Москвы и я весенним вечером 1943 года.

Мы благополучно приземлились в лесах Белостокской области (Польша) и начали боевые действия. Вскоре весть о нас быстро

распространилась по окрестным городам и селам. К нам пошел народ. Приходили целыми семьями, хуторами и деревнями, становились партизанами. Нами также были организованы групповые побег из лагерей военнопленных в городах Волковыске, Белостоке, Гродно и других. Из малочисленной горстки в три десятка десантников к июлю 1944 года выросла партизанская бригада. Мы назвали ее именем Кастуся Калиновского. В нее входило 8 отрядов общей численностью около 3,5 тысячи человек.

Бригада проделала большую боевую и диверсионную работу. Взорвано и спущено под откос 117 военных эшелонов противника, уничтожено 8 больших железнодорожных мостов, 181 километр телефонно-телеграфной связи, 38 автомашин, подорвано три крупных электростанции, находившихся в руках врага. В боях и при крушениях убито 7324 гитлеровца, 38 ранено, 131 взят в плен.

В Белостоке успешно действовал организованный нами антифашистский комитет во главе с Зоей Чапник. Оттуда на нашу сторону перешли три немца – директора трех крупных ткацких фабрик. Эти немцы прибыли к нам вместе с семьями, принесли план обороны Белостока, принесший большую пользу. Мы их отправили в Москву. Сейчас они живут в ГДР, находятся на руководящей работе.

Очень много жарких схваток с врагом провели наши комсомольско–молодежные боевые группы. Однажды нам стало известно, что в местечко Дятлово поступило много зимнего обмундирования для немецкой армии. Группе девушек–комсомолок во главе с Галей Дойнеко поручили уничтожить этот склад. Разработанный план операции девчата блестяще выполнили. Сделали они так.

В воскресный день поехали на базар в Дятлово, термитными шарами зажгли нужный объект и преспокойно удалились. Склад с обмундированием горел весь день. Сгорело все дотла. Девушки, радостные и гордые, доложили о выполнении задания.

Во всех отрядах нашей партизанской бригады были созданы первичные партийные и комсомольские организации. Они росли день ото дня, направляя боевую деятельность народных мстителей, проводя большую политическую работу.

Подпольные группы железнодорожников в Белостоке и Гродно закладывали в каменный уголь самодельные мины, и паровозы в пути следования взрывались.

А какое воздействие на местное население производило наше появление в населенных пунктах! Например, приходим ночью в деревню, включаем свою радиостанцию, все жители сбегаются слушать последние известия из Москвы.

Были у нас и большие потери. В лесной землянке возле Гродно героически погибла группа из шести человек во главе с командиром отряда «Комсомол Белоруссии» сибиряком Костей Бондаровским. На шоссе Гродно-Берестовица сейчас стоит обелиск в честь партизан–героев из этой

группы. При прорыве вражеского кольца погиб начальник разведки отряда «Комсомол Белоруссии» Саша Александров. Уничтожая деревянный мост через реку Свислочь, отдал свою жизнь командир отряда «Звезда» Миша Казаков. Сейчас в деревне Индура поставлен ему памятник.

В праздничные дни, 1 мая, 7 ноября 1943 — 44 годов бригада народных мстителей объявляла рельсовую войну, и все отряды выходили на железную дорогу Белосток — Волковыск или Белосток — Гродно. Рельсы снимались на десятках километров. Движение вражеских эшелонов прерывалось.

Мы старались делать все, чтобы днем и ночью не было покоя оккупантам, чтобы земля под их ногами горела.

91. Носов, И. В бою и в труде / И. Носов // Знамя труда. – 1970. – № 55–56. – 9 мая.

В грозные годы фашистского нашествия уходили из нашего цеха защищать Родину с оружием в руках А. Н. Бояршинов, А. Ф. Бояршинов, Н. Д. Карпов.

Николай Дмитриевич Карпов с войсками Западного, 4-го Украинского, 3-го Белорусского и Прибалтийского фронтов прошагал тысячи километров трудных дорог. Несколько раз ранен. Отмечен многими боевыми наградами. Примерно такой же боевой путь в том же составе фронтов, кроме 4-го Украинского, прошел Николай Александрович Бояршинов, удостоенный правительственных наград. На Дальнем Востоке сражался в 1945 году Алексей Федорович Бояршинов, кавалер нескольких орденов и медалей.

Закончив войну, все трое вернулись на родной Павловский завод, в свой цех – второй механический. Бывшие фронтовики снова стали людьми самой мирной профессии – слесарями ремонтной службы. Работают добросовестно и старательно. Не один раз отмечались в приказах по заводу. Портреты Николая и Алексея Бояршиновых – на Доске почета ветеранов труда. Все трое имеют общественные поручения. Несколько раз избирались депутатами районного и поселкового Советов. Выступают в цехе с воспоминаниями о былых сражениях в тяжелую годину, дают наказы призывникам служить в Советской Армии с достоинством, честью, не уронить ратной славы дедов и отцов.

Желаем ветеранам войны и труда в день всенародного праздника – 25-летия Великой Победы – новых успехов в работе, хорошего здоровья, личного счастья!

92. Нецветаев, А. Когда отшумели военные грозы : из фронтового дневника сержанта / А. Нецветаев // Знамя труда. – 1970. – № 55–56. – 9 мая.

В годы Великой Отечественной войны я вел дневник, куда заносил личные впечатления. Недавно снова перечитал его, и многое вспомнилось. Вот несколько записей, сделанных в первые дни мира.

«Сегодня 9 мая (1945). Местечко Тохн.

Вчера с утра в горах Австрии еще грохотали советские пушки, трещали пулеметы. Враг бежал в панике. На изгибах дорог, на высоких зданиях немцы вывесили белые флаги. Ночью мы вошли в город Грац. На улицах и площадях горами лежали винтовки, пулеметы, часто попадались разбитые автомашины.

Идут по городу бойцы, отстоявшие Москву и Сталинград. К нам выбегают юноши и девушки, угнанные в Германию в годы оккупации. Они плакали, расспрашивали нас о Родине, поздравляли с Победой. Вчера они были невольниками, сегодня стали свободными.

По улицам громадными вереницами понурно двигались немецкие солдаты и офицеры – вчерашние «завоеватели».

...Отшумели военные грозы. Весь день 9 мая мы готовились в обратный путь, на Родину, к своим семьям. Освобожденные нами из лагерей девушки постирали нам обмундирование, заштопали носки и гимнастерки, подшили свежие воротнички. Одна из девушек – Валя – рассказала о себе.

Она родилась в 1928 году в Обуховском районе Могилевской области. Немцы увезли ее сначала на окопы, а потом – в Австрию. В Граце их выстроили на площади и продавали по семь марок каждую – столько же стоила и овца. Ощупывали, выбирали – кого по росту и силе, кого – по красоте и фигуре. У каждой на груди было пришито нечто вроде клейма – знак восточных рабочих.

– Меня, – говорит Валя, – увезли в эти горы, на дачу помещика, заставили ухаживать за скотом. Работала с восхода солнца до 11 часов ночи. Сначала меня сильно обижали: и жила я на правах скота, и спала со скотом. А когда стали приближаться русские, отношение к нам изменилось к лучшему. И когда вы вошли в Грац, я убежала с дачи к своим. Спасибо вам, родные, за все!

Потом, продолжая помогать нам собираться в дорогу, девушки запели кем-то из них сочиненную песню на мотив «Раскинулось море широко». Начиналась она так:

Раскинулась площадь вокзала.
На ней эшелоны стоят.
Они с Украины увозят
В Германию наших девчат.

А в конце говорилось о том, что напрасно мамаша ждет дочку домой...

Поют девчата и плачут. Хмурятся лица бывалых солдат, бойцы украдкой смахивают скупую слезу.

Валя пригласила пойти за черешней к ее бывшему хозяину. Мы пошли компанией, рвали ягоды, угощались, а хозяин косился на нас, потом заворчал на Валю. Она молчала, потом заговорила с ним по-немецки:

– Два года назад меня оторвали от Родины и родных, увезли на чужбину. Я не знала вашего языка. И ты меня купил по цене овцы, и два года я у тебя работала, как вол. И тебе не стыдно еще меня ругать за черешню, за которой я так много ходила...

Мы тоже сделали хозяину соответствующее внушение.

Десятого июня наступил долгожданный час, и мы двинулись походным порядком на Восток. 7 июля добрались до города Крайова. Шофер Турин сказал мне, что спидометр намотал от города Граца до Крайова 1070 километров. Отсюда мы должны демобилизоваться.

22 августа, г. Галац. Не можем выбраться – нет русских вагонов. А все наши думы уже о доме, о семье. Соседняя станция — Рени — уже на советской земле, но границу не перепрыгнешь. Мы жадно смотрим на нашу сторону, где люди русским говором говорят, вздыхаем: «О, русская земля! Уже за холмом ты!...».

23 августа. Сформирован русский поезд, стоит на русских рельсах. Вечером, в 6 часов, выехали из Румынии. Серьезные пограничники осмотрели эшелон. Еще несколько километров, и мы – в СССР. Ура!

93. Тетенев, В. Мой фронтовой друг / В. Тетенев // Знамя труда. – 1970. – № 55–56. – 9 мая.

Мы с ним познакомились и крепко подружились в сорок втором году, когда я прибыл из госпиталя в 67-го гвардейскую танковую бригаду. Оба мы были сержантами, разведчиками, по возрасту почти ровесниками. Ели из одного котелка, укрывались одной шинелью.

Перед Великой Отечественной войной Николай Голосов, уроженец Новгорода, успел окончить десять классов, мечтал об учебе в институте. Вместо этого пришлось взять в руки оружие. Он стал отважным разведчиком. С ним можно было пойти на любое дело и выполнить поставленную задачу. Мы с ним ходили в разведку и пешими под Ленинградом, Волховым и на Карельском фронте, и на машинах — на Первом Белорусском. Попадали в трудные положения, но почти всегда возвращались благополучно. Зыбкая солдатская судьба хранила моего друга. Меня за войну трижды ранило, а Николая обычно миновали пули и осколки.

Однажды на Карельском фронте мы получили задание: пробраться к истекающей кровью морской бригаде, окруженной противником. Группа разведчиков, которая пыталась туда пройти накануне, погибла полностью. Через непроходимые, казалось бы, болота, кружным путем мы добрались к штабу и к немногим, оставшимся в живых, морским пехотинцам, которые

бережно сохранили боевое Знамя своей героической части. После разведки наш танковый батальон и полк СУ–150 прорвали вражеское кольцо, вывели героев из окружения вместе со штабом и Знаменем.

Наша часть освободила родной город Николая – Новгород. Он с гордостью водил нас по улицам, показывая достопримечательности, увь, сильно разрушенные: памятники старины, храмы, новгородский Кремль, свой разбитый дом, В развалинах древнего города он мысленно видел возрожденные здания, еще более величественные, чем прежде. Мой друг собирался жить после войны только в своем родном городе и нигде больше. Вскоре сюда приехали из эвакуации мать и сестра Николая. «Скоро ждите и меня, если останусь жив», – писал родным мой фронтовой друг. «Если останусь жив...».

Под Берлином, в апреле сорок пятого, меня ранило — третий раз за войну. В госпитале я получил вскоре письмо от своих однополчан, где сообщалось о гибели Николая. 2 мая Николай пал смертью храбрых при штурме имперской канцелярии. Бесстрашно ворвавшись в одно из помещений, Николай был убит выстрелом в упор из пистолета на самом пороге Победы. Посмертно Николай Голосов был награжден вторым орденом Красного Знамени.

94. Бурдин, П. Вперед, на Берлин / П. Бурдин // Знамя труда. – 1970. – № 55–56. – 9 мая.

Тысячи орудий, минометов и «катюш» разорвали тишину раннего апрельского утра. Море огня и металла обрушилось на вражеские укрепления за рекой Нейсе южнее г. Фарст. После часовой артподготовки танки и пехота вброд форсировали реку. Саперы тем временем быстро построили понтонный мост, и Первая гвардейская артиллерийская дивизия пошла в наступление. На всех танках и автомашинах написано: «Вперед, на Берлин!».

В первых числах мая, окружив и разгромив группировку немецких войск юго-восточнее Берлина, мы овладели столицей Германии.

95. Акимов, И. В первый год после войны / И. Акимов // Знамя труда. – 1970. – № 55–56. – 9 мая.

Кругом все ожило с первыми лучами солнца. С соседней заставы донесся приглушенный лай собак, за ближайшей сопкой зарокотал комбайн. На пыльной дороге показалась пара быков. Они лениво тянули арбу, до краев нагруженную золотой пшеницей. Возница, немолодой армянин, что-то протяжно пел на своем языке. И только часовой Андрей Веснин стоял на посту неподвижно, не поддаваясь утренним эмоциям. Его караульная служба прошла спокойно, скоро должна быть смена.

Дежурный Юрий Бережной объявил «подъем», и весь личный состав взвода привычными, отработанными за годы службы движениями,

принялся за сборы, стал строиться. Командир взвода старший лейтенант Медведев жил в одном километре от точки и каждое утро приходил к подъему. Но в это утро он не появился. Лишь несколько позже наш командир позвонил и сказал, что его вызвали в штаб бригады.

Взводного уважали все солдаты. Строг, заботлив. На груди – более десяти боевых правительственных наград. Фронтовыми дорогами он прошагал от Курска до Берлина.

Старший лейтенант пришел в полдень, приказал построить взвод, коротко объяснил обстановку и задачу. Нам через час предстояло выехать на стрельбы.

После команды: «Разойдись!» подготовку к выходу взяли в свои руки командиры орудий Ю. Бережной и А. Еремеев. Они проверяли укладку снаряжения, крепления орудий к передкам, разъяснили ездовым маршрут движения.

Подошел взводный, говорит нашему расчету:

– Надеюсь на вас, «старички!»

Так нас называли потому, что весь расчет состоял из бывалых фронтовиков. Четверо из нас, к тому же, служили последний год.

Снова раздалась протяжная команда:

– По к-о-о-ням!

Погода была отличной. Первые десять километров проехали незаметно и остановились на привал. Взводный озабоченно осмотрел коней и материальную часть. Потом, взглянув на горы, сказал:

– Смотрю на них и вспоминаю один интересный случай...

Мы попросили комвзвода рассказать. И он, усевшись на передок орудия, начал с того, что примерно год тому назад, в одном из жестоких боев у венгерского озера Балатон его орудийный расчет уничтожил пять вражеских танков. – И неожиданно повернув разговор, закончил так: – А мы завтра должны поразить 14 мишеней. По ко-о-о-ням! Вперед!

В район стрельб мы приехали перед заходом солнца. На следующий день выставили мишени, навели на цель орудия. Вскоре раздалась команда:

– Первое, огонь! Второе, огонь!

Нашим расчетом все мишени были поражены с первых же выстрелов. И все было бы хорошо, но наш повар Н. Чайкин, не рассчитав силу ударной волны при орудийных выстрелах, основал свою примитивную полевую кухню и стал варить солдатский обед в непосредственной близости от огневых позиций. И как только ухнуло первое орудие, ведро со щами, подпрыгнув и перевернувшись, отлетело на два метра. Лишь благодаря нашим отличным результатам стрельб, мы простили повару его ошибку. Веселые и, – увы, голодные! – с песнями вернулись в распоряжение взвода.

...Давно это было. В первый послевоенный год. Но этот день почему-то запомнился.

96. Попов, М. Гвардейский бомбардировочный : пять дней боевой работы 119-го гвардейского авиационного бомбардировочного полка в Белорусской операции / М. Попов // Знамя труда. – 197. – № 99. – 18 августа.

Белорусская операция началась 23 июня 1944 года. Она проводилась силами четырех фронтов – 1-го, 2-го, 3-го Белорусских и 1-го Прибалтийского и закончилась 29 августа освобождением Белоруссии, Литвы, большей части Латвии, восточных областей Польши. Кроме того, в результате этой операции советский солдат впервые за войну вступил на территорию Германии – в Восточную Пруссию.

Одной из особенностей Белорусской операции, в отличие от других крупных операций Великой Отечественной войны, было массированное применение всех видов авиации, что обеспечило подавляющее господство в воздухе советских ВВС, а в главном итоге обеспечило быстрое и успешное проведение наземных операций.

Массированное применение наших ВВС было обеспечено, во-первых, количественным и качественным превосходством самолетного парка; во-вторых, приобретенным богатым опытом летного и обслуживающего персонала по ведению боевых действий; в-третьих, замечательно организованным управлением и взаимодействием с наземными войсками; в-четвертых, хорошими метеорологическими условиями почти на протяжении всей Белорусской операции.

В результате успешных действий советской авиации за период подготовки и проведения летних операций 1944 года только с 1 июня по 31 августа немецкие войска потеряли 11 тысяч самолетов, что составляло одну седьмую часть всех потерь в самолетах на советско-германском фронте.

119-й гвардейский Новгородский бомбардировочный авиаполк 3-й гвардейской Смоленской авиадивизии, входящей в состав 1-й Воздушной армии, обеспечивал авиационную поддержку наземных войск 3-го Белорусского фронта на протяжении всей операции.

История полка, в котором мне довелось воевать и длительное время служить после войны, началась с середины второй пятилетки – с 1937 года. На вооружении тогда были самолеты ТБ-3. В финской кампании, в 1940 году, полк пересел на самолеты СБ, на которых и вступил в Великую Отечественную войну с первого ее дня на Северо-Западном фронте.

В первой половине 1942 года в глубоком тылу полк быстро освоил пикирующие, самые скоростные по тому времени в мире бомбардировщики конструкции Петлякова – Пе-2 и с лета 1942 года начал боевые действия в составе ВВС Западного фронта с аэродромов Подмосковья и закончил войну ударами на Балтийском побережье в Восточной Пруссии в составе 3-го Белорусского фронта в апреле 1945 года. Свой последний вылет полк сделал 7 мая 1945 года в Латвии, помогая 1-му Прибалтийскому фронту.

Основными целями бомбардировочных ударов полка были укрепления противника, аэродромы, батареи, скопления и колонны танков и автомобилей, штабы соединений, военно-морские базы.

Самыми напряженными были действия полка в Белорусской операции, когда экипажи бомбардировщиков совершали до четырех вылетов в день. Удары наносились во взаимодействии со штурмовиками и истребителями прикрытия. Очень часто во время боевых вылетов 119-й полк сопровождали истребители прикрытия из полка «Нормандия-Неман». Французы очень любили прикрывать отлично слетанный полк «Петляковых» с «красными хвостами» (носовые и хвостовые обтекатели самолетов нашего полка были выкрашены в ярко-красный цвет).

Итак, Белорусская операция. 3-й Белорусский фронт. 3-я гвардейская Смоленская бомбардировочная авиадивизия. 119-й полк.

День первый. Удар по железнодорожной станции Богушевск между городами Витебск и Орша. Четыре полностью загруженных эшелона противника, готовых к выходу, с паровозами под парами, перестали существовать. Из-за плохой погоды наш удар был нанесен с высоты всего 600 метров, что исключило нападение немецких истребителей, зато с земли по нам стреляло все, что могло стрелять, начиная от самой линии фронта. Особенно надоедали «Эрликоны», швыряющие целые снопы крупнокалиберных пуль. Потерь среди нас не было.

День седьмой. Последовательно нанесены снайперские удары по скоплению отступавших немецких войск на восточном берегу реки Березина, затем по переправам и укреплениям на западном берегу. После нанесения удара «Петляковым» (имевшим мощное стрелковое вооружение и крупные гранаты, взрывавшиеся сзади и ниже хвоста самолета) было разрешено поработать как штурмовикам. Такого немцы еще не видали, чтобы тяжелые бомбардировщики с бреющего полета «утюжили» их окопы – да так, что нельзя было поднять головы. Истребители прикрытия связали боем немецких истребителей, пытавшихся прорваться к нашим бомбардировщикам. Зенитный огонь был очень сильным, потерь не было.

День десятый. Удар по крупной узловой станции Молодечно (Белоруссия), которая была сильно прикрыта истребительной авиацией и зенитной артиллерией противника. «Петляковы» пробились через сильный заградительный огонь, а истребители немцев были связаны боем. В результате удара полностью уничтожены несколько эшелонов, а железнодорожные рельсы от входной до выходной стрелок превратились в куски металла размером не более одного метра. Пристанционные постройки получили незначительные повреждения. Потерь в нашем полку не было. За этот один вылет военный Совет фронта наградил полк орденом Красного Знамени.

День 16-й. Удары по узлам обороны в городе Вильнюс, где было окружено большое количество немецких войск, оказывавших упорное сопротивление. После метких ударов Пе-2 наши наземные войска за несколько часов ликвидировали окруженную группировку, и столица

Литвы была полностью очищена от гитлеровцев. Благодаря малой высоте полета (определенной приказом с целью исключения больших разрушений) удар был высокой точности, и город пострадал незначительно, зато фашисты были выкурены из своих нор весьма быстро. Сильный зенитный огонь и малая высота не помешали «Петляковым» выполнить задачу. Потерь не было.

День 49-й. Сосредоточив большое количество танков армии Гудериана, немцы контратаковали наши войска на 1-м Прибалтийском фронте и вновь захватили крупный железнодорожный узел – город Шауляй (Литва). После захвата города немецкие танки были сосредоточены западнее, на базе в лесу около станции Куршенай, где они заправлялись горючим, боеприпасами, делали полевой ремонт, готовясь к наступлению.

Третьей гвардейской Смоленской авиадивизии была поставлена задача не допустить этого, нанести удар по танкам. Дивизия в полном составе трех полков, девятью девятками, с интервалами 3 — 5 секунд, нанесла сосредоточенный удар по этой базе крупными фугасными и мелкими осколочными бомбами. В результате такой «обработки» от крупнейшей танковой группировки почти ничего не уцелело. Очень много танков осталось в лесу перевернутыми.

Танки Гудериана сильно охранялись зенитной артиллерией и истребительной авиацией. Во время бомбардировки завязался жестокий воздушный бой. Благодаря численному превосходству немецким истребителям удалось прорваться к «Петляковым», и в соседнем полку было сбито три экипажа. Наш полк также был атакован немецкими истребителями, но все атаки были отбиты и потерь не было.

После удара «Петляковых» немецкие войска, захватившие город, оставшись без поддержки танков, были быстро выбиты из города, и задержавшееся наступление наших войск на запад было продолжено.

Вот такими были произвольно взятые пять дней «спокойного» вида авиации, где за каждой строчкой стоят героические дела советских людей. До этих дней, после них и между ними в полку было множество других боевых операций. Были и ожесточеннейшие воздушные бои, были и тяжелые потери, и бессмертные подвиги экипажей — все это было.

Сегодня, отмечая День Воздушного Флота СССР, мы говорим, что становление его – это становление Советского государства, а путь его – героический путь.

Сегодня мы отдаем должное светлой памяти всех известных, малоизвестных и безымянных героев-авиаторов, которые отдали свои жизни за Советскую Родину.

97. Пермская область в годы Великой отечественной войны // Знамя труда. – 1970. – № 128. – 24 октября.

Начало Великой Отечественной войны... 22 июня 1941 года германский фашизм двинул свои полчища на нашу мирную землю. По зову Коммунистической партии советские люди, как один, встали на защиту социалистической Родины.

Мужественно встретил военную грозу и Западный Урал, ставший на все годы войны боевым арсеналом Советской Армии, ее резервом, продовольственной базой.

Сотни тысяч людей в первые же дни обратились в городские и районные военкоматы с просьбой об отправке на фронт. В начале июля Пермский областной комитет партии принял в связи с этим решение о формировании добровольческих отрядов народного ополчения.

Уральцы героически сражались на всех фронтах. Уже 23 июня 1941 года передовые подразделения 112 стрелковой дивизии, которая была сформирована из тружеников Прикамья, вступили на латышской земле в ожесточенные бои с немецкими захватчиками. Тысячи уральцев совершили подвиги, вошедшие в летопись Великой Отечественной войны. Кунгурский комсомолец Игорь Сосновский – знаменосец 26-й стрелковой дивизии – в бою под Наро-Фоминском грудью своей закрыл амбразуру дзота. Это о нем писала «Комсомольская правда» в те дни: «Память о подвиге комсомольца Сосновского будет нетленна, ибо то, что он совершил, есть наивысшее выражение любви к Родине».

В 20-ю годовщину со дня Победы над фашистской Германией Указом Президиума Верховного Совета СССР звание Героя Советского Союза было присвоено комсомольцу из Чермоза Виктору Ершову. В начале 1944 года при защите господствующей высоты на реке Стырь, чтобы преградить путь фашистским «тиграм», он, опоясанный гранатами, бросился под головную машину и подорвал ее.

Сентябрьским днем 1943 года, освобождая украинский город Черкассы, погиб Степан Чалов, комсомолец из Карагайского района. Он был механиком–водителем танка. Комсомолец, истекая кровью, направил свой горящий танк на подбившую его пушку и раздавил ее вместе с прислугой.

В сражениях против фашистских захватчиков пали смертью храбрых секретарь Пермского обкома комсомола Лев Шатров, воспитанник пермского комсомола Борис Пирожков – Герой Советского Союза...

Более 20 тысяч коммунистов, почти две трети состава Пермской областной партийной организации, ушли в ряды Советской Армии. Фронтовиком стал каждый второй комсомолец.

Весной 1943 года началось формирование Уральского добровольческого танкового корпуса. Отправляя танкистов на фронт, трудящиеся Прикамья в своем наказе говорили: «Сыны Урала! Пробил величественный час. Сегодня трудящиеся области провожают вас на решающие бои за честь, за славу, за победу нашей Родины над трижды

проклятыми фашистскими ордами. Сегодня мы посылаем на фронт самое ценное, самое дорогое – вас, наши боевые товарищи, вас, лучших сынов Урала! Поклянитесь же родному Уралу в том, что через все бои, через все преграды пронесете вы сверкающее знамя Победы!».

Героическими подвигами прославили себя бойцы и командиры Уральского добровольческого танкового корпуса. Они участвовали в битвах на Курской дуге, в Орловской операции, в боях за Львов и во многих других сражениях. Вместе со всеми уральцами мужественно дрались воины Пермской танковой бригады, входившей в состав корпуса. Ей по праву было присвоено звание гвардейской и по праву носила она славный боевой титул Пермско-Келецкая гвардейская добровольческая Краснознаменная орденов Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого танковая бригада.

Родина высоко оценила ратные подвиги сынов и дочерей Прикамья. Тысячи пермяков были награждены боевыми орденами и медалями. Более 200 наших земляков получили высокое звание Героя Советского Союза.

Героическими трудовыми подвигами прославили себя уральцы и в тылу. Уже осенью появились первые молодежные фронтовые бригады, взявшие своим девизом слова: «В труде, как в бою!». Добрую славу завоевали фронтовые бригады, возникшие на Лысьвенском металлургическом заводе, пермском машиностроительном заводе имени Ф. Э. Дзержинского и на многих других предприятиях. На Западном Урале насчитывалось почти шесть тысяч комсомольско-молодежных фронтовых бригад.

Патриотизм уральцев проявился и в таком всенародном движении, как сбор теплых вещей для воинов. За все годы войны в Прикамье было собрано на постройку самолетов, артиллерийских батарей и танков 260 миллионов рублей. На фронт ушло около двухсот вагонов с теплыми вещами и подарками.

Перед новым, 1942 годом началось боевое соревнование между коллективами предприятий и воинскими частями. Пермские заводы боролись за переходящее Красное знамя 1-го гвардейского авиационного истребительного полка, а затем начали соревнование с воинами Северо-Западного фронта. Это укрепляло единство фронта и тыла. Между соревнующимися происходил взаимный обмен делегациями. В феврале 1942 года группа знатных людей области во главе с секретарем обкома партии А. В. Жуковым выезжала к воинам на фронт. В составе делегации была колхозница, ныне доярка совхоза «Семеновский» К. П. Бурдина. Тридцать вагонов подарков везла делегация, 14157 индивидуальных посылок, собранных населением. В этом составе был подарок от пермских железнодорожников – фронтовая баня, оборудованная в десяти вагонах. Ее построили на средства, собранные в фонд обороны, и на зарплату, полученную за участие в воскресниках.

Тысячи советских женщин в военные годы проявили величие духа, гражданскую доблесть, энтузиазм и мужество. Наравне с мужчинами они

сражались на фронте, день и ночь ковали в тылу победу над врагом. Многие советские женщины спустились в шахты, пришли в горячие кузнечные цехи металлургических заводов, встали к паровозным топкам. Только на шахты Губахи в первый год войны пришло более полутора тысяч женщин, в том числе 610 домохозяек.

Несмотря на исключительные трудности, люди Урала мужественно трудились в заводских цехах, на строительных площадках, в лабораториях, на колхозных полях. Они расширяли старые заводы, строили новые, возводили корпуса предприятий, эвакуированных с Запада: в Пермскую область было эвакуировано из Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова и других городов 124 предприятия. На многих из них выпускали только мирную продукцию, а на новом месте пришлось осваивать производство вооружения и припасов. Уже к концу 1942 года труженики Прикамья увеличили производство боеприпасов в два с половиной раза, а вооружения – в пять раз.

За годы войны было построено на Западном Урале более сорока новых предприятий, среди них Пермский велосипедный завод, телефонный. Появилось 47 новых шахт, освоены Коспашское и Гремячинское угольные месторождения. Больше стало выпускаться металла. Увеличилась добыча угля, нефти. Бурное развитие получили машиностроение и металлообработка. Большой вклад в победу внесли энергетики, железнодорожники, строители.

Тяжелое положение сложилось в деревне. Большинство мужчин ушло на фронт. Армии было передано много тракторов, автомашин, лошадей. Промышленность, работая на удовлетворение нужд фронта, не могла снабжать деревню машинами, запасными частями к ним. Между тем, работники сельского хозяйства должны были давать Красной Армии и в целом стране продовольствие, а промышленности – сырье, без чего нельзя было обеспечить победу.

Колхозное крестьянство с первых дней войны трудилось самоотверженно и делало все возможное для решения этой задачи. Напряжение сил колхозников было чрезвычайно высоким. В целом по Уралу нагрузка на каждого труженика села в годы войны увеличилась в 3, 4 раза по сравнению с 1940 годом. В колхозах Пермской области на каждого трудоспособного приходилось в среднем по 6 гектаров земли для обработки и 5 голов скота для ухода. Комбайнерами и трактористами на 70-80 процентов стали женщины и девушки. Колхозники Урала вели переключку с фронтом, соревновались за переходящие фронтовые знамена, а позже включились во Всесоюзное социалистическое соревнование.

По инициативе сельской молодежи стали обрабатываться «гектары обороны». Это были дополнительные гектары к плану, весь урожай с которых поступал в фонд Советской Армии.

Много сил в те трудные дни отдавали работе с людьми работники городских, районных и заводских партийных комитетов. Во главе областного комитета партии в военные годы был Николай Иванович

Гусаров, способный, энергичный, знающий дело руководитель, вниманием и чуткостью к людям завоевавший высокий авторитет у трудящихся. Предприятия Прикамья в период войны 387 раз завоевывали первые места во Всесоюзном социалистическом соревновании и получали переходящие Красные Знамена Государственного Комитета обороны, Центрального Комитета партии, ВЦСПС и наркоматов. Одиннадцать предприятий Пермской области за образцовое выполнение заданий были награждены орденами.

Почти пять тысяч рабочих, инженерно–технических работников, тружеников сельского хозяйства области в годы Великой Отечественной войны награждены орденами и медалями.

Таков вклад пермяков в дело победы над гитлеровской Германией.

В одном из ближайших номеров будет дан рекомендательный список литературы к этой теме.

98. Грахов, В. Путь солдата / В. Грахов // Знамя труда. – 1970. – № 126. – 20 октября.

Пути солдатские... В моей солдатской судьбе получилось так, что я только в Монгольской Народной Республике за годы Великой Отечественной войны побывал дважды.

В армию я уехал 24 июля 1941 года. Вместе со мной из Очеры уходили К. Ф. Брагин, И. Н. Чазов, Ф. Д. Соромотин. И все четверо вернулись домой после войны, правда, И. Н. Чазов – без руки: тяжело ранен под Воронежем.

К нашему удивлению, нас повезли не на запад, а на восток. Мы были зачислены в 61-й железнодорожный строительно-восстановительный батальон, строили в МНР узкоколейку протяженностью 360 километров. Затем в Иркутской области готовили земляное полотно для широкой колеи, а потом мы снова оказались на Урале – в Свердловской области. Оттуда по болезни меня отпустили домой на три месяца.

Поправившись, я попал в 22-ю лыжную бригаду, которая в январе 1943 года прибыла на Северо-Западный фронт. Наша бригада вела боевые действия под Старой Руссой. Меня зачислили в разведзвод.

Две операции по блокированию немецких дотов прошли для нас удачно. Когда пошли в третий раз, один наш товарищ случайно подорвался на mine, и это нас преждевременно выдало. Враг открыл ураганный огонь. Меня и еще одного бойца ранило, третьего убило наповал. Я на месяц с небольшим лег в госпиталь.

Наша поредевшая бригада влилась в 28-ю гвардейскую дивизию. 31 июля 1943 года мы вступили в бой на Курской дуге. Я стал стрелком во взводе противотанковых ружей.

Через несколько дней, 5 августа, в пяти километрах от Белгорода меня снова ранило в ноги из крупнокалиберного пулемета. Лечился в Ереване. Оттуда – в маршевую роту, формировавшуюся в г. Горьком, и

снова – на фронт. Наш эшелон выгрузился в Днепропетровской области, и я стал на этот раз пулеметчиком в роте мотоциклистов 1-го танкового корпуса.

В конце мая 1944 года мы вступили в бой в Гомелевской области, потом освобождали Барановичи, Пинск и другие города и села. Переправившись через Буг около Бреста, мы, конечно, побывали в легендарной крепости-герое.

Под Варшавой меня снова «нашел» осколок от разорвавшейся вблизи мины, и опять он попал в ногу, а голову свою я успел спрятать под танк (мы с другом на этот раз связными ездили на танке по бригадам, и нас двоих ранило).

Артналет кончился. Нас перевязали и отправили в корпусной госпиталь, где мне вырезали из ноги осколок. Увезли на самолете в Латвию, потом в Пензу. После излечения я стал сапером в пятом гвардейском корпусе, который вел бой в Восточной Пруссии. В феврале 1945 года при строительстве переправы меня контузило, попал ненадолго в полевой госпиталь. Там прошел курсы санинструкторов и опять сменил военную специальность. День Победы мы встретили в Кенигсберге.

В середине мая наш корпус получил приказ следовать эшелонами на Восток. Прибыли в Монголию. В начале августа, прошагав 700 км от места выгрузки, подошли к границе Маньчжурии, где хозяйничали японские милитаристы. 14 августа нам зачитали приказ о наступлении. Почти без боев мы дошли до Порт-Артура и Дальнего. Сопротивление японцев было слабое. В декабре 1945 года я демобилизовался. Всего за время войны мне довелось сменить пять специальностей, но свои обязанности я всегда старался выполнять, как положено солдату. Родина высоко оценила мой ратный труд, наградив меня семью орденами и медалями.

Много пройдено фронтовых дорог, трудно было, но если потребуется, то мы, как в песне поется, все это снова пройдем. А сами не сможем – сыновья и внуки сделают.

Именной указатель

- Акимов И. 95
Акчурин Абубек Исаевич 88
Александров Александр 74, 90
Аликин В. Н. 59
Анурьев С. Т. 9, 65, 81
Астахин Сергей Федорович 88
Асриянц З. 88
Балахонов М. Д. 32
Бандаровский Константин 7
Башкирцев Николай 2
Бережной Юрий 95
Бессонов П. С. 22
Бессонов Ю. 80
Бессонова (Томилова) Екатерина Михайловна 38
Билан Лаврентий Андреевич 21
Богатырев Иван 69
Боярко А. 80
Бояршинов А. П. 15
Бояршинов Алексей Федорович 91
Бояршинов Владимир Федорович 52
Бояршинов Георгий Александрович 16, 29
Бояршинов Иван Егорович 43
Бояршинов Николай Александрович 54, 84, 91
Бояршинов П. В. 59
Бояршинов Степан Алексеевич 43
Бояршинов Юрий 83
Бояршинова Н. 20, 40
Бояршинова Раиса Васильевна 83
Бояршинова Серафима Васильевна 38, 83
Брагин К. Ф. 98
Бубенникова М. 4, 31
Бубнов Иван Николаевич 43
Бузорин И. Д. 37
Бурдин Анатолий Александрович 53
Бурдин Василий Федорович 53
Бурдин Павел Александрович 28
Бурдин С. В. 43
Бурдин Федор Петрович 25, 60, 61, 63
Бурдин Филипп Васильевич 43
Бурдин Яков Николаевич 22
Бурдина Галина 80
Бурдина К. П. 97
Варов Аркадий Иванович 51
Ватолин Виктор Александрович 85
Вдовин Г. И. 37
Вержбицкая Ольга Борисовна 3
Веснин Андрей 95
Власов И. 6
Власов Константин 88
Власов П. П. 65
Волегов М. И. 39, 59
Вотинцев М. 19
Всемогущая О. У. 59
Вшивков В. Я. 37
Вшивков К. Д. 65
Вяткин Алексей Федорович 53
Галкин Николай 11, 42
Гилева О. 38
Головачев Л. П. 58
Головин И. 87
Голосов Николай 93
Голубев В. М. 47
Гомзяков Федор Григорьевич 79
Гордийцева Нина Николаевна 72
Грабская Екатерина 3
Грабская Лидия 3
Грабская Мария 3
Грахов Василий Николаевич 54, 57, 98
Гурин Н. 37
Гуровой Г. М. 59
Гусаров Николай Иванович 97
Гусева В. Д. 32
Данилов Н.
Данилов Нил Иванович 21, 69
Дерюшев Константин Григорьевич 44
Дубовицкий 6
Дылгин Кузьма Васильевич 15
Еремеев А. 95
Ермаков Александр Андреевич 46
Ермилов А. С. 65
Ершов Виктор 97

Жарова (Скорынина) Людмила
 Алексеевна 13, 14
 Жмулевская Фрося 86
 Жуков А. В. 97
 Зеленин Александр 59
 Зеленин П. С. 54
 Зубарев Николай Григорьевич 22, 33
 Игнатъев В. 89
 Ипанов А. Е. 59
 Ипанова М. 80
 Кадочников Иван Андреевич 53
 Казымов Афанасий Герасимович 53
 Казымов К. И. 59
 Калабина Тамара 86
 Каменских Константин Захарович 53
 Капелюшников Матвей Алкумович 88
 Каракулов М. И. 61
 Каргаполов Алексей Егорович 17, 34
 Карелин Игорь 59
 Карпов Николай Дмитриевич 91
 Кашинцев Василий 11
 Кобелев Степан Петрович 23, 35, 59, 87
 Кожевников И. 15
 Козоногов Т. П. 22
 Колчанов П. А. 33
 Колчанов Т. Ф. 59
 Кольцов Михаил Ефимович 67
 Кондаков А. 28
 Корелин К. 1
 Коробейников А. 46
 Косых Анна Андреевна 41, 75
 Кочетков В. Д. 28
 Кремлев Константин 75
 Крылов Н. А. 58
 Лабутин Петр Николаевич 39
 Ларионов Иван Евдокимович 87
 Летошко Е. П. 68
 Логинов Николай Михайлович 53
 Ломов Николай Семенович 39
 Лунев Иван Александрович 70
 Лунева К. Ф. 57
 Лушников Николай Васильевич 81
 Малахов Андрей Иванович 88
 Мальцев С. 80
 Мандрыкин Е. 3
 Маринкин А. А. 52
 Медведева А. И. 58
 Мезенцева Валентина Федоровна 72
 Мельников М. 8
 Мельникова Г. М. 44
 Меновщиков Г. П. 59
 Метельский Л. И. 47
 Михалев И. В. 61
 Михалев Ф. М. 65
 Мишланов П. А. 22
 Мокрушин В. А. 59
 Мокрушин А. В. 62
 Мокрушин Георгий Павлович 62
 Мокрушина Т. Г. 44
 Морозов А. 12
 Мосягин Г. П. 41
 Мочалов В. И. 65
 Насонов М. Л. 58
 Наумов Михаил Иванович 2, 27, 40, 45
 Невзоров А. В. 33
 Невилько Павел Михайлович 88
 Нецветаев Александр Васильевич 39, 82, 92
 Нецветаев Николай 88
 Николаев Р. 6, 29
 Новиков Дмитрий Андреевич 53
 Новицкий Николай 85
 Носков Георгий Карпович 8
 Носков Николай 88
 Носкова В. 49
 Носов И. 91
 Носов К. С. 70
 Обухов Емельян 59
 Оробей Г. К. 37
 Пепеляев Дмитрий 43, 87
 Пигалев Григорий Иванович 55
 Пирожков Борис 97
 Пирожков Яков 76
 Планов Евгений Иванович 53
 Плотников Александр Павлович 53
 Плотников Ф. 80
 Полюдова А. Ф. 44
 Пономарев Григорий Терентьевич 43
 Попов Иван Петрович 64, 67, 68
 Попов М. 96
 Попов Николай Сергеевич 67
 Попов Петр Григорьевич

Попова П. А. 60
 Путин В. Г. 37
 Путин Павел Лукич 53
 Пьянков Галактион Николаевич 73
 Редько И. В. 47
 Рейх З. М. 44
 Реутов Владимир 88
 Родин Н. М. 61
 Россоманин Константин Владимирович 56,
 Рудометов А. Я. 22, 39
 Рудометова А 80
 Рязанов А. А. 58
 Рязанов Николай Иванович 8, 14, 34, 36, 45, 51, 52, 56, 67, 70, 73, 75, 76, 79, 81
 Ряхинов Александр Николаевич 88
 Сальников Александр Федорович 53, 80
 Сальников Валерий 59
 Сарданов Георгий 82
 Сафонов Евгений 88
 Седов А. В. 58
 Седов Александр Андреевич 43
 Седов С. А. 43
 Селиванов Ф. 3
 Симушин Федор Александрович 89
 Сирак И. Г. 58
 Сиротинин Николай Владимирович 3
 Скорынина (Жарова) Людмила Алексеевна 13, 14
 Смирнов Анатолий Александрович 53
 Смирнов Л. Е. 47
 Смирнов Николай 88
 Смолин Александр Петрович 53
 Собколов Н. 64
 Соколов А. А. 47
 Соромотин А. Н. 58
 Соромотин И. А. 58
 Соромотин Павел Терентьевич 50
 Соромотин Ф. Д. 98
 Соснина Анна Васильевна 10
 Сосновский Игорь 97
 Стариков А. И. 22
 Стариков Валентин Григорьевич 66
 Стариков Г. Ф. 22
 Тельканов Сергей Алексеевич 82
 Тетенев В. 93
 Тетенев Владимир Николаевич 59
 Тиунов А. М. 59
 Тиунов Г. Н. 65
 Тихонов Николай Иванович 53
 Токарев Н. 71
 Томилова (Бессонова) Екатерина Михайловна 38
 Томилова А. 44
 Топоров Андриан Митрофанович 73
 Туров В. С. 59
 Урванцев М. К. 22
 Усанин Василий Михайлович 36
 Усанин Сергей Михайлович
 Усанина Ираида Ильинична 44
 Усанина Лидия Николаевна 36
 Фадеев И. 18
 Федосеев Е. С. 58
 Филиппов Н. В. 87
 Хенфельд Фридрих 9
 Чазов А. 47
 Чазов А. Ф. 22
 Чазов И. Н. 98
 Чазов К. П. 22
 Чазов М. П. 59
 Чазов Николай Петрович 43, 80
 Чазова А. С. 32
 Чазова О. А. 44
 Чалов Степан 97
 Чапник Зоя 74, 90
 Челпанов Сергей Васильевич 43, чепуров А. А. 87
 Чернышев Георгий Ильич 88
 Чернышев Илья Георгиевич 88
 Чернышев Николай Ильич 88
 Чирков Ф. И. 61
 Чудинов В. 5, 65,
 Чудинов Сергей Васильевич 7, 65
 Чудинов, С 74, 90
 Чудинова Р. П. 57
 Шардаков Г. 22, 33
 Шардаков П. М. 58
 Шаров Григорий Максимович 11, 42
 Шатров Лев 97
 Шемякин Е. 3
 Шилов Александр 88
 Шилов Ф. А. 86

Широких Василий Яковлевич 37
Широких Н. М. 22
Шкуропат Л. 80
Шмырин Александр

Шмырина В. С. 44
Щипицын А. П. 61
Юшенко Л. 3
Ягодин Герман Михайлович 53

Во имя мира на земле!

РАЗГОВОР

ЗНАМЯ ТРУДА

С гражданами... Хрущев...
...в 20 часов...
...Министров СССР Н. С. Хрущев.

В Москве и Ленинграде, в...

ГОЛОС ИНОВАТОРА

Мир победить войну!

Ленинское ЗНАМЯ

...руки на Юге...
...Ленин...
...Ленинское...

...Ленинское...
...ЗНАМЯ...
...Ленинское...

